

BOUNCE BY

THE KILLS

COOPERATED
BY
S.P.A.H.

18+

Annotation

Он – частный детектив, появление которого взбудоражило маленький городок. Загадочный незнакомец, вызывающий вопросы. Она – всего лишь бармен и девушка, ищущая покоя в жизни. У каждого из них есть свои неприглядные тайны и нелегкое прошлое. Чувства, фоном которым служат кровавые развлечения серийного убийцы и опасность, острой гильотиной висящая над героями.

Белый Шум

The Kills

*Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя.
Не потому, что б я ее любил,
А потому, что мне темно с другими
И если мне сомненье тяжело,
Я у нее одной ищу ответа,
Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней не надо света.
Иннокентий Анненский*

Глава 1. Постоялец

Ночная смена в баре началась, как и всегда, в девять вечера. Ночь обещала быть самой обычной: с пьяными посетителями, изливающими душу бесплатному психотерапевту в виде меня; с нетрезвым смехом, наполняющим помещение бара, пропитавшееся запахом выпивки, сигарет и чесночных гренков. Завершением ее может даже станет пара драк.

Бар в маленьком городке – место притяжения всех и вся. Эпицентр событий, слухов и сплетен. Каждый житель как на ладони, даже если не употребляет алкоголь и просто заходит перекусить.

В свою очередь бармен – молчаливые глаза и уши этого заведения. Разве кто-то воспринимает всерьез девочку двадцати четырех лет за стойкой бара? Пигалица, не понимающая в жизни ничего, наверняка работает здесь от нежелания учиться и занять нормальную профессию. Но им ведь невдомек, что денег на учебу у твоей семьи отродясь не было.

Жизнь в большом городе была слишком утомительна, ее ритм сбивал с ног, заставляя крутиться как белка в колесе. Некоторое время ты даже радуешься этому ритму, подхватываешь его, мчишься с безумным потоком людей в метро, из дома на работу, с работы домой. И так каждый божий день.

Пока однажды утром, когда будильник в очередной раз вырвет тебя из мягких объятий сна в несветлую рань, напоминая о необходимости выйти на промозглую, холодную улицу, спуститься в пропахшее сыростью и потом метро. Там ты будешь час тереться бок о бок с незнакомыми тебе людьми по дороге на работу с не самой большой зарплатой. И поймешь, что этот ритм порядком надоел. Высосал силы, душу и желание жить.

Вернувшись вечером уставшим и вымотанным, съешь свой привычный ужин и ляжешь спать, чтобы, проснувшись утром в столь долгожданный выходной, попивая кофе возле окна с видом на спальный район, понять, что не нужен тебе ни этот кофе, ни этот город.

Пробежавшись глазами по карте в своем смартфоне, заметишь пару мелких городков. Скользнет шальная мысль о смене места жительства, не отпускающая тебя всю следующую рабочую неделю. Когда в очередной раз в конце рабочего дня столь желанной пятницы на тебя свалится груз чужих недочетов и косяков нерадивых коллег поймешь – достало. И все выходные тщательно будешь штудировать фотографии и истории тех самых крошечных городков, остановившись на одном из них.

Неожиданно наступивший понедельник уже не будет таким унылым, ведь ты напишешь заявление об увольнении, начнешь собирать вещи в коробки, чтобы уже спустя три недели переехать и устроиться на работу в местный бар. Жители городка, узнав твою историю, покрутят у виска. Они-то мечтают рвать когти отсюда. А ты будешь снисходительно улыбаться, вспоминая давку в метро и душного босса с его странными, барскими замашками.

Заведение понемногу наполнялось людьми. Ночь пятницы только начиналась, а значит, скоро все местные любители пропустить стаканчик стекнутся сюда.

Я лениво натирала чистый бокал полотенцем, скрипящим по стенкам тонкого стекла, и осматривала помещение. Примерно половина столиков уже была занята. Скоро начнутся полный аврал и насилие над моими ушами, которое, кстати, мне даже нравилось. Пьяные люди такие откровенные. Сами вывалят всю подноготную, только успевай внимательно слушать.

Скрипнула входная дверь, впуская нового посетителя. Я не спешила поднять глаза, всех завсегдатаев я помню наизусть. Но воцарившаяся гробовая тишина, в которой саундтреком повис скрип натираемого мной стекла, тиканье часов, висящих над просторными полками с алкоголем, да капающий кран в подсобке, известила о визите кого-то столь неожиданного, как дождь в январе.

Я замерла, убрав один инструмент из общей мелодии, и подняла глаза.

На пороге стоял незнакомец, выделяющийся среди местных, как косуха среди кружевных панталон. Высокий брюнет с ровной, если не сказать царственной, осанкой, одетый во все черное. Короткие смоляные волосы зачесаны назад, оставляя только пару выбившихся на лоб прядей. Легкая небритость, делающая лицо суровее. Куртка, классические брюки и рубашка.

Он уверенным жестом поправил ворот кожаной куртки, стряхнув мелкие капли ночного дождя, заморосившего так некстати, и окинул присутствующих слегка прищуренным взглядом. Глаза незнакомца были так пронзительны, что в голове заиграла музыка из вестернов, а воображение дорисовало ему сигару и шляпу. Клинт Иствуд удавился от зависти, заплакав в углу.

Исчужающий взгляд обвел помещение и остановился на мне, пробираясь в самую душу. Я едва не раздавила бокал от неожиданности. Во всеобщем молчании мужчина уверенным шагом направился к барной стойке, не сводя с меня взгляд. Неспешные шаги, каблуки его туфель, отстукивающие каждый шаг по дощатому полу, и скрипнувшая половица стали новым дополнением мелодии тикающих часов и капель в кране. Я, опомнившись, пару раз протерла многострадальный бокал, скрипнувший тоненькое «О-оу», и отправила его в держатель над стойкой.

Мужчина откинул полы кожаной куртки, оперся рукой на столешницу и грациозно опустился на стул. Здесь освещение было лучше. Мне удалось увидеть, помимо всего прочего, татуировку, покрывающую всю его шею: череп с крыльями по бокам, розы, а в самом низу из-под первой застегнутой пуговицы виднелся глаз.

«Любопытно».

– Что предпочтете? – дежурная фраза прогремела в тишине.

– Двойной виски.

«А у него приятный голос», – подумала я про себя, отметив, как волнительно его тембр щекотнул мой слух. – «Ему бы на радио работать или аудиокниги читать».

Я кивнула, выудила из-под стойки шот, отмерила две порции, отправила их в квадратный стакан, который после поставила на заранее подготовленную салфетку.

Гости бара до сих пор молчали, нагнетая обстановку.

Незнакомец взял выпивку, словно невзначай поправил куртку, обнажив кобуру, скользнул взглядом по присутствующим и сделал глоток.

Старик Эрл, все это время сидевший в углу со своей дежурной пинтой пива, пьяно пошатываясь, вскочил с места. Он сжимал сухие, натруженные работой на ферме руки в кулаки, насупив седые брови. На загорелом лице ярко выраженное беспокойство, в глазах нетрезвая решительность.

– Проблемы? – сурово процедил незнакомец, вскинув подбородок.

– Зачем тебе оружие? – проскрипел фермер.

– Разве я должен отчитываться? – густая черная бровь поползла вверх.

– У нас мирный городок, – не унимался Эрл, защищая честь родного города.

– Поэтому у вас уже три трупа? – мужчина ехидно ухмыльнулся, метая искры в собеседника.

Присутствующие зашептались, удивленные его осведомленностью.

– А ты еще кто такой? – крикнул некто из отдыхающих.

– Детектив, – отвернувшись, процедил он, качая в руке стакан с янтарной жидкостью.

Послышался звон разбитой посуды.

– Пять баксов, – вякнула я в никуда.

– Блять, – ответил криворукий, судя по голосу, трудовик местной школы.

– И на кой черт ты нам тут сдался? – негодовал Эрл.

На этот раз фермер удостоился взгляда, которым обычно награждают одинокий пельмень, обнаруженный примерзшим к стенке в морозильной камере – удивление, вперемешку с презрением за то, что посмел отбиться от коллектива.

– Пускай остается, – подала голос местная вертихвостка.

«Будто тебя волнует судьба убитых, а не то, что в штанах детектива».

Мужчина лукаво улыбнулся, выскивая глазами автора слов.

Тишина и напряжение, витающее в воздухе, начали душить, как дешевый освежитель воздуха в здешнем туалете, на котором хозяин нещадно экономил.

– Ну все! Хватит! – грохнула я по стойке ладонью. – Людей никогда не видели что ли?

Народ зашептался, звуки стали возвращаться в помещение. Я щелкнула кнопку на проигрывателе позади меня, заиграл рок старой школы, заглушая изумленные голоса.

– Вы правда детектив? – вежливо поинтересовалась я у незнакомца.

– Не похож?

– Честно признаться, не очень.

Мужчина стал пристально рассматривать меня, вызывая нервозность. Пришлось схватить из-за стойки тряпку и начать натирать ей поверхность, дабы занять руки.

– А вы не похожи на официантку, – заключил он.

– Я бармен.

– Все равно. Вам стоило податься в модельный бизнес, а не прозябать в этой глуши.

Он так лучезарно улыбнулся своими ровными зубами, что мне показалось, будто наступил рассвет и я сейчас ослепну.

«Какие хорошие зубы. Он, наверное, неплохо зарабатывает. Стоматолог – это не дешево».

– Сочту за комплимент, – нажим на тряпку усилился. Скоро в поверхности образуется дыра.

– Это он и был, – детектив опустил глаза мне на грудь. – Кейт.

«Он что, на моих сиськах имя прочел?»

– Бейджик, – пояснил мужчина, увидев мой ступор.

– А-а-а, – я посмотрела на бумажный прямоугольник с четырьмя буквами прикрепленный к моей футболке.

Никогда не понимала, зачем бейджи для персонала в городе, где все друг друга знают. Но хозяин заведения считал, что так его бар выглядит солиднее.

– А вы?

– Люций. Можно на ты.

– Люций? – я вздернула бровь. – Как полностью? Люциан? Люцид? Люцифер?

На последнем предположении мужчина округлил глаза, посмотрев на меня уже более

заинтересованно.

– Просто Люций, – уже более снисходительно, как если бы я заслужила чем-то особое отношение.

– Ладно.

– Где в вашем городе можно снять жилье на длительное время? – он сделал глоток виски.

– Хозяин бара – Джек, владеет всем зданием. Наверху находятся квартиры под аренду. Не дворец, но жить можно. Могу позвать его. Обсудите.

– Думаете, он сдаст квартиру такому как я?

– Учитывая, что одна из жертв его дочь, более чем.

Гость повел челюстью, призадумавшись и кивнул.

– Будьте любезны, Кейт.

Вежливо улыбаясь, я хотела направиться в подсобное помещение, но он протянул свернутую стодолларовую купюру.

«Сейчас в кассе ничего не останется. Вот ведь жопа».

Я накрыла оплату ладонью, вторую руку запуская в карман сумки на поясе, где хранилась вся наличность для расчета. Моей руки коснулась широкая, теплая ладонь Люция, охватывая ее полностью. Вздвогнув от неожиданности, я вскинула голову вверх и посмотрела на мужчину.

– Сдачи не надо.

– Здесь слишком много.

– Это чаевые тебе, – он склонил голову на бок и пригнулся над столом, поманив меня пальцем. – Только если ты станешь моими глазами и ушами здесь.

Я стояла, подавшись вперед к мужчине, жадно втягивая носом запах его парфюма: бергамот и древесные ноты приятно щекотали рецепторы. Местные мужики такую деталь отрицают как нечто презрительное, чем свойственно баловаться городским пижонам и не пристало суровым работягам с руками по локоть в машинном масле и кружкой пива в руке.

– Пытаешься меня купить, Люций?

Он расплылся в широченной улыбке, как чеширский кот, а в карих глазах, клянусь, мелькнул красноватый огонек.

«У него катаракта что ли?»

– Твои глаза и уши всего лишь, – мужчина отпустил мою руку, выпрямляясь на стуле.

«Деньги мне не помешают».

– Хорошо, – я кивнула, пряча купюру в задний карман джинсов. – Позову хозяина.

Люций отодвинул стакан, сцепив руки в замок в выжидательном жесте. Спешно ретировавшись в подсобку, я позвала хозяина здания.

Мужчины минут пять знакомились и обсуждали нюансы. Хозяин бара заметно оживился, узнав, кто его потенциальный постоялец. А после они оба поднялись наверх по лестнице, соединяющей бар и жилой этаж.

Спустя час ко мне подошел Джек с пакетом, в котором обычно мы продаем еду на вынос.

– Отнеси детективу. Квартира номер шесть. За баром я присмотрю.

– Окей.

Перехватив ужин, судя по всему, служивший жестом доброй воли, я поднялась наверх в тускло освещенный желтоватым светом коридор, пропахший картошкой фри и дешевыми

сигаретами. Подошла к нужной двери и постучала два раза.

Сначала было тихо, я уж решила, что Люций лег спать, но послышался шорох, затем дверь отворилась. На пороге появился мужчина уже без кожаной куртки. Теперь это была черная хлопковая рубашка с закатанными рукавами, обнажающими татуированные руки. Чернила плотно покрывали кожу до самых запястий, лишь подчеркивая красоту сильных рук с выступающими на них венами.

Я залюбовалась этой картиной, зависнув на добрых секунд пять.

– Кейт?

– Ужин, – отлепляя взгляд, так резко вскинула голову, что шею болезненно прострелило судорогой.

– Поставь на стол, – Люций указал себе за спину на небольшой журнальный столик возле дивана.

Детектив отошел от двери, вернувшись к просторному рабочему столу, на котором покоились коробки с материалами дела, и стал снова доставать бежевые папки из их недр.

Нельзя было не воспользоваться моментом и не оглядеться. На полу лежала пара спортивных сумок, и вещи еще не были разложены. Новый постоялец сразу приступил к работе, даже не выделив время на себя. К стене напротив дивана уже были приклеены три фотографии жертв.

– Ох, – непроизвольно вырвался у меня вздох сожаления.

Люций скосил глаза на мою реакцию, отрываясь от бумаг, проследил за печальным взглядом и повернулся уже полностью в мою сторону.

– Такие молодые. Жалко их, – пояснила я.

– Верно, – он не спешил вступать в диалог, цепко приковав свой пронзительный взгляд ко мне.

– Мне кажется, или они похожи?

Я бегала глазами по трем фотографиям, отмечая все больше сходства между девушками.

– Чем именно? – Люций, заинтересованный такой наблюдательностью, отложил папку в сторону, скрестил руки на груди, и оперся на стол.

– Темные волосы, каштановые плюс-минус, – я покрутила рукой в воздухе. – Светлые глаза, голубые, зеленые. Да и черты лица схожие.

– Верно, – протянул он. – А что насчет этого?

Люций указал пальцем мне за спину. Я оглянулась, наткнувшись взглядом на старое овальное зеркало без рамы, висящее сбоку от дивана. Поверхность, поцарапанная от длительного использования, выглядела слегка мутноватой, но это не мешало рассмотреть отражение. Из него на меня смотрела девушка, весьма похожая на трех жертв.

– О, черт! – вырвалось непроизвольно, когда до меня дошло увиденное. – Я никогда не думала об этом.

– Теперь стóбит, – голос детектива стал обеспокоенным.

– Поэтому ты попросил меня стать твоими глазами и ушами? Потому что я ходячая приманка? – все внутри захлестнуло негодованием.

«Приманка за сто долларов. Потрясающе».

– Отчасти. Но больше потому, что ты бармен единственного бара в городе. А что видит бармен, не видит больше никто.

– О чем ты? – взгляд вернулся к мужчине, неотрывно следящим за мной.

– Замечай все подозрительное. Странное поведение, слова, разговоры.

– И не гуляй поздно ночью, – добавил он с толикой заботы в голосе.

– Я живу в соседней квартире. После смены поднимаюсь по лестнице, соединяющей бар и второй этаж. Так что на улице я даже не бываю.

– Отлично, Кейт.

– Мне пора, – опомнилась я. – Смена еще не закончена.

Возле самой двери, когда я уже почти вышла в коридор, Люций осторожно взял мое запястье, вгоняя в ступор столь дерзким жестом, нарушающим личные границы.

– Береги себя, Кейт.

Глупо хлопая глазами на такую заботу от едва знакомого человека, я застыла, глядя на него, как кролик на удава. Было в этом взгляде нечто гипнотизирующее, такое, что невозможно отвернуться.

– Д-да, – запнувшись, согласилась.

– Увидимся, Кейт.

– Обязательно, Люций.

Мужчина отпустил мою руку и закрыл дверь, а я так и осталась стоять возле нее, сканируя полотно отвратительного коричневого цвета.

Слишком много информации и событий. Я отвыкла от такого в маленьком городке, но теперь, после загадочных убийств, все изменилось.

Безвозвратно.

Глава 2. Among us

Линден – городок, что можно обойти пешком за час-полтора. Смешное время по меркам жителя мегаполиса. Там это ничтожно короткое мгновение, за которое много не успеешь. Здесь же, напротив, будто умноженное на двое, текущее размеренно, как густой сироп на тарелку. Может тут аномальная зона? Или же это жители так не спешны и не торопливы, что сами замедляют ход стрелок часов своим плавным ритмом жизни?

Знаете, в чем проблема маленьких городов?

Нужно иметь очень натренированный язык. Нет-нет, не для того, о чем вы подумали. Пока ты идешь за покупками по городу, вынужден здороваться даже с каждой собакой, не говоря уже об их владельцах. И это не сухое и бездушное «привет», выплевываемое жителями миллионников друг другу, а то и вовсе короткий кивок головой знакомому лицу на другой стороне улицы.

Здесь поздороваться с соседом – значит провести полноценную беседу о твоём утре и настроении, планах на день, а то и на жизнь. В ответ обязуясь выслушать такую же историю. Место не для интровертов. Ведь подобный трюк нужно проделать не раз и не два, к концу пути чувствуя, как ноет язык, а во рту все пересохло от болтовни.

Безусловно, добрая половина этих людей интересуется твоей жизнью из праздного любопытства и желания поперетирать ее подробности с другими соседями. Но здесь хотя бы кто-то ей интересуется, пусть даже с такой целью. На этом фундаменте под названием «Жажда сплетен» и стоит своим основанием любой крошечный городок.

Здесь все знают все обо всех.

Или нет?

Я шла в магазин за покупками, радуясь солнцу, нежданно решившему потешить жителей города своими теплыми лучами. В воздухе еще витал едва уловимый аромат лета, сотканный из запахов раскаленного асфальта, цветущих раскидистых кустов возле домов, которые со всей любовью и заботой холят и лелеют местные, и акцента из капли луговых цветов. Душа требовала музыки, но про плеер пришлось с переездом забыть окончательно. Какой смысл, если наушники то и дело приходится вынимать? В крупном городе же они, фактически, становятся частью твоего тела.

Музыкальным слухом я не обладала ввиду того, что мне на ухо не то, что медведь наступил, а целый зоопарк потоптался. Я насвистывала под нос песенку Green Day, задавая настроение и наверняка жутко фальшивя. Но кто меня осудит?

Местный супермаркет мало напоминал те, которые бывают в больших городах. Но тем не менее здесь можно было найти все, от гандона до батона.

Я дефилировала вдоль полок, как Синди Кроуфорд в лучшие годы по подиуму, с той лишь разницей, что у меня была тележка, которую я толкала перед собой, наполняя продуктами и предметами быта, следуя плану и внутреннему зову. Именно благодаря последнему к горé покупок прибавилась пачка чипсов, упаковка пива, бутылка вина и коробок тампонов, к которой воззвал уже женский календарь.

На кассе покупки уместились в два пакета. Два охренительно тяжелых пакета, еле вытасненных за пределы магазина, где я с ненавистью к собственной запасливости шмякнула их на асфальт. Внутри что-то грохнуло, расталкивая соседей по вместилищу.

Две минуты пути, а я запыхалась, как после стометровки. Уперла руки в бока, взгляд в

покупки, а ноги в асфальт, боясь свалиться замертво.

«Надо было вместо рисования заниматься пауэрлифтингом».

Задумчиво почесав затылок, я оглядела свою ношу, стоящую на земле. Uber в городе не имелся, рассчитывать на вероятность поймать такси не приходилось ввиду его отсутствия в принципе.

«Может одолжить тележку в магазине?»

– Помочь?

Я без труда определила, кому принадлежит голос. Позади меня обнаружился детектив – он же мой новый сосед. Сентябрьский день выдался погожим. На мужчине были лишь брюки и рубашка с закатанными рукавами. Он держал в руке только что купленную пачку сигарет, собираясь закурить, когда в его планы вмешалась я со своей контрольной закупкой.

– О, Люций, привет!

Я поправила небрежный пучок на голове, слегка растрепавшийся после борьбы с гравитацией.

– Если тебе несложно. А то у меня тут случилась переоценка сил своего брэнного тела.

– У тебя нет машины?

Он спрятал в карман сигареты, откладывая возможный рак легких на попозже, и подошел ближе.

– Зачем она здесь? Я живу над баром, в котором работаю. А тратиться на бензин ради поездки за покупками невыгодно.

– Разумно.

Люций поднял пакеты с легкостью метателя молота олимпийского разлива и двинулся в сторону дома. Я скакала рядом, поймав придурковатый задор последних теплых осенних дней, стараясь не слушать птичий хит «Скоро холода, вам всем кабзда», доносившийся из крон желтеющих деревьев.

– Ты не местная, – внезапно выдал мой новоиспеченный сосед.

– С чего взял?

– Манера общения отличается от остальных. Удобная, минималистичная одежда и макияж, хотя местные женщины всегда одеты как на парад. Такое свойственно жителю большого города. Ну и отсутствие хотя бы старенького пикапа выделяет тебя среди прочих, – мужчина скосил глаза, проверяя мою реакцию. – Здесь без машины, как без рук. Наверняка ты привыкла к наличию такси и общественного транспорта.

– Bravo, Шерлок! – я захлопала в ладоши. – Не зря ты детектив.

– Обычная наблюдательность и немного логики.

Он пожал плечами, совершенно проигнорировав груз в своих руках.

– Ты тоже городской, – я не стала отставать в нашей игре «Раскуси соседа». – Откуда ты?

– Чикаго.

– Как узнал про Линден и все здесь происходящее?

Люций поджал губы, отворачиваясь в сторону.

– Долгая история, – не захотел он вдаваться в подробности, подозрительно скомкано реагируя на столь простой для детектива вопрос. – А ты из Нью-Йорка. Я прав?

– Обалдеть, – я аж к асфальту приросла. – Даже спрашивать не буду, как ты узнал.

– У тебя очень сильный акцент.

Я негодуяюще хлопнула себя по бедрам.

– Так и знала, что однажды он меня сдаст.

Мужчина довольно сощурился, сдерживая откровенную улыбку.

– Далеко ты забралась. Где Нью-Йорк и где Иллинойс.

– На то были причины, – не хочет выдавать всей правды о себе, что ж, я тоже не буду спешить.

– Всегда так рано встаешь?

Люций перехватил ручки пакетов поудобнее и посмотрел на меня с высоты своего роста.

– Нахваталась местных привычек. Тут все привыкли работать не покладая рук, встают раньше первых петухов. А ты?

– Ходил знакомиться с шерифом.

– Успешно?

– Вполне. Он даже дал мне копии материалов дела, вплоть до тех, которые есть лишь у полиции.

– Да ла-а-адно.

Я чуть не встретила носом асфальт, запнувшись от неожиданности, но мужчина умудрился продемонстрировать чудеса ловкости, схватив меня за руку. Крепкая хватка не дала растечься мозгом по дороге и вернула равновесие в мою походку.

– Между нами говоря... – Люций оглянулся, проверяя наличие посторонних ушей, но на улице было на удивление пусто. – Они в отчаянии. У них три жертвы, а информации ноль. Моя помощь для них как манна небесная.

– Тогда все встало на свои места. Но они, по большому счету, заложники своего мышления.

– В каком смысле? – он искренне заинтересовался моими рассуждениями.

– Никто из жителей, даже шериф, не считает, что убийца живет среди них. Абсолютно каждый житель города свято уверен, что это некто приезжий. В этом суждении самая большая ошибка в таких случаях.

Я тоже оглянулась, понимая, что мои слова звучат как богохульство по отношению к Линдену для местных.

– Маньяком всегда оказывается кто-то из своих, как бы им стремно не было об этом думать. Брат, муж, приветливый почтальон, садовник, – хохотнула я, вспоминая классику жанра, – в которых видят приятных людей, а не монстров. Убийца не бежит с окровавленными ножом по городу. Он затаился и ждет. Мимикрирует под окружение, в итоге оказавшись твоим соседом.

Люций так выразительно посмотрел на меня, что мне на миг представилось, как он бросает мои пакеты и начинает аплодировать.

– Я впечатлен, – честно признался мужчина. – Не хочешь в свободное время стать моей помощницей?

– Помощницей? Шутить?

– Нет, – он мотнул головой с самым серьезным выражением лица. – Ты единственная здесь, кто мыслит здраво и в нужном направлении.

– За помощь полагается оплата? Как за глаза и уши? – внутренний еврей радостно потирал жадными ручонками.

– Могу носить твои покупки из магазина.

– Ах ты хитрец! – я погрозила Люци пальцем. – Знаешь, чем подкупить одинокую даму.

Мы переглянулись, рассмеявшись во весь голос, совсем не заметив, как за разговором

подошли к дому и начали подниматься наверх по лестнице, ароматизированной запахом сырости.

– Ты частный сыщик? Я ведь правильно поняла? – внутренний почему-то требовал ответов.

– Да.

– Зачем тебе ловить маньяка? За это же никто не заплатит.

Я нашарила в сумочке ключ, начав не глядя насиловать им замочную скважину. Дверь никак не поддавалась.

– Как я уже говорил, ты очень сообразительная, – похвалил Люций, поставив пакеты на пол. – Позволь, – он указал глазами на замок.

– Старый шакал почил с миром, почти перестал закрываться и открываться, – поплакалась я, пользуясь случаем, и отошла в сторону.

– Тогда может стоит сменить замки? – заметил сосед, дернув дверь за ручку и покрутил ключом. – Особенно учитывая обстановку в городе.

Ненавистный замок легко поддался, дверь приглашающе отворилась.

– Может и стоит.

«Надо сходить в хозяйственный магазин».

Люций прошел внутрь, отнес покупки на кухню и вернулся обратно к выходу.

– У тебя гораздо уютнее, чем в моей квартире.

Он осмотрелся в моей скромной обители, больше напоминая выставку современного искусства. Куча странного барахла – очень интересно, но ничего не понятно.

– Я уже обжилась, как-никак два года тут.

– Краска свежая, – он погладил стену пальцем.

– Недавно обновила ремонт. Правда, как видишь, с материалами не разгуляться, – я тоскливо поглядела на кусок стены за диваном. – В местном хозяйственном ассортимент скудный. Пришлось выбирать между цветом героинового прихода и снега у мужской общаги. Как видишь, героиновый приход победил.

Мужчина прыснул на мою шутку, бархатисто рассмеявшись.

– Не самый плохой выбор, – мой вкус удостоился одобрения.

Я потянула резинку, держащую пучок на голове, и волосы волнами посыпались на плечи, вызывая вздох облегчения от тянущей пряди из прически. Запустила пальцы в волосы, стала взбивать их у корней, запрокинув голову назад.

– Может, останешься на коф...

– Мне пора, – перебил меня сосед.

Резкая перемена настроения пригвоздила меня к месту, где я стояла. Не понимая, в чем дело, посмотрела на Люци. Тот сжимал кулаки до побелевших костяшек, челюсть стиснута, очерчивая скулы, в глазах странный блеск в смеси с испугом. Не дождавшись ответа, мужчина развернулся на пятках и удалился прочь. Дверь соседней квартиры хлопнула, встряхнув меня своим звуком, как дефибрилятор в руках неопытного врача.

«Что с ним? Я что-то сделала не так?»

Словно в ответ самой себе я пожалала плечами. Следуя намеченному плану, отправилась на кухню разбирать покупки и готовить еду.

Время пролетело почти незаметно в царстве половников и кастрюль. Я уже заканчивала приготовление лазаньи, как в дверь постучали. Вытерев руки о кухонное полотенце, вышла встречать внезапного гостя. На пороге стоял Люций с бумажным пакетом.

– Хочу поменять тебе замок.

– Э-э-э, ладно, – внезапная забота ввела меня в ступор. – У тебя есть инструменты?

– Есть, купил вместе с замком.

– Серьезно? Купил инструменты только чтобы поменять мне замок?

– Это вместо спасибо? – мужчина поставил пакет на столик в коридоре и принялся доставать покупки.

– Простое любопытство.

Стало неловко от самой себя. Действительно, он ведь помочь хочет. Что за недоверие?

– Я пойду закончу с едой.

– Угу.

Он уже начал откручивать старый, убитый временем замок, даже не глядя на меня. Спустя полчаса лазанья была готова, как и закончены работы по обеспечению моей безопасности.

– Вот ключи, – Люций протянул мне два ключа. – Запасной лучше хранить вне дома в безопасном месте.

– Сколько я тебе должна?

– Нисколько.

– Ты же потратился, – не унималась я, помня, что бесплатный сыр только в мышеловке.

– Кейт, – Люций строго посмотрел на меня, сдвинув брови. – Обычное соседское беспокойство, не более.

– Останься хотя бы пообедать в качестве благодарности.

– Как ты там сказала? Знаешь, как подкупить одинокого мужчину?

Он широко улыбнулся, складывая инструменты обратно в пакет. Щеки вспыхнули, выдавая мою реакцию. Мне стало жарко от этого пищевого флирта.

– Мой руки и за стол, – включив внутреннюю мамку, я скрылась на кухне.

Послышался шум воды в ванной. Люций последовал моему наставлению, пока я раскладывала еду.

Мы сели за стол, я взялась за приборы.

– Молиться перед едой не будем? – пошутил он.

– Бога нет, ешь спокойно.

Махнув вилкой отрезала себе кусочек блюда и начала есть, отметив, как страшно проголодалась. Люций повел бровью, удивленный моим ответом.

– Только местным не говори. Они наверняка ходят в здешнюю церковь каждое воскресенье, – он тоже приступил к трапезе.

– Ходят. Но вообще они в курсе моих мировоззрений. Даже вроде бы смирились, что я не разделяю их воскресные рэйвы в честь Иисуса.

Сосед аж поперхнулся, постучал себе по груди, запив водой от греха подальше.

– Ты вкусно готовишь, – снова начал сыпать комплиментами мужчина. – Сто лет не ел домашнюю еду.

– Почему? – затупила я.

– Мне некому готовить. А сам я слишком занят.

Мне вдруг стало грустно от его слов. Одиночество, сопровождавшее нового соседа, стало ощущаться почти физически. Захотелось обнять, пожалеть и накормить.

– Что-то не так?

– Нет, нет. Все в порядке, – я отрицательно замотала головой. – Лучше скажи, с чего ты

взял, что убийца вернется? Он уже три с половиной месяца, как взял перерыв.

– А ты времени даром не теряешь. Будем обсуждать убийства за едой?

– Если ты хоть раз завтракал под новости большого города, то поймешь, что перебить мне аппетит такими беседами очень сложно.

Я отрезала кусочек лазаньи, демонстративно отправляя его в рот.

– Хорошо, – мужчина отложил приборы, взял бокал с водой, делая новый глоток. – Маньяк нуждается в убийстве, как в кислороде. Это его способ получить удовлетворение, потому что другие способы, традиционно принятые у обычных людей, ему не подходят. Он не получает должного удовольствия от обычного секса, если вообще в состоянии им заниматься. Для него разрядка наступает в тот момент, когда он реализует свою манию, фантазию.

Люций замолчал, следя за моей реакцией, а я только сейчас поняла, что перестала есть, с открытым ртом слушая его речь. Мое замешательство подействовало на детектива весьма ожидаемо.

– Послушай, – он снова взялся за вилку. – Не хочу портить приятный обед разговорами такого рода. Если ты будешь мне помогать, то я отвечу на все твои вопросы в другой свободный день.

Я так интенсивно закивала головой, что меня едва не укачало.

– И все же. Что будешь делать, если он вернется нескоро?

– Я весьма терпелив, уж поверь мне. А теперь, – Люций указал глазами на мою тарелку, – еда.

Оставшуюся половину обеда мы обсуждали жизнь в большом городе и ее отличие от сельской. Спорили о футбольных клубах и том, где же лучше, в Чикаго или Нью-Йорке, ни на минуту не возвращаясь к обсуждению убийцы.

Когда с едой было покончено, я сложила тарелки в раковину и полезла в шкаф за кофе. Открыла банку и, сунув нос едва ли не до дна, поняла, что там пусто.

– Кофе... купить я забыла.

– Ничего страшного. Спустимся в бар. Но сначала надо помыть посуду.

– Ой, да пусть лежит! – я махнула рукой.

– Не согласен. Самоорганизация – это очень важно.

Мужчина поправил закатанные рукава, открыл кран и начал мыть тарелки.

– Ты ставишь меня в неловкое положение, – посетовала я, беря сухое полотенце, чтобы вытирать посуду.

– Значит нужный процесс запущен, – он поучительно поднял палец в пене вверх.

Еще полчаса было потрачено на уборку, прежде чем мы наконец-то спустились в бар. Сегодня за стойкой была моя сменщица Валери Эванс – высокая блондинка двадцати четырех лет с серыми глазами и вечно подернутым томной поволокой взглядом. Она налила нам кофе, но отходить не спешила, поставила кофейник на место, снова вернувшись к стойке.

– Детектив, – девушка положила руки на столешницу, плавно наклоняясь, и едва не растеклась грудью в шикарном декольте по ее поверхности. – Как вам наш город?

Я чуть не подавилась горячим кофе, застрявшем поперек горла от такого откровенного флирта.

Люций опустил глаза в маячащие перед его лицом части тела, затем поднял их обратно к томному лицу Валери. На лице мужчины не дрогнул ни один мускул.

«Кремень, а не мужик».

Я спрятала смешок за чашкой.

– Хороший город, приятный.

– А жители? – не унималась Валери, подпирая щеку рукой и заглядывая в глаза детективу.

– И жители интересные.

Валери закусила губу, стреляя глазами.

– М-м-м, точно, – она закивала, едва не ложась на стойку полностью. – Стоит познакомиться с ними как можно ближе.

Люций потер подбородок, задумавшись.

– Я подумаю над этим.

– Подумайте, детектив. Еще я могу стать вашим личным гидом.

Она провела пальцами по вырезу платья, но мужчина остался непреклонен, смотря ей точно в глаза.

– Обязательно.

– О, скажите, детектив. У вас есть наручники? – томно протянула Валери.

– Да, – невозмутимо ответил Люций.

– А пистолет?

– Тоже.

– Большой пистолет? – с очевидным намеком уточнила она.

Валери положила палец в рот, слегка прикусывая.

– Большой, большой, – тон детектива стал снисходительным, словно он разговаривал с кем-то не очень далеким.

Впрочем, так оно и было.

Я сделала громкий всхлюп напитком, пытаюсь не заржать в голос, обжигая себе небо и язык, чем привлекла внимание. Валери дернулась, ударяясь локтем о стол. Люций спокойно повернул голову в мою сторону, будто ситуация была самая рядовая.

– Совсем забыла! – поставив чашку на стол, я вскочила с барного стула. – Мне нужно провести собрание клуба.

– Клуба? – коллега захлопала глазами, детектив молчал.

– Клуб свидетелей кринжа. А я его председатель. Собрание вот-вот начнется. Прошу меня простить.

Валери изменилась в лице, выражая полное недоумение от моих слов. Переведя взгляд на мужчину, я заметила, как он прячет широкую улыбку за чашкой. Обогнув стойку, я пошла к лестнице, соединяющей бар и жилой этаж, оставляя мою сменщицу в полном недоумении.

Оставшуюся половину дня я предпочла потратить на просмотр сериала, зашаурмившись в одеяле на диване. Компанию мне составила пачка чипсов и бутылка пива, чем я, в общем-то, не была расстроена. Сюжет затянул меня не на шутку, время пролетело незаметно.

Я не сразу поняла, что в соседней квартире хлопнула дверь и послышались два голоса, мужской и женский. В сериале как раз случился неожиданный поворот, плавно перешедший в темный экран, и в ноутбуке отразилось мое обалдевшее от сюжета и гостей соседа лицо, с чипсиной во рту.

Глянув на часы, с немалым удивлением осознала, что уже глубокий вечер. Дневная смена в баре закончена, а значит Валери сменил сам хозяин бара, работающий теперь с нами вместо его покойной дочери.

Голоса о чем-то разговаривали буквально минут десять, затем замолчали. Я все пыталась смотреть сериал, но то и дело отвлекалась на то, чтобы прислушаться. Правда в следующий момент стало понятно, что сильно наострять слух не придется. Послышались громкие женские стоны, с каждой минутой лишь набиравшие децибелы.

– Да ла-а-адно.

Глаза закатились так, что я чуть не увидела свой череп изнутри. Недовольно пыхтя, пришлось выбраться из образа шаурмы, засунуть ноги в тапочки и направиться к выходу.

Нет, я все понимаю, личная жизнь она такая, но мне мешают смотреть сериал. Где это видано?

Забарабанив в соседскую дверь что есть мочи, я обрушила слой штукатурки, но меня было не остановить. Стоны затихли. Спустя мгновение дверь отворилась, явив мне детектива, обнаженное тело которого прикрывала только простыня в нижней части. Мне стоило больших стараний не смотреть ниже пояса, но когда я увидела его татуировки в полной красе, прилагать усилия и не понадобилось.

С широкой, мускулистой груди на меня смотрел самый настоящий Бафомет, задорно подмигивая своим третьим глазом на лбу. Тело Люци было без преувеличения совершенным: накаченные руки, плотно покрытые чернильными узорами; косые мышцы, уводящие взгляд ниже; рельефный пресс.

Я мысленно отхлестала себя по щекам.

«Соберись, Уилсон!»

– Кейт?

– Люций? – слышалось из квартиры.

– Замолчи, – крикнул мужчина вглубь, не отрывая взгляда от меня.

– Детектив, – задрал голову так, чтобы увидеть глаза соседа, я натянула ехидную улыбочку. – Весьма впечатлена, что вы так активно взялись за расследование дела, глубоко погрузившись в него, – слова о глубине сопроводились соответствующим жестом руки. – Но показания допрашиваемого вами свидетеля слышно в моей квартире. Не могли бы вы немного сбавить градус допроса? Стены здесь тонкие, как чле... Кхе. Неважно. Тонкие стены тут, короче.

Тирада получилась очень эмоциональной. Я запыхалась, гневно раздувая ноздри. Люций сделал вид, что потирает подбородок, но от меня не укрылось, как он старается сдержать смех и улыбку.

– Понял. Извини, я все улажу.

– Премного благодарна.

От нервозности я на кой-то черт исполнила кривой книксен, оттянув в сторону края длинной футболки, только в этот момент осознавая, что на мне из одежды лишь тапки и футболка, едва прикрывающая зад. В порыве негодования я даже не натянула штаны. Мужчина не спешил уходить, стоя в дверях, откровенно рассматривая мой образ.

«Светить трусами не хотелось бы».

Как на зло он словно ждал, что я сдамся первой. Не найдя лучшего варианта, крабьей походкой я доковыляла до своей квартиры, натягивая футболку едва ли не до колен и стараясь не поворачиваться задом. Соседняя дверь хлопнула. Женский голос чему-то возмутился, но не долго. Стало тихо.

«Похоже, он применил свой большой пистолет».

В подтверждение моих мыслей я услышала тихий мужской стон. Снова женский голос,

мужской, отвечающий недовольно. Девушка негодуяюще взвизгнула. Послышался топот, грохот с размаху закрытой двери и стук каблуков по коридору. Все стихло, звеня столь резкой тишиной в ушах. Потянуло запахом сигарет.

«Надеюсь, Валери не насыплет мне в кофе цианид за такой облом».

Больше мой вечер ничто не омрачало.

То ли я утомилась длительным просмотром сериала, то ли пиво взяло свое, но в итоге я так и заснула прямо на диване, в глубине души почему-то радуясь тишине в соседней квартире.

***

Половину следующего дня я посвятила попыткам властвования над контролируемым хаосом в своей квартире. Вещи кочевали с места на место, что-то шло на выброс, что-то оставалось до следующего раза. На колонке, подключенной к ноутбуку тихо играла музыка, и я махала тряпкой, подпевая. Настроение от чего-то было отличным.

Вознаградив себя за старательность плотным обедом и теплым душем, снова не обнаружила кофе в банке. Да и откуда ему там взяться, в магазин-то я не дошла. Пришлось снова спускаться в бар за дозой кофеина.

Я вышла на лестницу ведущую вниз, тихо притворила за собой дверь, осторожно ступая в полутьме. Желтая лампочка под треугольным, побитым ржавчиной абажуром наипоганейше освещала путь. В нос ударил запах горелого масла, вкупе с цветом освещения создавший впечатление, что меня окунули во фритюрницу.

Каждый раз я представляла, как однажды сверну себе шею, пересчитав все ступени и распластаюсь в самом низу в позе героинового наркомана в момент ломки.

Послышались голоса, по их громкости я сделала вывод, что люди стоят в самом низу моего пути. Замерев как суслик, начала прислушиваться.

– Валери, – голос мужчины был раздраженным. – Это был просто секс. И это не значит, что между нами что-то есть. Ты хотела попасть в мою постель. Я не стал тебе отказывать, но на этом все.

– Но, Люци...

– Прекрати, пожалуйста. Истерика тут не поможет.

«Ого. Похоже, он единственный, кто не очаровался ею».

Скрипнула дверь вниз.

– Гандон, – возмутилась блондинка, не зная, что я все слышу.

Застучали каблуки, девушка тоже ушла.

«Вот дела».

Стараясь не выдать свою осведомленность, я сделала лицо кирпичом прежде, чем выйти в люди. Желтая, фритюрная полутьма сменилась голубоватым оттенком слабоосвещенного бара. За стойкой сегодня днем был Джек, но Валери так и крутилась рядом, ведь по другую сторону сидел Люций. Джек натирал бокалы, как любой бармен, имитирующий деятельность.

Тихонько играла музыка, разбавленная негромкими разговорами и скрипом стекла. Помещение, погруженное в свой привычный полумрак, принимало скудных посетителей. Днем здесь пахнет яичницей с беконом, блинчиками и кофе. Это словно совсем другое

заведение, не похожее на вечернее и кардинально отличающееся от пятничного, где порой не протолкнуться и не сделать даже глоток свежего воздуха – так много людей приходит снять стресс рабочей недели.

И среди них прячется убийца.

Хладнокровный. Жестокий. Беспощадный.

Возможно, он каждую пятницу, а то и каждый день, сидит здесь с кружкой пива, а может с простой чашкой кофе и смотрит. Рыщет глазами в поисках добычи, как хищник, при этом мило улыбаясь соседям и потенциальной жертве.

Наверняка он так же мило улыбался моей сменщице Линде.

А потом убил ее.

Детектив пил кофе, делая пометки в маленькой записной книжке в черном переплете.

– Всем привет! – поздоровалась я.

– Привет, – отозвался Джек, проверяя чистоту бокала на свету.

– Привет, Кейт, – Люций оторвал сосредоточенный взгляд от записей и тепло улыбнулся.

Валери же недовольно цокнула, посмотрев на меня, как кот на позавчерашнюю гречку в миске, и, виляя бедрами, скрылась на кухне.

Я налила себе кофе и села рядом с детективом.

– Расскажешь мне о присутствующих? – он сказал это тихо, чтобы его слова услышала только я.

Я коротко кивнула, стараясь понять, как сделать это без палева. Воздух начал наэлектризовываться, а позвоночник вытягиваться в ровную линию. Пальцы сжали керамическую поверхность. Скосив глаза, я посмотрела, кто сидит в зале.

– Спокойно, – шепнул мужчина, замечая мою нервозность.

Возле черного входа послышался протяжный скрип тормозов грузовой машины.

– Наконец-то! – Джек подвесил бокал в держателе. – Привезли продукты. Кейт, ты присмотришь за баром?

От волнения я слишком активно затрусила головой. Джек вопросительно изогнул бровь, наверняка решив, что у меня моментально развился Паркинсон. Но вопросы задавать не стал. Теперь за стойкой мы остались вдвоем.

– Будет очень подозрительно, если мы начнем шептаться. Как бы мне не хотелось стать своей, я для них всегда чужая.

– Сделай вид, что флиртуешь со мной.

– Издеваешься? – я криво улыбнулась

– Нет. Все подумают, что ты ко мне клеишься. Конечно, поползут слухи, но тут уже сама выбирай.

Люций пожал плечами, сохраняя полную невозмутимость. Я прочистила горло, взвешивая все за и против, и натянула улыбку.

– Ты улыбаешься так, словно собираешься воткнуть мне заточку в бок. Расслабься, говорю же.

Мужчина закрыл записную книжку, вложив ручку между страниц. Я нелепо хохотнула, прикрывая рот ладонью.

– Уже лучше. У тебя чудесная улыбка.

Щеки покрыл румянец смущения, взгляд непроизвольно уперся в пол, пряча мою реакцию.

«Я так отвыкла от комплиментов. Реагирую как школьница».

– Перестань, я не смогу сосредоточиться, – произвольно схватив прядь волос, стала наматывать ее на палец.

«Чертов детектив. Как он это делает?»

Люций повернулся ко мне полубоком, слегка сощурил глаза и та-а-ак посмотрел, что меня пробрало волной жара вперемешку с мурашками. Повинуясь инстинкту, я кокетливо закусила губу и поправила волосы.

– Как ты это делаешь? Прекрати, – опомнившись, зашипела на него, цепляясь за столешницу пальцами, чтобы не свалиться под нее от неловкости.

– Практика, – мистер невозмутимость снова открыл свои записи и взялся за ручку. – Если для того, чтобы ты была естественной, мне нужно говорить тебе комплименты, то не проблема. У тебя красивые глаза.

– Еще кофе?! – бахнуло из-за стойки.

Валери как из-под земли выросла, стоя с кофейником наперевес.

– Будь добра.

Детектив ткнул пальцем в кружку, подвигая ее в сторону девушки. Блондинка налила новую порцию Люцию, но мне предлагать не стала. Да я и не просила. Наверняка она бы с большим удовольствием плюнула мне в него, а может и вместо него.

Она так и стояла, глядя на мужчину, ожидая неизвестно чего.

– Спасибо. Если что-то понадобится, я тебя позову.

Клянусь, я увидела, как в серых глазах Валери мелькнула картина, где она разбивает тару с кофе о голову детектива. Злобно пихнув кофейник на место, девушка убежала прочь на кухню. Ее тоненький, возмущенный голосок слышался даже сквозь негромкую музыку. Она негодовала не долго, вскоре вместо речи стали слышны всхлипы.

Присутствующие замолчали, смотря в сторону помещений для персонала. Тишина стала неловкой, ведь в ней отчетливо был слышен плач.

– Вот черт. Я сейчас.

Не хватало еще новых поводов для сплетен.

Метнувшись кабанчиком в сторону кухни, я толкнула серую, маятниковую дверь с круглыми окошками и влетела в помещение. Валери стояла рядом с поваром, Питером Джефферсоном. Он растерянно смотрел на плачущую девушку, прячущую лицо в ладонях.

– В чем дело?

Питер пожал плечами, стоя как истукан. А вот Валери, услышав мой голос, резко вскинула голову и крутанулась вокруг оси, демонстрируя заплаканное лицо и потекшую тушь.

– Ты-ы-ы, – дрожащий палец указал на меня.

Я вдруг испугалась, что она сейчас схватится за нож, лежащий на разделочной доске рядом с ней.

– Валери, что случилось?

Блондинка подбежала ко мне, яростно пихая в грудь.

– Отвали!

Я пошатнулась и едва не упала, а девушка выбежала прочь. Устало помассировав глаза, просканировала взглядом обалдевшего повара, явно не ожидавшего такой картины в его владениях.

– Прости, что помешали.

– Все в порядке, – он сдержанно кивнул, возвращаясь к работе.

В зале меня встретили такие же недоуменные лица в количестве трех штук. Люций был как раз таки совсем не удивлен.

– Итак, на чем мы остановились?

Водрузив себя на прежнее место, я подвинулась уже ближе, чтобы моя речь была слышна только детективу.

– Начни с любого. И не забывай улыбаться.

Принимая за точку отчета ближайший ко входу стол, зафиксировала сидящего там мужчину: среднее телосложение, средний рост, темно-русые волосы, на первый взгляд ничего особенного.

Нервозность и боязнь быть застуканной за сдачей местных жителей насытили кровь адреналином. Окружающие звуки приглушились, отодвигаясь на задний план как ненужный фон. Осталось только беспокойно стучащее сердце и шумное дыхание, учащенное ситуацией.

– Первый от входа. Филипп Дуглас, тридцать лет.

Вцепившись пальцами в чашку с кофе, подняла глаза на Люци, он начал делать пометки на листе.

– Его мать владеет ателье, отец – ремонтом обуви. У них целая мастерская во дворе дома. Сам он нигде не работает. Родители при деньгах благодаря своему делу, содержат единственного сына-лентяя.

– Второй стол, – подсказывал детектив.

– Эрл Винкерс, фермер. Думаю, ты его помнишь. Обычный работяга, любит пропустить стаканчик. Выращивает овощи для продажи на рынке. Может показаться недружелюбным, но он просто старой закалки. Стоит на страже Линдена.

– Рядом сын?

Мужчина мягко улыбнулся, поддерживая легенду о флирте. Я посмотрела на второй столик. Рядом с Эрлом сидел здоровенный детина под два метра ростом, с лицом бульдога и таким же свирепым взглядом.

– Да. Сэм. Тридцать один год. У него скотобойня здесь. Снабжает мясом местных. И кстати, – я забежала глазами, копаясь в чертогах разума. – Кажется, он жил в Чикаго какое-то время. Работал на скотобойне, собственно после этого видимо и нашел свое призвание.

Люций изменился в лице. Вперился взглядом в стол, сопоставляя информацию в голове, сделал быстрые пометки и взволнованно повел челюстью.

«Почему его так взбудоражила эта информация?»

– Повар, – направлял меня детектив.

Закинув ногу на ногу, я склонила голову вбок, снова накручивая локон на палец. Вроде бы должно быть похоже на флирт. Из-за жизни в сельской местности я даже заигрывать с мужчинами разучилась.

– Питер Джефферсон. Тридцать лет. Племянник Джека. У него больная мать. В свободное от работы время ухаживает за ней. Между нами говоря... – я наклонилась к мужчине, Люций повторил за мной, и наши лица оказались так близко, что сомнений со стороны в том, что мы флиртуем, остаться не должно было. – Джек дал ему работу, чтобы были деньги на жизнь, но от личной помощи сестре откrestился.

– Эй! Кейт!

Голос Питера, внезапно окликнувшего меня из окошка на кухню, прозвучал как набат. Показалась светловолосая голова парня. Он имел телосложение человека, некогда занимавшегося физическими нагрузками более активно, нежели сейчас. Впрочем, форму он

ее утратил, будучи, скорее поджарым, нежели качком. Повар поставил две тарелки на стол.

Звуки резко вернулись в окружение, затикали часы, протяжно завывла гитара в песне, играющей фоном. Даже голос старика Эрла, всегда громко возмущающегося, резанул слух, хотя до этого его будто и не было вовсе.

Мы с детективом испуганно отпрянули друг от друга и уставились на повара.

– Отнеси заказ. Второй стол, – попросил Питер.

– Конечно.

Стараясь не вызвать подозрений своим ошарашенным лицом, я мило улыбнулась парню, взяла блюда и направилась к столику.

– Эрл, Сэм. Ваш заказ.

– Наконец-то, – старчески заскрипел фермер.

– Отец, – басисто вмешался его сын, беря вилку. В огромной ручище столовый прибор казался игрушечным. – Успокойся.

– Приятного аппетита, – пожелала я под недовольный бубнеж старика и удалилась на место рядом с детективом.

– Есть еще какие-то детали?

Люций смотрел в свои записи, оценивая собранную информацию.

– На сколько я помню из рассказа Линды, все трое дружат еще со школы. Вместе учились в колледже, вместе попали под отчисление. Там была какая-то нехорошая история с наркотиками и попыткой изнасилования, но Сэма и Питера отмазали родители, а вот Филипп даже отсидел за это. Родители оказались принципиальными, не стали давать денег, хотя не бедствуют. Его мать очень характерная женщина, встала в позу в этом вопросе.

– Любопытно, – мужчина сделал пометки в записях. – Кто-нибудь в последние пару лет возвращался в город после отсутствия?

– Да пфффф, – я так громко зафырчала, что на нас оглянулись.

Даже Питер высунул белобрысую голову с кухни. Пришлось прокашляться и запить свою эмоцию остывшим кофе.

– Почти все поколение тридцатилетних в какой-то момент уезжало в поисках лучшей жизни, но в итоге вернулось, не найдя ее. Питер вернулся к больной матери. Филиппа перестали снабжать деньгами, когда поняли, что он спускает их на алкоголь и наркотики. Сэм вернулся после смерти матери, чтобы не оставлять отца в одиночестве. Эрл конечно ворчун, но жену любил. И да, все они вернулись пару лет назад, как и еще добрая часть их одноклассников.

– Паршиво, – заключил Люций.

– В этом то и проблема. Они все обычные люди, которые просто пытаются жить.

Он закрыл свои записи, залпом допивая кофе, и, повернувшись ко мне уже всем корпусом, задал волнующий вопрос.

– Почему из всех возможных городов, ты выбрала тот, где самые мутные жители, да еще и маньяк в придачу?

– Откуда мне было знать? – я пожала плечами. – Маньяк вообще объявился через два месяца после моего переезда. Я уже маленько начала втягиваться в коллектив. Уезжать не хотелось.

– Везучая ты, – он снова стал обеспокоенным.

Я вглядывалась в карие глаза, силясь понять, в чем причина волнения. Он столь же пристально смотрел в ответ. Между нами и правда образовалась некая химия, осязаемая в

воздухе. Так хорошо мы вжились в роль заинтересованных друг другом.

Актеры без Оскара.

Хлопнула дверь черного входа. Возвращался Джек с приемки товара.

– Спасибо. Остальных обсудим позже.

Люций вернул себе привычное невозмутимое лицо.

– Эй! Голубки! – хозяин бара, задорно подмигивая, облокотился на стойку, разглядывая нас. – Флиртуете?

– Что? Мы? Нет, – я замотала головой, отрицая догадку шефа.

– Да ладно тебе, Кейт. Я вижу, как вы смотрите друг на друга. Это городские флюиды и все такое, понимаю.

«Что ж, будем считать, что сценка с флиртом удалась настолько, что нам поверили, даже когда разговор, по сути, был закончен».

– Лишь бы делу не мешало, – подытожил Джек. – Кстати, скоро состоится праздник урожая. Люций, там сможешь увидеть всех жителей города. Советую посетить.

– Непременно, – мужчина вежливо улыбнулся, забирая со стола записную книжку, и встал. – Пойду работать. Спасибо за кофе. Увидимся, – последнее слово было адресовано уже мне.

– Увидимся.

– Ты в его вкусе, – прошептал владелец бара, когда Люций удалился прочь в сторону лестницы, ведущей наверх.

– Ой! – я отмахнулась, спрыгивая со стула. – Пойду отдыхать. Завтра с утра моя смена.

– Ага-ага.

Мужчина стал снова натирать чистые бокалы.

***

Как назло, сна не было ни в одном глазу. Хотелось быть огурцом на работе, с целью чего я легла пораньше. Но, по-видимому, мне сулило быть лишь жухлым огурцом, завалившимся среди грядок в окружении более свежих сородичей. Четвертый час подряд я ворочалась в кровати, отлежав все бока, сбив ногами простыни в праведном гневе на свой организм.

Выбравшись из теплой постели, натянула джинсы и тонкий свитер, взяла бутылку вина, свернутый плед и, пройдя до конца коридора по темной лестнице, вылезла на крышу здания.

Это было моим любимым местом в городе. Я часто проводила тут время, наблюдая за размеренной жизнью соседей, рассматривая звезды на низком небе. В городе их почти не видно. Да и кто в городе вообще смотрит на небо? Разве лишь только для того, чтобы узнать, не пойдет ли дождь, испортив планы и добавив своего сырого аромата в душные вагоны метро.

Я так крепко призадумалась, что когда за моей спиной грохнула дверь, я испуганно дернулась, едва не выронив бутылку.

– Не спится? – мой новоиспеченный сосед стоял позади.

– Откуда ты знаешь про мое место?

– Твое? – удивился он.

Люций подошел ближе, его черты лица стали более различимы, благодаря свету фонарей возле дома.

– Вроде бы крыша общая, – он огляделся и пожал плечами.

– Сюда никто не ходит. Видимо, только я любитель романтики крыш.

– Мне уйти? – вежливо, без тени обиды спросил детектив.

Он сунул руки в карманы брюк и сделал самое серьезное лицо.

– Нет. На самом деле я не на долго, – я махнула рукой.

– Поэтому так легко одета?

– Не могла заснуть, пришлось прибегнуть к методу бомжа.

– Бомжа?

Повисла неловкая пауза.

– Нужно постоять на холоде, а потом нырнуть в постель. Тогда заснешь как миленький, – как ни в чем не бывало пояснила я.

– Вино часть метода? – Люций указал на бутылку, с которой я обнималась.

– А где ты видел трезвых бомжей?

Секунду помедлив, детектив так громко и искренне рассмеялся на мою дурацкую шутку, что я почувствовала себя комиком года.

– У тебя очень странное чувство юмора, – он снял с себя кожаную куртку и накинул мне на плечи. – Мне нравится.

– В куртке метод не сработает, – попротестовала я для виду.

Но мне дико понравился этот жест. Боже, обо мне уже целую вечность никто так не заботился. Предмет одежды приятной тяжестью лег на плечи, нос тут же щекотнул великолепный запах парфюма.

– Не вредничай. Заболеешь еще.

Мужчина сел рядом на свернутый плед. То ли я отвыкла от ухаживаний, то ли мне не доставало романтики в этом городе, но я едва не завизжала от восторга. Потянула скрипучий воротник вверх, оставляя лишь глаза, пряча за ним глуповатую улыбку.

Он отдал мне свою куртку.

Свою куртку отдал.

Понимаете, да?

– Бутылка закрыта, – Люций посмотрел на алкоголь в моих руках.

– И правда, – я отвлеклась от щенячьего восторга внутри, покрутив вино в руке. – Забыла штопор и бокалы. Сейчас схожу.

Я достала из кармана ключи и собиралась встать, но мужчина меня опередил.

– Давай я, – он протянул руку за ключом.

Поднялся, собираясь пойти к выходу, но остановился.

– Второй спрятала? – осведомился Люций, вспоминая свое наставление.

– Да.

– Где?

– В ящике на работе.

– Это по твоему надежное место? – в голосе послышались насмешливые нотки.

– Там есть кодовый замок, – я надула губы.

– И какой же код? Хотя, подожди. Дай угадаю, – он щелкнул пальцами. – День рождения?

– А как ты...

– Это было просто. Но советую сменить.

– Ой, все, – буркнула в ответ снова зарывшись в потрясающий аромат его одежды. – Жду

вино.

Люций усмехнулся, но не стал комментировать направляясь к двери. Спустя минут пять он вернулся и сел рядом. Я держала бокалы, пока он открывал бутылку и разливал вино.

– За знакомство? – предложив тост, я подняла свою порцию алкоголя.

Красная жидкость в ночи казалась почти черной.

– За знакомство, – вторил мне детектив, ударяя свой бокал об мой.

Мы выпили, я уставилась на ночное небо, кутаясь в широкую куртку. Обстановка была романтической, словно мы вообще пришли сюда на свидание, а не встретились случайно. На крыше было тихо, в этом состояло главное отличие от крыш миллионников. Там шум машин и кипящей жизни не прекращается никогда. Даже глубокой ночью ты все равно получишь напоминание о множестве людей внизу, снующих туда-сюда. Все бегут, не пытаясь остановиться и понаблюдать, прочувствовать жизнь.

Порыв холодного воздуха осенней ночи заставил неприятно покрыться мурашками и поежиться. Я подтянула колени к подбородку, положила на них голову, теперь упирая взгляд в шершавый бетон крыши.

– Не замерзнешь в одной рубашке?

– Я морозоустойчив.

– Да ну? – скепсис я даже не пыталась скрыть.

– Поверь, есть то, что греет меня холодными ночами.

Ответ прозвучал так загадочно и неоднозначно, что я на секунду призадумалась. Какие тайны хранит в себе этот мужчина? Я ведь, по сути, мало что о нем знаю. Эти его странные татуировки. Интерес к делу о серийном убийце. Ведь его совершенно точно не нанимал никто из жителей города.

Одни вопросы.

– Почему решила переехать? – нарушил тишину вопросом Люций.

– Не знаю, – я пожала плечами, покачивая в руке бокал. На поверхности алкоголя отразился блик, мелькнувший бордовым цветом. – Устала от жизни в большом городе.

– Устала говоришь? – мужчина сделал глоток. – Хочешь скажу, в чем причина на самом деле?

– Удиви меня.

Я повернула голову, кладя ее щекой на коленки так, что мне стал виден его профиль. В тусклом свете черты лица были не так ярко выражены, но от этого он не был менее красив. Ровный нос, четкие линии скул, волевой подбородок. Он выглядел уверенным, с толикой благородства и военной стати. Татуировки, выглядывающие из-за ворота рубашки и закатанных рукавов, разбавляли строгость образа, напоминая – передо мной не просто суровый, хладнокровный детектив, идущий к своей цели, а прежде всего человек, возможно, с не самым легким багажом за плечами.

– Ты бежишь от одиночества.

Рассуждения о внешности Люци как рукой сняло.

– Одиночества? – я приподняла бровь, отрывая голову от нагретых ног. – В Нью-Йорке восемь миллионов жителей. О каком одиночестве речь?

– Так я и не про людей, – мужчина опрокинул остатки алкоголя, потянулся за бутылкой, налил себе новую порцию и добавил мне. – Одиночество внутри, в душе, если угодно. Ты была среди людей, в толпе, никогда не оставаясь одна, но при этом будучи одинокой. Пустота – вот что тебя еще гложет. Здесь ее острые края немного зашлифовываются об размеренность

жизни.

Не знаю, правда ли это. Никогда глубоко не рассуждала о причинах своего спонтанного бегства. Но слова тронули некие струны в глубине души, те звонко зарезонировали в ответ, намекая о попадании в цель.

– Ты психолог?

– Я ловлю серийного убийцу. Знать психологию, хотя бы отчасти, очень важно. Так что? – он смерил меня внимательным взглядом. – Угадал?

– Возможно. Сама пока не разобралась, – я сделала пару глотков вина. – От чего бежишь ты?

– Скорее за чем, – поправил меня Люций.

– За чем же?

Возникла пауза. Он не спешил отвечать, покачивая в руке бокал, разглядывая алкоголь внутри него и думая о чем-то своем.

– Долгая история? Я угадала?

– Точно, – Люций кивнул, делая несколько щедрых глотков.

Похоже, тема была болезненна для него.

– Тагуировки, я полагаю, тоже с ней связаны? – прямо спросила я, алкоголь слегка убрал мою стеснительность.

– Да. Они часть истории, – не отпирался сосед.

– Не буду приставать с расспросами. Хотя первый порыв был именно такой, – разоткровенничалась я. – Но если захочешь поделиться, мои уши использует весь город, так что они и к твоим услугам тоже.

Детектив медленно кивнул, рассматривая темный, неразличимый горизонт невидящим взглядом.

– Спасибо, – хрипло отозвался он. – За то, что не лезешь в душу.

Ветер разметал эти слова по крыше, унося их прочь, но я расслышала каждое из них. Полное боли, но в то же время благодарности и облегчения, за понимание личных границ.

– Бесит, правда?

Детектив тряхнул головой, сбрасывая наваждение мыслей, и посмотрел на меня с неммым вопросом.

– Когда лезут в душу. Страшно бесит.

– Точно, – он улыбнулся. – Бестактные засранцы.

Мы рассмеялись, снимая напряжение тяжелого момента. Стало чуть полегче. В конце концов, не хотелось портить столь чудную ночь негативом.

– Почему ты так сильно смущаешься от комплиментов?

– Ох, хороший вопрос. Наверное, я отвыкла от них. Здесь никто не умеет делать их правильно. Максимум местных мужчин: «Ну ты это э-э-э ничего. Может по пиву?».

Намеренно понизив голос, я пробасила фразу, изображая типичные подкаты местных. Люций расхохотался своим приятным, хриловатым смехом, изумленно покачивая головой каким-то своим мыслям.

Забавно, но сейчас он совсем не был похож на того мужчину, который несколько дней назад вошел в бар. Он был искренним и открытым.

– Им стоит поучиться. Это полезный навык.

– Можешь стать их учителем. У тебя хорошо получается.

– У тебя тоже. Дашь мастер-класс местным девушкам?

Один-один. Обмен похвалой замкнул свой круг.

– Зачем ты так поступил с Валери? – во мне заговорило вино, подстегнутое еще и темой разговора.

Густые черные брови вопросительно поползли вверх.

– Ой! – я похлопала себя по губам. – Во мне снова проснулись сельские вайбы.

– Похвально, что ты замечаешь это за собой. Значит не все потеряно.

Мужчина отсалютовал мне бокалом и сделал глоток, я повторила за ним.

– На самом деле, – мне хотелось высказаться, – за ее поведением стоит детская травма.

Я тоже по началу думала о Валери, как о местной девушке легкого поведения, но когда узнала предысторию, мне стало жаль.

– Так ты тоже психолог? – ироничный тон не оставил сомнений в попытке подколоть меня.

– Просто умею логически мыслить. Немного.

– Тогда посвяти в ход своих мыслей, – выразил интерес Люций.

– Опять же, все, что я знаю, мне рассказала Линда. Мать Валери уделяла ей не сильно много времени. Родила просто потому, что вышли сроки законной возможности прервать нежеланную беременность, когда она узнала о ней. Но миссис Эванс честно заботилась о дочери, кормила, поила, одевала. В общем, по части обеспечения качества жизни вопросов к ней не было. О материнской любви речи же не шло.

Я отпила вина, смачивая горло, и продолжила:

– Отец же совсем не принимал участия в жизни маленькой Валери. Всегда относился холодно. Девочка все пыталась добиться внимания от папы, но тщетно. А спустя время он и вовсе развелся с ее матерью. Наверное в тот момент что-то в ней надломилось. Такой образ жизни она ведет с подросткового возраста. В ней есть некая изюминка, и некоторые местные мужики весьма очаровываются ей.

Люций замер, так сосредоточенно слушая меня, что я немало воодушевилась в своей речи:

– Только она скачет от одного к другому. Ищет внимания, любви, которые не дал ей отец.

Я замолчала, ожидая вердикта моего собеседника. Порыв холодного ветра вывел мужчину из ступора раздумий. Я обернулась в его куртку плотнее. Пауза становилась слегка напряженной.

– Ты точно не психолог? – детектив будто и правда вышел из ступора от прохлады, настигнувшей нас.

– Нет. Я даже колледж не заканчивала. У семьи не было денег. Свое место в мире я не нашла. Но я много читаю, – последнюю фразу сопровождала вздернутым вверх пальцем, намекая, что не стоит списывать меня со счетов.

– Ты очень верно мыслишь, – похвалил он.

Хорошо, что на улице было достаточно темно. Я снова зарделась от такого комплимента на этот раз моим умственным способностям.

– Правда теперь чувствую себя мудаком, – он взъерошил аккуратно уложенные волосы, слегка растрепав их.

– Всегда есть возможность извиниться.

– Не люблю извиняться.

– Но передо мной же смог.

– А это... – он задумчиво почесал затылок. – Не важно, – и махнул рукой.

«Странный он все же».

Я в один присест допила остатки вина, потрясла бокал вверх ногами, сбрасывая осевшие внутри капли на кровлю. Не сразу заметила, как зевнула во весь рот так, что старик Эрл на своей ферме наверное сумел разглядеть мои гланды.

– Кажется, твой метод работает. Идем.

Люций тоже допил алкоголь, поднялся, забирая бутылку и плед с пола. Я взяла бокалы. Мы подошли к двери, ведущей вниз. Сосед пошел первым.

– Надо лампочку вкрутить, – начала я свое возмущение. – А то сверну себе однажды шею.

Детектив остановился в полутьме лестницы, слегка разбавленной тонкой полосой света из-под двери. Я увидела, как он завоzilся, перекладывая плед подмышку той руки, в которой держал бутылку.

– Дай руку, – послышалось из темноты.

Я протянула ладонь, он взял меня за руку. Широкая, теплая мужская ладонь крепко сжала мою. Стало не так страшно. Если упаду, наверняка поймают.

Шаги стали увереннее, мы дошли до выхода. Мужчина распахнул дверь, пропуская меня вперед. В глаза противно ударил свет коридора, я зажмурилась, стараясь проморгаться заслезившимися глазами. Пройдя немного дальше, уже оказалась внутри дома. Люций шел следом, но руку так и не отпустил. Мы не сразу увидели человека посреди длинного коридора.

Более того, мы не сразу поняли, кто это.

– Валери?

Я застыла, удивленная даже не знаю от чего больше. От ее визита или от того, что она несколько изменилась. На лице девушки пронеслась целая гамма эмоций. От удивления, перетекшего в печаль, до злости и отвращения.

Мозг, расслабленный вином, не сразу понял, в чем дело.

Мы стояли с детективом, держась за руки. У него в руке бутылка вина, у меня бокалы, на мне его куртка.

«О, черт!»

– Зачем ты покрасила волосы? – строго спросил сосед.

Весь открытый настрой Люци как рукой сняло. Он разжал пальцы, ринувшись вперед. На лице неподдельное беспокойство вперемешку с ужасом.

От белоснежных локонов Валери не осталось и следа. Теперь ее волосы были такого же цвета, как мои. Такого же, как волосы всех жертв.

Но в ней произошло еще какое-то изменение. Едва уловимое. Не сразу понятное.

– У тебя линзы? – кажется до меня дошло.

Ноздри мужчины раздулись от злости.

– Какого черта ты творишь?! – он стиснул кулаки, стараясь сдержаться.

– Пошел ты, – девушка поджала дрожащие губы. – Пошли вы оба!

Голос сорвался на крик. Развернувшись на каблуках, она побежала прочь, оставляя нас в полном недоумении.

Теперь на одну потенциальную жертву в городе стало больше.

Они были так похожи и не похожи одновременно.

Впрочем, как и со всеми остальными. С той лишь разницей, что до этого я не знал их живыми. Видел лишь истерзанные, безжизненные тела, с пустыми глазами, полными смирения. За секунду до смерти каждая из них принимала ее, осознавая, что сейчас наступит облегчение, закончится боль и страдание, сменяясь блаженным покоем.

Расширенные зрачки, смотрящие в небо с немым укором.

Где ваш бог?

Почему он оставил меня умирать?

Почему заставил вынести все это?

Разве я заслужила такую участь?

Возможно, ответ настигнет их уже после, у врат рая. Но, честно говоря, не думаю, что они существуют.

Смерть часто абсолютно бессмысленна и беспощадна. Особенно от рук монстра.

А когда она распустила свои волосы. Блять... Меня как током прошибло. Пришлось выйти, отдышаться, скурить пару сигарет по дороге, чтобы остыть. Мне стоило больших усилий находиться рядом с ней, но, кажется, она ничего не заметила.

Нельзя спускать с нее глаз.

Глава 3. What is your fetish?

Происходящее было нечетким. Подернутым синеватой дымкой. События, сумбурные и неясные, сменялись покадрово, из-за чего обстановка становилась все более гнетущей.

Женский крик. По спине бежит холодок.

Быстрый шаг сменяется бегом. Ступеньки. Так много ступенек. Откуда?

Крик становится громче. Кровь стучит в висках. Сердце едва не выпрыгивает из груди.

«Нет! Я успею! Успею!»

Тело покрывается мерзким холодным потом.

Где ты? Где ты?!

Коридор – бесконечный тоннель, ни начала, ни конца. Тусклый свет из спальни.

Там, в полутьме, на полу. Тело.

Сбиваюсь с ног, словно пьяный. Они не слушаются, становятся ватными, не желая двигаться.

Мой дом – моя крепость. Так ведь говорят?

Любимая?

Колени ударяются о деревянный пол до дикой боли.

– Любимая, посмотри на меня.

Заглядываю ей в лицо. Не реагирует.

– Эй. Ну же. Я ведь успел. Успел на этот раз.

Приподнимаю на руки ее стройное тело. Остывающее. Ужасно тяжелое.

Голова запрокидывается назад в неестественном движении.

Глаза. Не моргают. Такие пустые. Два зрачка. Как черные бездны.

На шее туго затянута красная лента.

Крестик. Где ее крестик? Она ведь всегда носила его, не снимая. В воскресенье снова потащит меня в церковь.

На полу в темной луже что-то блестит. Касаюсь пальцами находки. Это не вода.

Кровь. Повсюду. Я весь в крови.

Ее крови.

Где ваш гребаный бог? Ублюдок!

Слышится детский плач.

Я вскочил на кровати, как током шарахнутый. Раньше всегда думал, что такое возможно только в кино. Сердце билось о грудную клетку так, словно сейчас выпрыгнет прочь. Тело покрылось липкой испариной.

Кошмар. Очередной.

Как часто людям снятся кошмары? Пару-тройку раз в год? Слабаки. Я их вижу каждый день.

Ледяной душ и сигарета на завтрак. Обычное дело последние пять лет. Я сидел на диване, затягиваясь едким дымом. Взгляд намертво приклеен к стене напротив с фотографиями жертв.

Нужно посетить полицейский архив. Пора вывернуть всю подноготную этого городка наружу.

В соседней квартире слышался топот и пение. Кейт собиралась на работу, судя по всему, пребывая в потрясающем настроении. Хорошо, когда для тебя работа в радость, а не

ежедневная попытка найти справедливость и успокоение своей души.

Черт, девчонка совсем не парится. Даже замок не собиралась менять, пока я не сделал все сам. Вряд ли она поймет, если я завалюсь к ней домой и буду обитать на диване с пистолетом, как сторожевой пес. Очень странно жить с его потенциальной жертвой рядом, зная, как он с ними расправляется, и не иметь возможности ничего сделать. Раньше я видел их уже мертвыми, когда и сделать-то ничего нельзя. Теперь одна из них прямо за стеной, а крошечный городок означает, что она, весьма вероятно, под прицелом монстра.

Хлопнула дверь. Кейт ушла в бар. Что ж, пожалуй и мне пора получить свою дозу кофеина перед работой.

Одевшись и спустившись вниз уже привычным маршрутом, я хотел было обойти стойку и сесть, как увидел приоткрытую дверь, ведущую в помещение для персонала. На ней не было замка, вообще никакого. Подойдя ближе, я медленно отворил ее, проверяя. Дверь не скрипела, а значит тихо проникнуть туда незамеченным может любой.

Внутри помещения стояла Кейт. Она расчесывала волосы, глядя в зеркало, и, похоже, так сильно задумалась о чем-то своем, что когда я появился на пороге, девушка завизжала, пульнув в меня расческой. Я едва успел увернуться, чтобы не схлопотать острыми зубьями по лицу.

– Люций! Ты напугал меня до чертиков!

Кейт приложила ладонь ко лбу и прикрыла глаза, делая глубокий вдох. Я поднял расческу с пола, прошел внутрь и отдал воинственной соседке.

– Хорошая реакция. И кричать ты умеешь. Это полезные навыки, – похвалил ее способности самообороны.

– Да ну тебя! Я чуть не поседела, – Кейт все еще тяжело дышала.

– Почему на двери нет замка? Сюда ведь может войти любой.

– Потому что это маленький город, даже если его поставят, то закрываться никто не будет. Тут-то и входные двери не запирают. О чем ты? – Кейт убрала расческу в шкафчик.

– Хреново, – безрадостно констатировал я. – Ты хотя бы пароль поменяла?

– Да нормальный пароль, что ты волнуешься. Думаешь, кто-то помнит, когда у меня день рождения? Я и сама-то забываю иногда.

– У тебя там лежит запасной ключ от дома. Это несерьезно.

– Эта неферьефна, – покривлялась Кейт, передразнивая.

– Я тебя отшлепаю.

Слова вырвались прежде, чем я понял, как это прозвучало. Соседка вмиг стала пунцовой, смущенно опуская взгляд и кусая губы. Я прокашлялся, нервно потирая шею.

Кто виноват, что она подходит под типаж девушек в моем вкусе? Я невольно начинаю проецировать на нее свои фантазии и флиртовать, сам того не осознавая.

– Кстати, какая у тебя фамилия?

Вопрос всплыл сам собой, позволяя разрядить обстановку. Я достал блокнот и открыл нужную страницу.

– Уилсон, а что?

Сделав запись, убрал блокнот обратно во внутренний карман куртки.

– Для протокола, – не стал пугать девушку, совсем позабыв, какая она догадливая.

– Подожди... Это что, список жертв?

– Потенциальных жертв.

– Боже, это жутко, – она дернула плечами.

– Ты работаешь в баре, где постоянно ошивается убийца. Что делает тебя не просто потенциальной жертвой.

– А жертвой с большой буквы Ж, – отшутилась Кейт.

В коридоре возле двери послышался шорох, кто-то шмыгнул носом. Я развернулся, быстро преодолевая расстояние, потянул ручку и высунулся наружу, нос к носу столкнувшись с Філиппом Дугласом. Он отскочил в сторону, испуганно округляя глаза.

– Детектив, – парень сориентировался, протягивая мне руку для приветствия. – Ви, привет, – он заглянул внутрь и поздоровался с девушкой.

– Привет, – ответила она.

– Это помещение для персонала. Что ты здесь делаешь? – задал я вопрос, покосившись на Кейт. Та только глаза закатила.

– Ищу Питти. Не видели его?

– Нет. Я пришла первая, никого не было.

– Ладно, подожду в зале.

Філипп пошел дальше, вдоль коридора, бросив на меня последний короткий взгляд.

– Ты зашел позавтракать? – Кейт направилась к выходу, подходя ко мне ближе.

– Выпью кофе и поеду в участок. Нужно прошерстить архив.

– Зачем?

– Я обещал ввести тебя в курс дела. Если вечером останутся силы после работы, приходи. Расскажу заодно, что именно ищу там.

– Окей, – Уилсон закивала, проскальзывая мимо в сторону зала.

Прикрыв дверь, я посмотрел направо, проверяя, куда делся внезапный и столь ранний посетитель. Філипп стоял возле кухни вместе с Питером, о чем-то шепчась. Заметив мой интерес, они замолчали, отодвигаясь друг от друга. Філипп похлопал друга по плечу, минуя длинную стойку, вышел в зал и направился к выходу из бара.

Питер поправил лямку спортивного рюкзака, подходя ко мне и протягивая руку.

– Доброе утро.

– Доброе, – ответно протягивая свою, поприветствовал повара.

– Кину рюкзак и за работу.

Парень обошел меня, толкая дверь помещения для персонала.

«У них явно какие-то мутные дела между собой».

Я вышел в пустой зал, сел за стойку, где меня уже ждал кофе. Сделал пометки о парнях в блокноте, чтобы не упустить информацию.

Когда с кофе было покончено, настала пора выдвигаться в участок. Дорога до местного полицейского участка заняла десять минут. Погода испортилась, небо затянули тяжелые свинцовые тучи, опуская мрак на город. Желание прогуляться пешком отпало само собой. Не сильно людные в обычное время улицы теперь и вовсе пустовали, встречая меня мокрым асфальтом подъездных дорожек и увядающими кустами зелени возле заборов.

О лобовое стекло машины ударились пару крупных капель дождя. Осень полноценно вступала в свои права, резко сворачивая баловство с теплыми днями. Можно было рассчитывать еще на парочку безоблачных дней, прежде чем сырой, пропахший гнилыми листьями октябрь окончательно заставит забыть о том, как выглядит солнце.

Парковка возле участка была слишком просторной для такого городка. Вряд ли найдется хоть один день в году, когда понадобится столько мест. Остановившись поближе ко входу, я заглушил двигатель и вышел, поежившись от порыва ветра, хлестнувшего дождем по лицу.

Внутри меня встретила секретарь, с каменным лицом выслушала, что я к шерифу. Ответом послужило короткое «он у себя». Женщина снова уткнулась в монитор компьютера, где была разложена очередная партия пасьянса.

Шериф города дремал в огромном кожаном кресле, доставшемся ему от предшественника. Ноги закинута на стол, шляпа набекрень, на лице безмятежность, будто по городу не разгуливает серийный убийца.

Это был высокий мужчина сорока лет, крепкого телосложения, с русыми волосами, местами проглядывающей сединой и уставшим от жизни и службы закону лицом.

– Доброе утро! – гаркнул я как можно громче.

Шериф вздрогнул, скидывая руки. Шляпа упала на пол, стул покотился, едва не перевернувшись вместе с новым хозяином. Ожидаемая реакция меня позабавила.

– Доброе, детектив.

Он сонно заморгал, поднимая головной убор с пола.

– Я в архив, как и договаривались.

– Идемте, – мужчина пошевелил челюстью, водрузил шляпу на голову и указал рукой на дверь.

Архив находился в конце коридора за неприметной бледно-желтой дверью. Маленькое помещение, с запахом старой, прелой бумагой, вмещало полки, плотно стоявшие рядом друг с другом, которые почти полностью закрывали его периметр. Обшарпанный стол, неказистый стул и освещение мерзкого цыплячьего оттенка. Словно в инкубатор попал.

– У вас не оцифрованы данные?

– Это вам не Чикаго, детектив. Здесь заниматься подобным ни у кого нет ни желания, ни возможности.

«Блять! Времени уйдет больше, чем я думал».

– Мне нужны дела двадцатилетней давности и позже.

Шериф лениво облокотился на косяк двери, скрещивая руки, и смерил меня оценивающим взглядом.

– После урагана Катрина часть документов потеряли. Все, что уцелело, сложили в ящики, но никто не занимался сортировкой, свалили как есть. А значит, – он покачался, рассматривая полки с делами, – я не могу указать вам на конкретные коробки.

– Хуево, – резюмировал я, понимая, что теперь придется практически поселиться тут.

– Зачем вам какие-то старые дела? Раньше здесь не было подобных убийств. Я, конечно, тут всего лишь пару лет как служу, но о таком точно узнал бы.

– Подобные люди не начинают убивать на пустом месте. За ними будут тянуться правонарушения с подросткового возраста.

Я снял куртку, развесил ее на стуле, и поправил рукава рубашки.

– Говорю вам, это не местный, – шериф отрицательно покачал головой. – Глупо убивать там, где живешь. Да еще и в таком крошечном городке.

«Глупо быть таким самоуверенным болваном».

– Ясно, – спорить не было смысла.

– Нашли что-нибудь интересное в материалах дела? – начал он невзначай, пытаясь разведать информацию.

– Пока что нет. Если будет нечто стоящее, дам знать.

Я уже хотел отправить шерифа восвояси, но вспомнил момент, смутивший меня при чтении дела.

– Кстати, почему так плохо опросили местных? Там два хилых протокола и все.

– Так а смысл? – служитель закона аж подскочил, выпрямляясь по стойке смирно. –

Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Поймите, здесь неохотно идут на контакт с чужаками. Я для них такой же посторонний, как и вы.

– Почему?

– Предыдущий шериф умер, а на смену ему некого было взять из местных. Меня командировали сюда вместе с семьей на неопределенный срок. Жена была в такой ярости. Она всегда хотела жить в большом городе, – начал плакаться мужчина. – А я-то что поделаю? – он развел руками.

– И?

Я поднял бровь, давая понять, что его личные проблемы меня мало волнуют. Шериф сразу скучился и покашлял скрывая неловкость.

– Они не будут открывать вам душу. Уж поверьте. У меня есть этот потрясающий значок, – мужчина скосил глаза себе на грудь, протирая золотую звезду рукавом. – И со мной не спешат откровенничать. А с вами так и подавно не захотят.

– С этим я как-нибудь разберусь.

Не желая продолжать бессмысленный разговор, я пошел вдоль полок, наугад беря коробку. День обещал быть долгим. Шериф все понял и вышел, закрывая за собой дверь.

***

Сказать, что день вышел не продуктивным – это не сказать ничего. Я перебирал гребаные папки с делами, сваленные в кучу как попало. Разные года, дела о краже козы или коровы вперемешку с избиениями и нападениями на улице. Когда, посмотрев на часы, я понял, что смена Кейт скоро закончится, пришлось сворачивать свою деятельность.

Из интересного мне удалось найти пока что три дела о поджогах двадцатилетней давности. Лучше, чем ничего.

По возвращении домой я кинул папки на стол и решил размяться. Замкнутое пространство дурно сказалось на физическом состоянии. До визита соседки оставался, по моим расчетам, еще час, значит можно было не спешить. Я сменил рубашку и брюки на спортивные штаны. Балка под потолком служила мне перекладиной, на которой я подтягивался до ломоты в мышцах, пытаясь отдохнуть от умственной деятельности. Я шел уже на второй десяток, когда в дверь постучали.

– Войдите!

– На меня постоянно ругаешься, а сам не запира...

Кейт вошла внутрь, недовольно бубня, но оборвалась на полуслове. Она замерла в дверях, почти не моргая, пока я заканчивал с физической нагрузкой, не сводя с нее глаз. Несмотря на свежую погоду, девушка оделась в джинсовые шорты до колен и длинную, просторную рубашку голубого цвета. Второй десяток подошел к концу, я дотянулся до стула, оперся на него ногой, затем спрыгнул на пол.

– Что принесла? – я кивнул на контейнеры в ее руке.

– А я... Ужин. Принесла я, – потрусив головой, соседка, не спрашивая разрешения, пошла на кухню. – Приготовила азиатскую лапшу. Мне ужасно не хватает такой еды здесь.

Пока я принимал душ и одевался, Кейт гремела на кухне вилками, накрывая на стол.

– Ты рано. Я ждал тебя через час.

– Это претензия?

– Скорее вопрос.

– Ха, – она уселась на стул напротив меня. – Джек сменил меня пораньше. После гибели Линды он стал очень много работать. Раньше только вторым поваром был, а сейчас вместо дочери еще и барменом.

– Понимаю, – я действительно понимал Джека, как никто другой.

– Что делал в архиве?

Уилсон, как обычно, не церемонилась, сразу беря быка за рога. Мне даже начинала нравиться ее такая черта.

– Искал старые дела. Поджоги, зоосадизм, попытки нападения, убийства или пропажи детей.

– Как это поможет?

Она намотала лапшу на вилку, отправляя порцию в рот. Вот ведь дает. Appetit ей вообще ничего не перебьет, похоже.

– Подобные люди не просыпаются однажды утром с внезапным желанием убивать. Этому предшествуют определенные правонарушения еще в детстве. И только спустя время преступник доходит до того, что делает сейчас. Ни сучка, ни задоринки и все обставлено, как он любит.

– Почему именно такие дела?

– Это называется «Триада Макдональда». Пиромания, зоосадизм, энурез. Последнее, конечно, в архивах не найдется, но первые два вполне.

– Что за триада? – она снова набрала лапшу, не отрывая любопытного взгляда.

– Если коротко, три признака, которые связывают с предрасположенностью к совершению особо жестоких преступлений, – припомнил я почерпнутые из книг знания.

Кейт с таким аппетитом жевала свою еду, что мне показалось, будто мой рассказ ее еще больше раззадорил.

– Это все так интересно, – заключила она, отодвигая от себя пустой контейнер. – Интернет тут паршивый, но я постараюсь найти информацию на эту тему.

Соседка достала смартфон из кармана и сделала себе пометку.

– Оставишь номер для связи?

– Да, – она кивнула и начала диктовать номер.

Я сбросил один гудок, мы записали друг друга, обмен номерами произведен.

– Пошли.

Я направился в зал после того, как по уже привычной схеме была убрана посуда.

– Впервые вижу мужчину, который не ленится убрать за собой. Обычно они бытовые инвалиды.

– У меня есть руки, и я умею ими пользоваться.

Девушка задорно хохотнула.

– Охотно верю.

На глаза попались три папки с делами о поджогах. Нужно отметить их на карте, пока не забыл.

– Момент.

Я взял маркер и, быстро найдя в протоколах адреса, пометил их на висящей на стене карте. Только когда был обведен последний адрес, я заметил, как Кейт с напряженным

лицом рассматривает развешанные фотографии. С прошлого раза к ним прибавились фото с мест преступлений и от коронера.

– Я уберу, тебе не стоит это видеть.

– Оставь, – она остановила мою руку на подходе к фото. – Лучше расскажи, почему именно так?

– Уверена?

– Да.

– Если захочешь, чтобы я закончил рассказ, просто дай знать. Это может напугать, особенно учитывая...

– Я поняла, Люци. Просто расскажи, – уверенно попросила Кейт.

– Хорошо. Красная лента, которой он душит жертву, – я ткнул пальцем в фото, где крупно видно шею, – часть некоего фетиша. Так же как и красные туфли, которые он надевает на жертву, – теперь я указал на лаковую ярко-красную обувь на ногах убитой.

– Он приносит это все с собой?

– Да. Ему важно, чтобы эти элементы были именно такими.

– Почему?

– Почему кому-то нравятся блондинки? Кого-то возбуждает большая грудь, а кого-то длинные ноги в чулках, – я пожал плечами. – Дело личных предпочтений. Тебе ведь наверняка тоже что-то нравится.

– Руки, – выпалила Кейт, но тут же осеклась.

– Руки?

– Да, – соседка отвела глаза от фото и скользнула взглядом по мне. – Сильные, накаченные, с венами, – она сделала паузу. – А если есть татуировки, вообще особый шик.

Девушка нервно заправила прядь волос за ухо, изучая взглядом стену. Я так довольно заулыбался, что пришлось сделать вид, будто потолок в этой комнате меня ужасно заинтересовал.

– А тебе? – собеседница подняла на меня самый невинный взгляд.

– Шея и волосы. Длинные.

Уилсон покусала губы, делая глубокий вдох.

– Фетишизм – это нормально, пока он не стал патологией, – продолжил, стараясь заполнить возникшую из-за откровений паузу.

– Значит, пока я любуюсь руками на живых мужиках, а не отрубая их и храню в холодильнике, то ничего страшного?

«Блять. А она не промах, далеко не промах».

Я начал расслабляться, переставая бояться сказать лишнего.

– Точно.

– Откуда они берутся? Предпочтения.

– Образ матери, актриса, которая очень нравилась в детстве. Да много факторов, формирующих вкус.

Кейт кивнула.

– Раны. Зачем так много?

Она посмотрела на фото общего плана: на девушке практически не было живого места. Весь живот был покрыт колото-резаными ранами, красными штрихами выделяющимися на мертвенно-бледной коже, но самой странной была область сердца. На ее месте зияла дыра – так много ударов нанес преступник.

– Что касается сердца, думаю, какой-то личный триггер в голове. Остальные же...

Скажем так, старик Фрейд знал, что говорил.

– В каком смысле?

Уилсон оторвала взгляд от фото и уставилась на меня глазами, полными любопытства. Ей и правда было интересно.

– Скорее всего, у него половая дисфункция. Он не может изнасиловать жертву, но может, скажем так, имитировать процесс проникновения. Пусть и таким довольно странным способом.

– О, я поняла. Нож – продолговатый предмет. Это вместо члена.

У меня глаза на лоб полезли. Я аж забыл, о чем говорил.

– Что?

– Ты... не перестаешь меня удивлять.

– Меня не смущает слово член, если ты об этом. Я же не кисейная барышня.

– Но ты смущаешься комплиментам, – вспомнил я ее реакцию на мои слова в баре.

– Это другое. Compliments – это мило. А член... Ну-у-у член и член, подумаешь, – соседка пожала плечами.

Я так громко расхохотался, что наверняка услышали даже посетители бара. Ей каким-то образом удавалось рассмешить меня, пусть и в весьма специфичной манере. Я столько не улыбался и не смеялся за последние пять лет, сколько за последние дни после нашего знакомства.

Что с нами не так?

Стоим над такими фотографиями, обсуждая столь тяжелое дело, при этом умудряемся шутить. Наверное это защитный механизм психики. Откуда он взялся у меня еще могу предположить. Но откуда у нее такая стойкость? Обычно девушки очень впечатлительны и ранимы.

– А вот это? Не пойму, что здесь? – отвлекла меня от раздумий Уилсон, указав пальцем на другое фото.

На нем был крупный план головы жертвы, видна только часть лица и волосы.

– Присмотрись внимательно, – Я указал пальцем на нужное место. – Он отрезает прядь волос.

– Зачем?

– Полагаю, трофеем. Некое напоминание о жертве, которое его возбуждает еще некоторое время.

– Какая жесть, – сделала заключение девушка.

– Давай сядем, здесь больше не на что смотреть.

Я прошел к дивану, Кейт села напротив, в другом конце, поджимая под себя ноги. На той, которая была обращена в мою сторону, виднелся огромный длинный шрам, от колена до щиколотки, гладкий, заметно выделяющийся при ярком освещении.

– Ого.

Она проследила за моим взглядом.

– Попала в аварию. Вот, осталось на память.

– Обычно от подобных напоминаний стараются избавиться.

– Это не единственный шрам на моем теле, – с вызовом ответила Уилсон. – Каждый из них напоминает мне о том, благодаря чему я стала сама собой. Такой, какой являюсь сейчас.

В ее словах слышался горький опыт, боль пережитого, оставившего шрамы не только

снаружи, но и внутри. Лезть в душу явно не стоило.

– Понимаю. У меня вместо шрамов татуировка.

– В чем-то мы похожи, – Кейт тепло улыбнулась, понимая, что я не буду ее допрашивать, ведь мне близка ее позиция, как никому другому. – Расскажи, почему он стал таким?

– Здесь тоже множество факторов. Образ матери. Равнодушная или, наоборот, авторитарная. Так же отец, он мог насмеяться над сыном, – озвучил я свои предположения.

– Но ведь не все дети из плохих семей становятся убийцами.

– Не все. Еще оказывают влияние окружение, издевательства в школе, к примеру, и наличие психических отклонений.

Уилсон встрепенулась, расфокусировано глядя перед собой. О чем-то вспомнила?

Я молчал, стараясь не тревожить ее мысли. Рядом с ней было в самом деле легко, даже обсуждать такие неприятные, страшные темы, быть собой, не переживая сказать лишнего. Мне начинало нравиться ее общество. Впервые за долгое время мне вообще хотелось, чтобы рядом находился кто-то. Самое интересное, кем является этот кто-то.

– Знаешь, что во всей этой истории пугает больше всего? – Кейт повернулась ко мне, выходя из своих раздумий. – Он делает это дома у жертвы. Ты ведь никогда не думаешь о том, что дома тебя может подстерегать опасность. Почему никто из них не поставил сигнализацию или... Не знаю, – она всплеснула рукой. – Более надежные замки на окна?

Я хмыкнул.

– А почему ты не поменяла сломанный замок?

– Ну-у-у я... – попалась в свою же ловушку Кейт.

– Ты не думала, что подобное может произойти с тобой. Никто не думает. Читая сводки новостей, каждый человек считает, что плохое происходит где-то далеко, но точно не с ним.

Девушка устало вздохнула, понимая, к чему я веду, подтянула колени к подбородку, обнимая ноги руками.

– Да. Я не думала, что подобное может произойти со мной. Даже на нашу схожесть мне указал только ты.

– Видишь.

– Давай на сегодня закончим, – она зажмурилась. – Информации много, голова идет кругом.

Мой взгляд наткнулся на бутылку виски, стоящую на столе.

– Тебе налить?

– Пару глотков. Схожу за стаканами.

Уилсон подняла голову, спуская ноги на пол, и пошла на кухню, через минуту возвращаясь с посудой. Я налил алкоголь, девушка салютовала стаканом.

– За удачу. Она нам пригодится, – прозвучал тост от соседки.

– Согласен, – виски приятным теплом растеклось по горлу. – Значит, не передумала? Будешь помогать?

– Буду. Или ты рассчитывал напугать меня так, чтобы я уехала, отказавшись от всего?

– Если быть совсем честным, да.

Кейт засмеялась, сжимая пальцы крепче на стекле.

– Хорошая шутка, – она едва заметно улыбнулась.

– Это не шутка. Ты точно не хочешь уехать?

Мой серьезный и одновременно обеспокоенный тон вмиг заставил ее посерьезнеть и удивленно поднять брови.

– Я не буду уезжать.

– Не боишься здесь оставаться?

Уилсон слегка засуетилась, стараясь найти более удобное положение на диване, нервно расправила края широкой рубашки, теребя один из них.

– У меня была не самая богатая семья. Мы жили в неблагополучном районе, мягко говоря, – приоткрыла завесу тайны своей жизни Кейт.

– На сколько неблагополучном?

– Мои сверстницы из престижной школы, в которую я попала, выиграв конкурс, носили в кармане помаду и зеркальце, – девушка болезненно усмехнулась воспоминаниям. – Я носила в кармане нож-бабочку.

Такой факт ее биографии знатно удивил. Я замер, чувствуя, как сбилось дыхание, словно получил удар под дых. Никогда не слышал подобного от девушки. Весьма неожиданный, но столь громко говорящий факт наводил на различные мысли, не самые положительные.

– Какой пиздец.

«Блять, надо следить за языком».

– Полный пиздец.

Уилсон сощурилась, искренне улыбнулась и резко изменилась в настроении. Голубые глаза смотрели на меня со смехом. Моя попытка одернуть себя не осталась без внимания.

– Что?

– Тебя не смущает, что я ругаюсь?

– Плохой район. Забыл? – она приподняла руку со стаканом. – Там даже собаки матом лаяли.

Возникла пауза, после которой мы оба от души рассмеялись. Я почувствовал, как расслабляюсь окончательно, позволяя себе быть самим собой.

– Боюсь даже представить, как это выглядит.

Отдышавшись, я допил виски, убирая стакан на столик.

– И не надо.

Кейт повторила за мной, потянулась, чтобы поставить стакан, но тут же вскрикнула, вжав голову в плечи и едва не разбила посуду.

– Что случилось?

– Шея, – сдавленно прокряхтела она, пытаясь размять руками ту самую шею. – Доставала сегодня с верхней полки продукты на складе и неудачно повернула голову. Ох.

– Повернись.

Соседка покосилась на меня, но спорить не стала. Похоже болело достаточно сильно. Уилсон развернулась спиной, скрючиваясь от боли, и перекинула волосы на одно плечо. Я попытался отодвинуть ворот рубашки, чтобы размять нужный участок, но ткань упорно возвращалась на место.

– Сейчас, – Кейт подняла руку, нащупывая пуговицы, расстегнула парочку верхних и скинула одежду с плеч.

«Твою мать».

Мне открылся такой вид, что я замешкался на пару секунд. Худые плечи, шея, немного прикрытая распущенными волосами. Я вдруг осознал, что очень давно не занимался сексом, наслаждаясь совершенством женского тела, любуясь и изучая каждый чувствительный участок, а не просто стремясь получить разрядку для себя.

Ладонь легла на плечо, большой палец надавил на изгиб, разгоняя зажим в мышцах.

– Вот здесь, – вдруг остановила меня Кейт, подняла руку, обхватила мои пальцы и направила их повыше.

Теперь моя рука лежала на шее, а большой палец переместился на границу роста волос.

– Можно сильнее, – направляла меня девушка.

Дыхание и так было неровным от происходящего. Наверняка я сейчас сам выглядел со стороны как маньяк.

«Да она шутит».

Усилив нажим, сосредоточился на массаже, отгоняя пошлые мысли. Но девица меня как добить решила, проверяя на прочность. Она томно застонала, прикрывая глаза, обозначая, как сильно ей нравится происходящее.

– Ох, да. Как приятно.

Я явственно ощутил прилив крови к паху. Как, сука, некстати я надел спортивную одежду.

«Люцифер, держи себя в руках. Она уйдет, подрочишь в душе».

– Тебе нужно разминать мышцы здесь и здесь, – переводя внимание на попытку дать совет, стал показывать места, которым стоит уделить внимание.

Кейт угукнула, подняла рубашку обратно на плечи и начала застегивать пуговицы.

– Спасибо.

Она так резко развернулась лицом, что я не успел отодвинуться. Мы замерли в нескольких дюймах друг от друга, молча смотрели, изучая реакцию. Я заметил, как расширились ее зрачки, а губы разомкнулись под воздействием момента. Повинуясь желанию, я стал медленно наклоняться к ней. Она не двигалась, смотря мне прямо в глаза.

Зазвенел мой телефон.

Уилсон очнулась, быстро заморгала, поправила одежду и волосы, одновременно вставая.

– Спам, – заключил я, глядя на экран.

– Нигде от него нет спасения, – неловко переминаясь с ноги на ногу, девушка приглаживала руками одежду.

– Точно.

– Слушай, я наверное пойду, – она указала на дверь за своей спиной. – Уже поздно.

– Конечно. Думаю, сегодня ты узнала достаточно.

– Вполне, – девушка подошла к выходу. – Спокойной ночи.

– Спокойной, Кейт. Не забудь запереть дверь.

– Не забуду.

Она ушла, оставляя меня одного. О какой спокойной ночи тут могла идти речь?

«Схожу-ка я в душ еще раз».

***

Девушка в моих руках была самой желанной на этом свете. Разбросанные по простыни каштановые волосы, белоснежная кожа, похожая на шелк, зацелованные в страсти губы.

Я ускорил темп. Ногти впились в мою спину. Она выгнулась, громко застонав. Торчащие соски коснулись моей груди. По внутренней стороне бедер пробежала легкая судорога. От обилия эмоций я прикусил кожу на ее шее. Опять будет ругаться, что оставил следы.

– Люци, ох, – она часто дышала под моим напором. – Синяк же останется.

– Не смог удержаться. Прости.

Я перекатился на спину, увлекая ее за собой. Ева положила голову мне на грудь. Некоторое время мы молчали, восстанавливая дыхание и ритм сердца.

– Нужно собираться.

Она легла рядом и лениво потянулась.

– Почему ты не хочешь принять мое предложение? Я ведь уже не раз предлагал тебе открыть свое ателье. Зачем работать на кого-то?

Уперевшись рукой в матрас, я приподнялся на локте, разглядывая, как она встает, завязывая волосы, и направляется в душ.

– Мы ведь уже обсуждали этот вопрос. Не все такие амбициозные, как ты.

Раздался плеск воды. Я ждал, барабанив пальцами по кровати. Вода шумела минут пять, затем снова послышался голос.

– Не всем же быть начальниками. Всегда есть обычные работники, – Ева вышла обратно в комнату и подошла к комоду, пока я наблюдал за ее сборами. – Мне нравится моя работа. К тому же, у меня есть законные выходные, да и голова не болит о налогах и прочих проблемах бизнеса.

– Для этого существуют консультанты. Тебе необязательно разбираться во всех нюансах.

– Я не хочу. Разве этого мало для тебя?

Она развернулась ко мне, вопросительно приподнимая бровь.

– Хорошо-хорошо, – подняв ладонь в сдающемся жесте, я лег обратно. – Полагаю, про переезд снова спрашивать тоже нет смысла?

– Никакого. Тут близко к работе.

– Район плохой, да и дом не самый лучший, – я старался продавить аргументами. – Здесь все старой постройки.

– Мне близко к работе. И нет, я не хочу машину, даже с водителем.

– Вредина.

Ева развернулась, показав мне язык вместо ответа, и игриво улыбнулась, снова возвращая свое внимание к ящику комода.

– Могли бы жить в новом доме, в богатом районе с хорошими соседями, а не с этой ебливой шпаной.

Она недовольно цокнула, запрокинула голову, а затем метнула в меня своим лифчиком.

– Не ругайся!

– Вредина, – повторил я, рассматривая прилетевший в меня снаряд.

– Так странно... – она зарылась в ящик комода, недоуменно копошась в белье.

– О чем ты?

– Никак не могу найти трусики от своего любимого комплекта, как в воду канули.

Ева достала бежевый комплект и начала одеваться.

– Любопытно. Где же ты потеряла свое белье?

Она лукаво улыбнулась, начиная подходить ближе ко мне.

– Ревнуешь?

– Ты теряешь свое белье. Наводит на плохие мысли.

Ева встала возле кровати, заглядывая мне в лицо, протянула руку, поправляя несколько прядей волос, и уже хотела убрать, как я ловко схватил ее запястье и потянул на себя.

Взвизгнув от неожиданности, она ухватилась за мое плечо, пока я быстро подтянулся, оперся на спинку кровати и усадил ее сверху.

– Люци, ты жуткий собственник, – Ева обхватила мое лицо ладонями и звонко чмокнула в лоб. – Разве стала бы я давать согласие, – она продемонстрировала кольцо на пальце, – будь у меня любовник. И кстати, – указательный палец прижал мои губы, до того, как я успел ответить, – я почти закончила свадебное платье.

– И ты, конечно же, не покажешь его?

– Неа. Увидишь только на церемонии.

Она потянула резинку, держащую волосы. Каштановые пряди упали на плечи и спину легкими волнами, которые она тут же принялась взбивать у корней. Не удержавшись, я запустил пальцы в волосы на ее затылке, бережно оттянул их назад, открывая себе доступ к шее. Прикусил мочку уха, спустился быстрыми поцелуями к ключицам, пощекотал носом кожу, вдыхая сладкий аромат ее волос и тела.

– Обожаю, когда ты так делаешь, – я снова оставил легкий укус на шее.

– Почему тебе так нравится быть грубым? – Ева мягко освободилась из моей хватки.

– Что-то в этом есть. Не находишь?

– Нет. Знаешь ведь, что я люблю нежности, – она мягко поцеловала меня, обозначая свои предпочтения. – Может ты маньяк?

– Сексуальный?

– Очень.

Звонкий смех сопровождал ее слова, вызывая у меня счастливую улыбку, теплые ладони погладили мои плечи и спину.

– Никогда не думал сделать татуировку?

– Татуировку? – вопрос звучал очень неожиданно.

– Да. Что-то масштабное. Тебе бы пошло, – Ева опустила руки вниз, начиная вести ими от кистей вверх к плечам, обводя каждую линию мышц. – Она бы начиналась у запястий, плотно покрывая все руки, плечи и даже шею, – пальцы заскользили по ключицам, подбираясь к шее, погладили кадык и линию челюсти. – А завершалась бы на груди, – ладони погладили грудные мышцы, останавливая движение. – Чем-то очень выделяющимся.

Спина покрылась мурашками от ее взгляда и касаний. Почему-то именно сегодня мне ужасно не хотелось отпускать ее от себя, да и самому никуда не идти. Попросить остаться дома, забыть про все дела, сказать больными, не знаю...

Но ведь откажется, вредная.

Ева закусил губу, разглядывая меня и, по-видимому, сопоставляя со своим воображением.

– Я подумаю, – предложение показалось заманчивым.

Она поцеловала меня в нос, вызывая прилив умиления ее безграничной нежностью, перекинула ногу вбок и встала, чтобы продолжить сборы.

– Сходим вечером в наш любимый ресторан? – теперь уже и я выбрался из постели. – Вино, устрицы – все как ты любишь, – я прошел в свой кабинет и открыл ежедневник. – У меня встреча с пяти до семи. Можно забронировать на восемь.

– Вино, говоришь... – Ева появилась на пороге, уже полностью одетая. – Давай. У меня для тебя как раз есть сюрприз.

– Сюрприз? – я скрестил руки, оперевшись на стол. – Надеюсь, хороший?

– Очень.

В зеленых глазах сверкнул задор от предвкушения моей реакции. Она подошла ко мне, привстала на носочки и потянулась к губам. Я приобнял ее за талию, отвечая на поцелуй.

– Я тебя люблю, Люци.

– И я тебя.

– До вечера.

– До вечера, – ответил я, глядя, как она уходит прочь из кабинета.

Мы увиделись. Но то, как мы увиделись, стало причиной моих постоянных ночных кошмаров.

Из дневника маньяка

Валери Эванс. Сучка добровольно пополнила мой список. Надо же быть такой идиоткой.

Я никак не мог толком подготовить визит к Кейт. Она жила не в доме, как все, да еще и рядом с работой. Это усложняло дело.

Она такой лакомый кусочек. Как только появилась в баре, сразу запала мне в душу. Я так мечтаю увидеть ее в своей коллекции. Наверняка лента будет потрясно смотреться на ее тонкой шее.

Но придется снова отложить ее на сладкое.

О жизни Валери я знал все, здесь подготовка не займет много времени.

Глава 4. Мои демоны. Его прошлое

Сегодня меня ждала ночная смена в баре. Обычно я стараюсь отдохнуть и поделаться мелкие дела по дому, но именно в это утро я не вставала с постели после пробуждения наверное целый час.

В голове крутился вчерашний вечер. Мы обсуждали убийства, личность маньяка. Мне даже захотелось слегка приоткрыть завесу своего прошлого, но лишь в общих чертах. В нем было столько тьмы и боли, оставившей шрамы на моем теле. К тому же неизвестно, какую реакцию вызовет рассказ о том, как я применила тот самый нож. Рука сама собой коснулась тонкой полоски шрама, рассекающего кожу возле бедренной кости слева. В воспоминаниях мелькнул короткий кадр того дня, но я тут же отбросила его, сосредоточившись на куда более актуальных вещах.

Мне показалось или вчера Люций хотел поцеловать меня? Так некстати нас прервал его телефон. Мы открыли друг другу свои фетиши, которые могли бы взаимно удовлетворить. Я вспомнила, как застала его подтягивающимся на балке у потолка. Черт! Внизу живота приятно зануло от этого воспоминания, я инстинктивно сжала ноги, утыкаясь в подушку лицом.

Странно, что при всех его данных у него никого нет. Вряд ли у такого, как он, есть проблемы с противоположным полом. Зачем ему тогда такая, как я? Да еще и потенциальная жертва. Думаю, причины интереса и повышенного внимания ко мне связаны только с делом. Ах, ну да, еще ему нужен помощник. Хотя он то и дело говорит мне комплименты. Может ему просто скучно? А я тут уже размечталась о романе с горячим парнем. Всему виной длительное отсутствие отношений, вот с голодухи и чудится всякое.

Все!

Я откинула одеяло в сторону.

Не стоит ничего себе надумывать раньше времени.

Бодрящий душ и завтрак не помогли отвлечься. Пришлось подключить просмотр сериала. Кадры мелькали один за другим, серии шли друг за другом, но мои мысли то и дело уносились прочь. Миновала уже половина сезона и половина дня, когда стало понятно – я пропустила абсолютно весь сюжет, потому что все еще думала о нем.

Об этом сосредоточенном взгляде карих глаз, его пальцах на моей шее, умопомрачительном запахе... И эти руки. О, да! Он бы мог погладить мои бедра, подняться выше, сжимая их пальцами, пока мы целовались бы, как ненормальные, забраться под рубашку и...

В дверь постучали.

Чертыхнувшись, я убрала ноутбук на столик и пошла открывать. На пороге стоял Люций, одетый в свои привычные черные брюки и рубашку.

– Привет. Чего такая довольная?

«Да так, представляла твои руки на себе, а в целом – ничего особенного».

– Сериал смотрела.

– У меня тут пара вопросов по делу. Зайдешь?

– Конечно.

Я вытащила ключи из замка, закрыла дверь и последовала за мужчиной в соседнюю квартиру. Он подошел к карте города, висящей на стене, где в прошлый раз отметил места

поджогов по трем найденным делам. Теперь же там появилась еще одна отметка.

– Сегодня я изучал имеющиеся материалы. В одном из дел о пожаре фигурирует подозреваемый. Некий Билли Беккер. И жил он, судя по всему, вот здесь, – Люций указал на отмеченную точку. – Недалеко от мест всех трех происшествий.

– Линден небольшой городок. По факту, тут полгорода живет недалеко, – я изобразила кавычки в воздухе, – от всех трех мест.

– Согласен, – детектив не стал спорить. – И все же, знаешь что-нибудь о нем?

– Такой же житель, как и все остальные. Работает водителем грузовика, живет один. В баре бывает в основном по пятницам, иногда по субботам. Сидит один. Выпивает пару кружек пива и уходит.

– Что-то еще? – детектив с надеждой посмотрел на меня.

– Нет. Обычный человек, – я только плечами пожала.

– Линда ничего тебе не рассказывала о нем?

Люций взял сигарету из пачки и закурил, пуская дым в потолок. Немного подумав, он открыл окно, не давая едкому запаху скопиться в помещении.

– Я не спрашивала. Меня так-то они вообще мало интересуют. Своих головняков хватает, – плюхнувшись на диван как у себя дома, уже привычным движением подмяла под себя ноги.

– Тогда почему Линда рассказала тебе про нашу троицу? – мужчина с прищуром посмотрел на меня.

Не хотелось выдавать все секреты, но видимо придется ради благого дела.

– Филипп подкатывал ко мне одно время... – я отвела глаза, разглядывая стены. – Думала дать ему шанс, но Линда, узнав про это, рассказала такую часть его биографии.

– Шанс? Этому? Seriously?

Детектив замер, не донеся сигарету до рта. Его так удивили мои слова, будто я сказала про шанс для колченогой табуретки, стоящей в углу его квартиры.

– Кому-то ведь нужно носить мои покупки из магазина, – кокетливо поведя плечом, я подняла руку и начала нервно наматывать волосы на палец.

– Покупки, – он хмыкнул, делая новую затяжку.

Я все еще теребила волосы, из-за чего была видна тыльная сторона предплечья правой руки. Глаза мужчины ожидаемо зацепились за три круглых небольших красных шрама с рваными краями, располагающихся недалеко от локтя. Он ничего не спрашивал, но в его взгляде читался немой вопрос.

– Сигаретные ожоги, – отчасти удовлетворила я его любопытство.

– Ты ведь не куришь.

– Не курю.

Покачив головой, я опустила руки, спрятав немного озябшие от прохладного воздуха ладони между сложенных коленей.

– Ты замерзла. Совсем забыл, что я лучше переношу холод, – Люций затушил сигарету в пепельнице и закрыл окно.

– Что нам даст информация об этом Билли и поджоге?

– Пока ничего, – он сунул руки в карманы, рассматривая материалы, висящие на стене. – Но нельзя упускать любые детали из виду.

– Я могу помочь в архиве, если нужно. Вдвоем будет быстрее.

– Да, – мужчина кивнул. – Твоя помощь пригодится.

– Будешь допрашивать жителей? – я встала с дивана, но так и осталась стоять возле него.

– Обязательно. Как раз послезавтра состоится этот... – Люций защелкал пальцами, – день огурца.

Я попыталась сдержать смех, но едва не хрюкнула от попытки это сделать, в итоге разразившись гомерическим хохотом.

– Праздник... – я хватала ртом воздух, – урожая.

Очередное усилие над собой не увенчалось успехом. Я смеялась, держась за ноющие мышцы живота, краснея лицом от натуги и хватала воздух ртом, пока мужчина, закусив губу, наблюдал за моей реакцией.

– Надо запомнить, иначе жители на вилы меня поднимут за такую ошибку.

– Ф-у-ух, – я смогла отдышаться, смахивая слезы с ресниц. – Надо. Они эту шутку точно не оценят.

– Ты послезавтра выходная?

– Да.

– Значит на праздник пойдем вместе. Две пары глаз и ушей однозначно лучше.

– Договорились, – я достала смартфон и глянула на время. – Мне пора на работу. Я снова не дошла до магазина, чтобы купить кофе. Надеюсь, успею выпить его до смены.

– Сегодня играют Чикаго Беарс против Нью-Йорк Джетс, – мужчина развернулся ко мне, слегка склонив голову. – Будешь смотреть?

– Еще спрашиваешь! Конечно. В баре есть телевизор, – я сделала паузу, раздумывая над тем, стоит ли предлагать. – Если есть желание, приходи. Посмотрим вместе.

– Я приду.

– Тогда до вечера.

– Увидимся.

Я вернулась домой, надела поверх футболки просторную оверсайз толстовку и спустилась в бар.

«Он согласился посмотреть вместе футбол от скуки? Или ему все же приятна моя компания?»

Черт! Обещала же себе ничего не надумывать.

На работе обстановка была расслаблено-предпраздничной, с парой клиентов, забежавших согреться чашкой горячего чая в непогожий день. Джек сидел на стуле за стойкой, закинув ноги на шаткую табуретку рядом, и со скучающим видом смотрел передачу о животных.

– Привет! А где Валери? – я огляделась в поисках девушки, которую должна была сменить.

– Курит у черного входа.

– Людей немного, – глянув в зал, заключила я. – Смогу выпить свой кофе без запары. Скажу Валери, чтобы шла домой.

Пройдя мимо подсобных помещений, я толкнула дверь на улицу. Колючий, сырой воздух взметнул волосы, обдал шею и забрался за шиворот. Поежившись, я поправила капюшон, натянула его на голову, и убрала руки в просторные рукава толстовки. Моя сменщица куталась в тоненький вязаный кардиган полинявшего розового цвета, скрестив руки на груди, в пальцах одной из которых была зажата сигарета.

– Привет, – поздоровалась я, но девушка скривила губы, молча делая затяжку. – Пришла сказать, что я уже здесь, можешь идти домой.

Валери не была настроена на диалог, поэтому ждать ответа я не стала, развернулась, чтобы уйти, как меня остановил ее непривычно серьезный голос, без обычной томности и заигрывания, какие были в нем всегда:

– Что в тебе такого?

Пришлось повернуться обратно.

– О чем ты?

– Почему они все западают на тебя? – она стряхнула пепел с сигареты.

– Кто все?

– Он сказал, что у тебя красивые глаза, – в ее словах не было злости или ненависти, скорее печаль, смешанная с каплей обиды.

Валери говорила о том дне, когда мы с Люци изображали флирт, на самом деле обсуждая жителей города. Девушка тогда внезапно появилась возле нас, судя по всему, застав последнюю фразу.

– Послушай, – я спрятала ладони подмышки. – Эти слова ничего не значат. Ты ведь не знаешь обстоятельств, в которых они были сказаны.

– Да какая нахрен разница, в каких обстоятельствах они были сказаны! – сменщица взмахнула рукой, пепел из зажатой между пальцев сигареты полетел ей прямо на одежду. – Он здесь всего несколько дней, но постоянно не сводит с тебя глаз, говорит комплименты и водит на свидания.

– Свидания? – бровь удивленно выгнулась.

– На крыше, – в голосе скользнули нотки ревности.

Тяжело вздохнув, я вспомнила ее реакцию и то, как все выглядело со стороны.

«Не рассказывать же ей о нашем общем деле».

– Это не то, о чем ты подумала. Хотя понимаю, что ты вряд ли мне поверишь.

– Не поверю, – девушка потушила сигарету об урну и выбросила окурочек.

– Валери, я здесь не самый лучший советчик, да и не подруга, у которой можно его спросить. Но ты не обязана всем нравиться. Ты ведь не сто долларов. И дело не в цвете глаз или волос, – я указала развернутой ладонью на ее растрепанные локоны. – Просто будь собой, что ли. Не знаю, – я вроде не собиралась давать совет, но в итоге все равно дала, хоть и скомканный в своем посыле.

Она криво усмехнулась, отводя взгляд, поймала одну из окрашенных прядей и покрутила ее между пальцев.

– Теперь придется перекрасить волосы обратно.

– Не обязательно. Тебе идет этот цвет, – сделала я комплимент девушке, в самом деле считая, что ей на удивление хорошо в обоих образах. – Я пойду, Джек ждет.

Разговор исчерпал себя. Я почти зашла внутрь, когда меня окликнула Валери.

– Кейт! – я обернулась. – Спасибо!

Девушка улыбнулась мне впервые за все два года, которые я здесь работаю.

***

Сегодня на мою смену выпал один из самых спокойных дней в году, связанный с наступающим праздником. Все готовились к мероприятию на главной городской площади, предпочитая накопить силы для столь значимого события.

Посетителей в ночную смену не было. Вообще, от слова совсем. Мы с Люци сидели за стойкой, ожидая начала матча, в компании пары бутылок пива и соленого арахиса.

– Вряд ли сегодня кто-нибудь придет, – Джек накинул куртку, собираясь уйти. – Можешь закрыться и посмотреть матч спокойно.

– Хорошо, – я встала с высокого стула, собираясь проводить хозяина заведения.

Он пошел к выходу, попутно щелкнув выключатели. В помещении погас основной свет, остался только теплый свет от ламп позади полка с алкоголем. Обстановка стала без преувеличения интимной.

– Удачи, – проговорил одними губами мужчина, пока я провожала его.

Я надула губы, укоризненно глядя на своего начальника, чувствуя смущение и легкую нервозность от того, что мы остаемся с детективом вдвоем в такой обстановке.

Он ушел, одарив меня напоследок улыбкой, говорящей: «Не благодари». Я заперла дверь на ключ изнутри, стараясь подавить порыв внутреннего ликования, нарастающий с каждой минутой, и вернулась на место.

– Поспорим? – Люций закинул в рот пару орешков.

– О чем?

– Чья команда победит, естественно.

– Давай. На что?

– На желание, – он обезоруживающе улыбнулся, коварно прищуриваясь.

Стало ясно: в проигравших он не окажется в любом случае.

– Хорошо, – я скрыла волнение за рассматриванием игроков, выходящих на поле.

Матч начался, держа в напряжении с первых минут. Дело было не в самой игре. Да, меня волновал ее исход, победа команды, за которую я всегда болела. Но в этот раз причина была не только в этом. Меня интересовало, что загадает Люций, если Джетс проиграют. И что могу загадать я, если выиграют?

Все шло своим чередом. Команды набирали очки, поочередно обходя друг друга. Я даже расслабилась, действительно увлекшись происходящим на экране, взволнованно ерзала на стуле, жевала арахис, запивая пивом, тайком поглядывая на соседа, сохранявшего абсолютное спокойствие.

Оставались последние минуты матча. Джетс отставали на одно очко. Мне не сиделось на месте, поэтому я стояла рядом со стулом, покачивая ногой от волнения. Игрок моей команды удачно получил пас, находясь в зачетной зоне противника.

– Есть! – проорала я, хлопнув ладонью по столу. Арахис в тарелке подпрыгнул, едва не рассыпавшись, когда моя команда получила еще одно очко.

– Счет равный, – детектив отодвинул пустую бутылку, смотря на меня, словно точно знал, чем закончится матч, и моя реакция его только забавляет. – Решающие минуты.

Либо я захмелела от выпитого, либо Люци смотрел на меня по иному, задержавшись дольше обычного на моих губах.

Начался овертайм. Игроки мелькали на экране, я в панике ожидания развязки стискивала пальцами манжеты толстовки. Напряжение достигло пика.

– Не-е-ет, – разочарованно протянула я, когда Чикаго получили последние победные очки, перевесившие счет в их пользу.

Схватив пульт, я злобно ткнула кнопку выключения, пока Люций, не отрывая от меня взгляда, вставал с места, уперевшись согнутой рукой в столешницу.

– Ты должна мне желание, – мужчина выглядел таким довольным, как кот, объевшийся

сметаны.

– Хорошо, – я вскинула ладонь в предупреждающем жесте. – Но только ничего непристойного.

Мое волнение было таким сильным, что уже наверняка ощущалось физически. Я стояла, облокотившись спиной на стойку, совсем рядом с детективом. Он выпрямился, оттолкнувшись от столешницы, приблизился ко мне, вставая спереди и упирая руки по бокам от меня. Дыхание тут же сбилось, сердце подпрыгнуло в груди, делая кульбит. Я замерла, стараясь не шевелиться.

Полумрак, созданный освещением полок позади барной стойки, создавал теплую, интимную атмосферу, в которой мой сосед выглядел притягательно и загадочно.

Идеальные черты лица, выделяющаяся линия скул, ровный нос, пухлые губы, тронутые легкой усмешкой, и глаза, от которых невозможно отвернуться. Закатанные рукава рубашки обнажали его руки, от одного вида которых меня штырило похлеще любого наркотика. Теперь я была в плену этих рук.

Люций приподнял пальцами мой подбородок так, чтобы наши лица оказались четко друг напротив друга, наклонился, не сводя с меня глаз, и накрыл мои губы своими. У меня задрожали коленки, а сердце вывесило транспарант с надписью «моя остановочка».

Он начал с неторопливых нежных касаний, постепенно углубляя поцелуй, добавляя немного страсти, не переходящей грань, но приятно вносящей эдакую перчинку, когда я начала отвечать ему взаимностью. Люций положил руки мне на талию, притягивая ближе, я обвила его шею, высвобождая пальцы из плена длинных рукавов и зарываясь ими в его густые волосы. Тем самым давая понять, что не против этих действий.

Пресвятые дьяволята, что это был за поцелуй! Я почувствовала себя облаком сахарной ваты, которую дополнительно посыпали сахаром, полили самым сладким сиропом, а в конце еще и подожгли. Теперь тот, кто проделал все это действие, стоит и смотрит, как я растекаюсь по полу горячей, сладкой лужей.

– Достаточно пристойно? – хрипловато спросил он, размыкая наши губы.

Мне захотелось залезть на стойку и исполнить нижний брейк на радостях. Внизу живота скрутился тугий узел, настойчиво требующий продолжения. Я сбивчиво дышала, все еще держа руки на его шее.

– Вроде бы, – голос сел от волнения. Все слова улетучились из головы со свистом.

– Отлично, идем домой. Уже поздно, – Люций отстранился, указывая кивком в сторону двери наверх.

И все? Поцелуй, а затем словно ничего не было? И как это понимать?

Не то чтобы я собиралась обсуждать, как мы целовались. Просто... хотелось более теплого отношения что ли после такого значимого события. Но видимо мое проклятие настигает меня вновь. Я снова получаю лишь физический контакт без эмоциональной вовлеченности. Кейт Уилсон опять не заслуживает чужих эмоций. Мне не привыкать.

– Да, конечно.

Стараясь выглядеть как можно более спокойно, я отделилась от стойки, уводя глаза в сторону. Не хватало еще выдать свои переживания.

Я выключила все освещение, проверила замки, мы вышли на лестницу, я закрыла дверь в бар на два оборота. Наверх мы поднимались молча, все так же в тишине. Только возле самой двери в мою квартиру мужчина остановился и посмотрел на меня уже более пристально. Стало неловко и волнительно. Я совсем не понимала, что происходит.

– Завтра можно обсудить, что именно мы будем стараться увидеть на городском празднике. Зайди днем.

– Ладно, – я коротко кивнула, пряча кисти рук в широкие рукава и лишь мельком взглянув на соседа.

– Спокойной ночи.

– Спокойной, – я развернулась спиной, доставая ключ из кармана.

Он продолжал стоять сзади.

– Почему ты не уходишь?

– Хочу убедиться, что ты закроешь дверь.

Я с трудом подавила глупую улыбку, вошла внутрь, прячась в темном коридоре, закрыла дверь, окончательно погружая себя в темноту, и два раза повернула ключ в замке.

Заснула я далеко не сразу, вертелась в кровати часа два, раздумывая об этом дурацком поцелуе. Зачем он вообще это сделал? От скуки? Ему ведь явно скучно. Валери больше ему не поддастся. Остаюсь я. Живу рядом, постоянно в поле зрения. Чем не девушка для коротания времени, пока ведешь расследование?

На глаза навернулись слезы, застревая в ресницах. Я моргнула, роняя холодные капли на подушку.

Ну и ладно, ну и пусть. Мне не привыкать.

Сон был короткий и тяжелый. Мне снился он. Тот парень, который поселился в моей подростковой голове на многие годы. Они даже были чем-то похожи. Злая ирония.

Я проснулась посреди ночи от дикой жажды. Нехотя вылезла из-под одеяла и поплелась по холодному полу на кухню. Налила стакан воды, залпом осушила и уже собиралась пойти обратно, как услышала хлопок соседней двери и удаляющиеся по коридору в сторону выхода шаги.

На улице глубокая ночь. Куда его понесло?

Чувство беспокойства прогнало сон еще на пару часов, за которые мой сосед так и не вернулся. Я заснула, чувствуя, что завтрашний день будет одним из самых тяжелых за последнее время.

***

Меня разбудил настойчивый стук в дверь. Вскочив на кровати как ошпаренная, я подтянула одеяло к подбородку, вжимая шею в плечи. Не то чтобы я была из пугливых. Меня вообще после определенных событий в жизни мало что могло напугать. Но эффект неожиданности никто не отменял, а когда тебя будят таким образом, его воздействие на психику увеличивается в сто крат. Полиция всегда прибегает к таким приемам, являясь посреди ночи, чтобы арестовать подозреваемого. Расчет на панику и замешательство. Работает безотказно.

Стук не прекращался. Я побежала к двери прямо как была, в просторной футболке и трусах. Тот, кто барабанил с этой остервенелой настойчивостью, явно не собирался уходить. Я распахнула дверь, даже не посмотрев в глазок. Так хотелось побыстрее прекратить эти удары о деревянное полотно, сотрясающееся под их воздействием.

На пороге стоял Люций.

– Что слу...

Часы в машине детектива показывали десять утра. Я проспала от силы часа четыре в общей сумме. Не позавтракала, успела только умыться и наскоро одеться. Голова гудела: сказывался недосып и вчерашнее пиво. Люций молча вел автомобиль, барабаня пальцами по рулю. Щелкали поворотники, визжали дворники, смахивая капли дождя с лобового стекла.

Напряжение в салоне можно было резать ножом. Оно было как замерзший кусок сливочного масла, о который можно сломать лезвие. Даже не было смысла пытаться на него повоздействовать. Лучше просто оставить, пока не оттает само.

«Куда он ходил посреди ночи?»

Возле дома Валери собралась огромная толпа. Без преувеличения, все жители города. Разве что свинюшки со скотобойни Сэма не пришли посмотреть на происходящее. Люди стояли за полицейским ограждением, перешептывались, старались высмотреть нечто интересное в окнах дома.

Сосед вышел из машины, попросив идти следом. Уже почти возле порога он остановился, оборачиваясь ко мне.

– Это место преступления. Особо жестокого. Если ты хочешь, можешь не ходить. Я уже видел подобное. Но тебе может быть тяжело.

– Я в порядке.

– Уверена?

– Да. Я видела смерть... – последние слова вырвались сами по себе, заставляя резко осечься.

Мужчина вскинул брови от удивления, но говорить ничего не стал.

Обстановка в доме Валери была скромной. Неприметные предметы интерьера, с помощью которых пытались оживить пространство. Старенькая мебель, давно просящаяся на замену. Тусклые лампочки, в минимальных количествах освещающие помещение, от чего блеклые обои с психоделическим тошнотно-зеленым узором навевали еще большую тоску. Сыроватый запах вместо уютного аромата еды. Единственное, что выделялось на фоне всего этого – фотографии матери Валери, в приличных количествах стоящие то тут, то там. Везде молодая, ухоженная женщина, на которую так похожа моя сменщица, позировала в модных нарядах. Они действительно были очень похожи, даже белокурые локоны лежали почти так же.

Ни одного фото бывшего мужа и лишь одна маленькая фотография вместе с дочкой, стоящая в самой глубине полки шкафа в зале, среди сервиза для приема гостей.

Мы поднялись наверх, к спальне девушки, возле которой толпились сотрудники полиции.

– Детектив, – шериф протянул руку для приветствия и с немалым удивлением посмотрел в мою сторону.

– Кейт – моя помощница, – пояснил Люций.

Меня мало волновала реакция служителя закона. Я как загипнотизированная смотрела на тело девушки, находящееся посреди ее комнаты, полностью исполненной в девчачьем розовом цвете.

Там было так много крови. Валери лежала в огромной луже, с повязанной на шею красной лентой и в красных туфлях на шпильке. Интерьер создавал впечатление, что кто-то очень злой издевался над куклой Барби, бросив ее в игрушечном кукольном домике.

Я сижу возле девушки, лежащей на полу. На ее животе зияет рана, из которой толчками выплескивается кровь от каждого всхлипа. Белая блузка пропитана кровью почти полностью, облепляя ее тело.

– Зажми рану.

Я поднимаю трясущиеся руки девушки, кладя их ей на живот. Мои руки дрожат так же сильно. Адреналин не дает отключиться, заставляя мозг соображать реще.

– Не бросай меня, Кейт.

– Просто держись. Скоро все закончится.

Она содрогается от боли, а я понимаю, что ей нужно в больницу, но пока что никак. Время играет не в нашу пользу.

В коридоре слышны шаги. Он возвращается.

– Кейт, Кейт!

Люций тряс меня за плечи, обеспокоенно глядя в мое лицо. Я заморгала, возвращаясь к реальности.

– С тобой все в порядке?

– Да.

– Послушай, тебе не нужно туда смотреть, – он отвел меня к окну, выходящему на улицу. – Вот держи, – мужчина сунул мне свой блокнот и ручку. – Запиши всех, кто стоит возле дома. Это крайне важно. Я поговорю с экспертами, осмотрю место, и мы вернемся домой, чтобы работать.

Детектив выглядел взволнованным, как собака-ищейка, взявшая след. Глаза горят от азарта, челюсть сжата, на лице полно решимости.

Я кивнула и отвернулась к окну. Люций оставил меня одну и ушел в комнату Валери. Собравшись с мыслями, я открыла блокнот. Взгляд зацепился за что-то приклеенное к обложке изнутри.

Фотография девушки.

Девушки, похожей на жертв. Очень красивой девушки. Она улыбалась, смотря самым ласковым взглядом в объектив фотографа.

Во рту пересохло еще больше, слюна стала вязкой, с трудом позволяя сглотнуть.

«Куда он ходил ночью?»

По спине пробежал холодок от страха. Он постоянно крутится вокруг меня. Этот поцелуй без какой-либо реакции после.

Обернувшись, поймала строгий взгляд Люци. Он указал глазами на блокнот в моей руке.

Нужно не подавать вида.

Стараясь унять сердце, в страхе бьющееся о грудную клетку, я посмотрела на собравшихся на улице, дрожащей рукой сделала пометки на пустом листе. Здесь почти все жители. Какой смысл? Проще написать весь город.

Сердце теперь колотилось уже в горле, норовя задушить меня своим темпом. Я рыскала глазами по любопытной толпе, ожидающей поводов для сплетен, когда взгляд зацепился за машину на другой стороне улицы. Сфокусировав зрение, я слегка наклонилась ближе к холодному стеклу. Билли Беккер. Сидел в своем потрепанном автомобиле и смотрел на толпу людей.

«Какого черта?»

Происходящее вокруг начинало напоминать быструю перемотку кино. Пульс стучал уже в висках, вспотевшая спина, почерк кривой и неровный – все выдавало мое волнение.

– Записала?

Люций появился так неожиданно, что я подпрыгнула, уронив ручку.

– Да.

– Тогда возвращаемся. Нельзя терять время, – детектив забрал блокнот и поднял ручку с пола.

Дорога домой показалась вечностью. Кто-то снова баловался с перемоткой, заставляя нервничать пуще прежнего.

– Ты как? – обеспокоенно спросил Люций.

– Порядок, – нельзя выдавать свою нервозность.

Я быстро кивнула, поправляя высокий ворот парки, за которым спрятала эмоции.

Он провел меня наверх, постоянно оглядываясь, не отстала ли я. Главное – сохранять трезвый рассудок. Мы зашли к нему в квартиру, он запер дверь. Руки похолодели от страха. Я не из пугливых, но телу не прикажешь. Жаль, что перестала носить нож с собой.

Люций метался по комнате и курил, пока я стояла возле двери, готовая бежать в любой момент.

– Тебе сильно нужна моя помощь сейчас?

Он замер, недоуменно сдвигая брови.

– Если ты передумала, я пойму.

– Я просто... мне нужно... – поведение начинало вызывать вопросы, я тыкала пальцем себе за спину, бессвязно выдавая слова.

– Что случилось?

Сосед быстро приблизился ко мне, сподвигнув отступить назад, ударившись спиной о закрытую дверь.

– Кейт?

Он просканировал мое лицо глазами. В теплой одежде очень жарко, лоб и виски покрылись испариной, дышать становилось все тяжелее.

– Ты меня боишься?

Люций взял меня за предплечье. Хватка крепкая, так просто не освободиться.

– Мне нужно идти.

Голос дрогнул, хотя я очень старалась не выдать себя.

– В чем дело? Объясни, – детектив придержал меня за плечи, прижимая лопатками к двери.

– Куда ты ходил ночью?

Он молчал. Бегал взглядом по моему лицу и замер, озаренный догадкой. Понял, что я видела фотографию.

– Кейт, я не маньяк, если ты так подумала. Но твоя бдительность похвальна.

– Тогда куда ты ходил ночью? – губы пересохли, теперь больно трескаясь, когда сжимала их в напряжении.

– За сигаретами. Сейчас.

Люций отпустил меня, ушел прочь в сторону кухни. Можно было бы сбежать, ключ в замке, но я продолжила стоять.

– Я купил тебе кофе.

Сосед вернулся с пачкой молотого кофе и протянул ее мне.

– Кофе? Мне? – испуг сменился недоумением, пока я брала пачку из его рук.

– Да. Вот чек из магазина, посмотри на дату и время, – детектив порылся в кармане куртки, достал оттуда смятый кусок бумаги.

– Зачем берешь чеки с собой?

– Привычка.

В одежде было невыносимо жарко. Еще немного и я упаду в обморок от духоты. Я положила кофе на столик у входа и стянула с себя парку, по-прежнему стоя на месте, перевесила ее через локоть.

– Кто эта девушка?

– Моя невеста.

Люций снял свою куртку, отправляя ее на вешалку неподалеку, взял парку из моих рук и повесил рядом.

– Она...

– Да. Первая жертва.

Он стоял, спрятав руки в карманы, с напряженным лицом, но не отходил. Ждал реакции.

– Так ты просто пытаешься заменить ее мной? – на место недоумения пришла обида, а предательский, удушающий ком уже нарастал в глотке.

– Нет. Ты не сможешь ее заменить. Ее никто не сможет заменить, – сказал эти слова прямо в лицо, открыто и честно.

«Ну конечно. Кейт Уилсон ни для кого не станет любимой».

– Но с чего ты взяла, что я ищу ей замену? – сосед смягчился в выражении лица, слегка склонил голову вперед, следя за моей реакцией. – Это было пять лет назад. Я прожил это горе, отпустил. Сердце больше не болит, остались только кошмары.

– Тогда зачем ты ищешь убийцу?

– Ради восстановления справедливости. Он продолжит убивать и дальше, если его не поймать. А я не хочу, чтобы кто-то переживал то, что пережил я. Никто не должен выносить столько боли из-за какого-то психопата.

Стыдливо потупив взгляд, я посмотрела в пол, чувствуя облегчение и, в то же время, неловкость. Залезла в душу, хотя сама не люблю, когда так делают.

– Кейт.

Люций подошел ближе, окуная меня в головокружительный аромат своего парфюма. Взял за подбородок, поднял его вверх, аккуратно, без лишних усилий. Погладил линию челюсти большим пальцем, высматривая во мне нечто, лишь ему ведомое. Карие глаза наполнились тоской и светлой грустью.

– Не нужно себя с ней сравнивать. Соревноваться с покойником так себе идея. Здесь не будет победителей. Ты хороша такой, какая ты есть, – он сделал паузу, позволяя осознать слова. – Я не пытаюсь увидеть в тебе замену. В тебе я вижу только тебя. Ты уникальна, со своей харизмой и характером. А внешность лишь простое совпадение.

– Дурацкое совпадение, – возмутилась я, шмыгнув носом.

– Согласен, – Люций спрятав руки обратно в карманы, но не отошел. – Ты имеешь полное право уйти. Но можешь остаться, выслушать мою историю и тогда решить, хочешь ты уйти или нет.

– Я дома! – оповещаю я о своем приходе, кладя ключи от машины на столик в коридоре. Ответа не последовало.

Странно. Наверное опять обсуждает с подругой свадьбу по телефону и не слышит, что я пришел.

В доме непривычно тихо. Как правило, пока она собирается, всегда негромко играет музыка, что-то танцевальное, поднимающее ей настроение.

Прохожусь по коридору, заглядываю в зал и свой кабинет. Никого. На кухне тоже пусто. Осталась спальня, на подходе к которой я замечаю, что внутри включен небольшой источник света, скорее всего лампа на прикроватной тумбе. В вечерних сумерках свет кажется особенно ярким, обозначая границы дверного проема.

– Любимая, все в порядке?

Я заглядываю в комнату, успев сделать только пару шагов, когда застываю как вкопанный.

Из-за просторной кровати видно только ноги лежащего на полу, обутые в ярко-красные туфли на шпильке. Сперва я решил, что ей стало плохо, упала, потеряла сознание. Но чем ближе я подхожу, тем отчетливее осознаю: здесь что-то не так. Она никогда не носила подобную экстравагантную обувь. У нее таких туфель не было в принципе. То, что я вижу, дойдя до другого края кровати, впоследствии стало моим самым большим ночным кошмаром.

Животный ужас пронзает все тело, могильным холодом оседая на внутренностях.

Она лежит на полу, раскинув руки в стороны, обнаженная, в огромной луже крови, с алой лентой на шее, в тон туфлям. Ринувшись вперед, падаю на колени возле нее, тут же испачкав костюм и обувь.

– Ева, – приподнимаю ее за плечи, не сразу понимаю, что во всей картине мой мозг упорно игнорирует одну очень важную деталь.

Ее тело было покрыто множеством ран. Хаотичные красные полосы пестреют на животе, залитом кровью, на месте сердца почти зияет дыра, жирным красным пятном выделяющаяся на фоне белоснежной кожи груди.

Она не реагирует, не двигается, не дышит. Голова запрокидывается назад, как у марионетки, которую бросил ее кукловод. Распахнутые глаза смотрят в потолок, не моргая, с пугающим спокойствием и умиротворением.

– Эй, очнись. Ну же!

Провожу рукой по ее волосам, пачкая их кровью. В воздухе стоит противный запах железа, до тошноты едко цепляющийся за рецепторы. Лента на шее завязана так туго, я тяну край, распуская узел. Ткань соскользнет вниз, открывая прячущуюся за ней синюшную полосу. Где ее крестик? Она ведь носит его не снимая.

Оглядываюсь, замечая в луже на полу блестящий предмет. Коснувшись его пальцами, подцепляю, чтобы поднять. Цепочка порвана, нераскрытый замок болтается на одном ее краю, маленькое золотистое распятие скользит вниз, соскакивает с тоненьких звеньев, и падает обратно в густую красную жидкость на полу, теряясь в насыщенном цвете. Я разжимаю пальцы, давая цепочке упасть обратно.

– Ничего страшного, я куплю тебе новую.

Она не отвечает.

Ее тело едва теплое, а кожа бледная, как у фарфоровой куклы. Я совершенно не понимаю, что должен делать. Как я могу помочь?

– Сейчас.

Бережно кладу Еву на пол, достаю из кармана мобильный, трясущимися руками набирая три цифры. Палец оставил грязный, бурый след на экране.

– Девять-один-один. Что у вас случилось? – отвечает женский голос.

– Моя невеста... Я нашел ее на полу. Тут много крови.

– Где вы находитесь, сэр?

– Дома.

– Вижу ваш адрес. Скорая и патруль уже выехали. Оставайтесь на линии.

– Хорошо, я здесь, – я беру девушку за руку, так ей будет нестрашно.

– Сэр, вы можете проверить дыхание вашей невесты?

– Могу, сейчас.

Кладу телефон на пол, наклоняюсь ближе, повернув голову боком. Я ничего не слышу. Телефон едва не выскальзывает из мокрых рук, когда я беру его вновь.

– Не знаю, я не слышу.

– Скорая и патруль уже на месте, – в окне дома мелькают проблесковые маячки. – Вы можете открыть им дверь?

– Конечно. Я положу трубку?

– Да, сэр. Моя помощь вам больше не нужна.

Женщина отключается, оставляя меня одного.

Я поднимаюсь с пола, быстрым шагом направляюсь к двери. На пороге стоят медики и двое в штатском.

– Она в спальне. Быстрее, прошу, – умоляюще смотрю на врачей, указываю им, где находится комната, тут же разворачиваюсь и иду назад.

Двое мужчин, судя по всему, полицейские, идут следом. Когда мы добираемся до спальни, один из них, небольшого роста, с редящими волосами и пузиком останавливает меня жестом, осматривая с ног до головы.

– Стойте здесь, сэр.

Он так странно смотрит на меня, что я невольно прослеживаю его взгляд. Вся одежда: белая рубашка, брюки, обувь и даже руки – перепачканы кровью.

– Нужно переодеться.

– Оставайтесь на месте, сэр, – останавливает меня офицер.

Один из медиков привлекает внимание полицейских. Он отрицательно качает головой. Они даже не открывают свои чемоданчики, не пытаются помочь. Только аккуратно ступают, обходя ее тело, направляясь прочь.

– Стойте, – я выставляю руку вперед. – Разве вы ей не поможете?

В комнату тут же начинают проходить другие люди, в синей форме, тоже с чемоданами. На их спине надпись «Коронер». Медик только как-то сочувственно смотрит на меня и быстро опускает взгляд в пол.

– Что происходит? – развожу руками, теряясь в происходящих событиях.

– Вам есть во что переодеться? – офицер стоит, засунув руки в карманы, с ничего не выражающим лицом.

– Да, мои вещи, они здесь.

Попытка зайти внутрь спальни не увенчивается успехом. Полицейский вытягивает руку, преграждая путь.

– Стойте на месте.

Полицейский подзывает одного из сотрудников и что-то шепчет ему, дожидаясь понимающего кивка. Через пару минут мы перемещаемся в зал, где мне дают комплект одежды.

Я все еще не понимаю, что происходит. Они должны оказать ей помощь.

– Послушайте, – стою, держа в руках сменную одежду. – Мне нужно поехать с ней в больницу.

– Сэр, – офицер наконец-то вытаскивает руки из карманов. – Ваша невеста умерла. Мне очень жаль.

Он говорит эту фразу быстро, почти скороговоркой, с лицом человека, делающего свой ежедневный заказ кофе в Старбакс, а не выражающего соболезнования.

– Я не понимаю...

Тело словно налилось свинцом, ноги приросли к полу. Замешательство, сдобренное страхом, заставляет кишки скручиваться, не предвещая ничего хорошего.

– Снимите то, что на вас и сложите в этот пакет, – полицейский указывает на прозрачный полиэтиленовый пакет в руке криминалиста. – Переоденьтесь. Мы проедем в участок.

***

Люций замолчал, прерывая рассказ. Достал новую сигарету из пачки и закурил. Я притихла, боясь потревожить его настрой и сбить с мысли. Только обнимала ноги руками, пряча лицо с выражением ужаса в коленях.

– Я все не понимал, почему они везут меня в участок. Почему не дадут поехать в больницу, – пара глубоких затяжек прервали слова. – До меня начало доходить только когда мы почти подъехали к отделению, где они работали. Только тогда все картинки в голове сложились воедино. Кровь, раны, отсутствие дыхания, едва теплое тело, – он потер лоб тыльной стороной руки. – Меня накрыло прямо в полицейской машине. Минут тридцать не мог пошевелиться. Просто сидел и... – мужчина мотнул головой, мышцы его лица дернулись в болезненной гримасе. – В общем, выйти я смог не сразу. Казалось, самое ужасное позади. Остается только допрос, где придется все заново вспоминать. Но я даже не предполагал, что будет дальше.

***

В допросной горит слепящий свет. Я лежу спиной на грубой лавочке со связанными руками и ногами. Надо мной все тот же пузатый офицер и его тощий молодой помощник с тупым, как у барана, выражением лица и с такой же бараньей настойчивостью выполняющий указания своего коллеги.

– Слушай сюда, – пузатый закуривает, делая тяжелый воздух помещения еще более невыносимо едким. – Просто признайся, и все закончится. Твоя якобы, – он изобразил

кавычки, подвигав пальцами незанятой руки в воздухе, – встреча началась в пять, продолжалась до семи. Но из дома ты уехал в три. А девушку убили в четыре. Где ты был в этот промежуток времени?

– Издеваетесь?

– Может ты сделал вид, что уехал, а потом вернулся, залез через окно на заднем дворе и убил ее? – офицер иллюстрирует свои слова, махая рукой, в которой держит тлеющую сигарету, от чего дым вырисовывает серые волны в воздухе. – Чтобы соседи не заметили. Потом так же вышел обратно, съездил на встречу и вуаля, – мужчина разводит руками. – Вроде бы тебя и не было вовсе на месте преступления.

– Пошел ты, гандон! – злобно цежу сквозь зубы.

Эта гнида ухмыляется, делает новую затяжку.

– Ладно, – он кивает помощнику. – Давай.

Помощник с бараньей рожей кладет мне на лицо тряпку, которую держит в руке. Я знаю, что сейчас будет происходить. Такие пытки применяли в Гуантанамо.

Начинает литься вода из той бутылки, которую этот кретин держал во второй руке. Ощущение, что тонешь, захлебываешься холодной водой, не имея возможности сделать вдох. Слизистые саднит, легкие ноют от натуги. Ты тонешь, будучи на суше. Суставы ломит, как и все мышцы на теле от неудобной позы. Меня словно скрутили в морской узел, бросив на растерзание бушующим волнам.

– Ну как? Не надумал говорить? – от лица отнимают тряпку. Хватаю воздух, громко хрипя.

– Сказал бы, – откашлявшись, севшим голосом вступаю в диалог. – Да только будто воды в рот набрал.

С губ срывается хриплый смех, вроде того, которым смеются больные в психушке. Офицер дует губы, недовольный моим ответом, кидает сигарету на пол, туша ее носком туфли.

– Твой мобильный был в районе твоего дома в указанный промежуток времени, ты никуда не уехал. По крайней мере, далеко.

– Я уже говорил. Я был в ювелирном магазине недалеко от дома. Хотел сделать подарок.

– Хорошая отмазка. Типа любящий будущий муж? – пузан снова закуривает, дым обжигает разодранное горло. – По какому поводу подарок?

– Почему я не могу сделать подарок любимой женщине просто так?

Он злобно скалится желтыми зубами на мой ответ.

– Ну да, все же мы романтики. Дарим женам брюлики просто так, – уебок гогочет, смотря на помощника, тот тянет кривую улыбку, потакая начальнику.

В дверь стучат. Полицейский отходит, с минуту перешептываясь с тем, кто пришел. Возвращается назад, снова нависая своей плешивой башкой надо мной.

– Ну ты и гнида, – он качает головой. – И имечко у тебя подходящее. Убил беременную девочку и рад.

Злобное ликование сменяется ужасом, иглами вонзающимся в сердце.

– Что?!

– Давай еще раз, – игнорирует полицейский, командуя помощнику продолжить.

Снова вода, снова тону. Теперь уже во всех смыслах. Физически, эмоционально, душевно. Умираю, оставаясь живым. Живым мертвецом.

Дают подышать: моя смерть не в приоритете. Во рту привкус крови, в голове туман и

вага. Нехватка кислорода не дает нормально сообщать.

– Закончим пока что. А то еще сдохнет раньше времени.

Пузатый уебок уходит, пока его помощник отвязывает меня от лавки. Он отводит меня в камеру, толкая в спину. Ноги не слушаются, обещая в любой момент мне встречу с полом.

В камере холодно и сыро, воняет мочой вперемешку с затхлостью. Я умываюсь, пытаюсь прийти в себя, словно до этого мне не хватило обливаний водой. На твердой лавочке неудобно лежать, но даже сидеть сейчас тяжело.

Беременна? Ева была беременна?

Закрываю глаза, надеюсь, что все это сон, что сейчас исчезнет, и я проснусь дома, в своей постели рядом с ней. Но к реальности меня возвращает грохот металлической решетки.

– На выход, – сухо командует смотритель.

Не задаю вопросов, не до них сейчас. Мне возвращают вещи, ждут, пока переоденусь и ведут к выходу. Уебок стоит с недовольной рожей в коридоре, едва не плюясь ядом. У двери участка меня встречает адвокат. Кажется, все закончилось.

– Ну и заставил же ты меня попотеть, Люций.

Джимми, как всегда, улыбчив, бодр и свеж.

Мы отходим от участка, останавливаясь возле его припаркованной рядом машины.

– Ты как? Я чуть ли не силой раздобыл эти ебаные записи с камер магазина. Ты бы хоть чеки брал для верности.

Он улыбается. Я молчу.

– Есть сигарета?

– Ты же не куришь, – адвокат меняется в лице, одергивая свой пиджак взволнованным жестом.

– Так есть или нет?

Джимми достает пачку и протягивает мне одну сигарету, дает прикурить. Мы молчим. Похоже он понимает, что не все пошло гладко.

– Еще одну, – требую я, понимая, что выкурил предыдущую практически до фильтра.

Адвокат крикает от непонимания и шока, достает сигареты, с полминуты глядя на них.

– Забирай всю пачку, – протягивает он их мне.

Снова подкуриваю, наслаждаясь болью в разодранных легких. Так легче, так проще не дать себе развалиться на части.

– Не знаешь, как быстро получить лицензию частного детектива?

***

К концу рассказа Люци я, кажется, залила слезами весь пол в его квартире. Он выкурил всю пачку сигарет и молчал, пока я всхлипывала, не в силах остановиться. Рукава толстовки намокли, будто я только что достала ее из стирки.

– Не плачь. Видишь, я же не плачу, – он тепло улыбнулся, стирая слезы с моих щек.

– Ты... – я чуть не задохнулась, пытаюсь сказать хотя бы слово. – Это чудовищно.

– Человеческая жестокость вообще зачастую чудовищна и бессмысленна.

Он улыбался, черт возьми. Он улыбался после всего, что только что рассказал.

– Ты ее любишь? – я прижала ладони, спрятанные в рукава, к щекам.

– Нельзя разлюбить человека только потому, что он умер.

– Тогда зачем ты меня поцеловал?

– Я просто пытаюсь жить дальше. Просто пытаюсь.

Люций взял сигаретную упаковку со стола, откинул крышку, но понял, что там пусто.

Устало выдохнул, бросая ее назад, встал с места, дойдя до рабочего стола, и взял новую.

Детектив снова закурил.

– Ты ищешь его, чтобы убить? – я вдруг начала догадываться, что за этим поиском может стоять нечто нехорошее.

– Сначала хотел убить. Не спал ночами, грезя тем, как сверну его ебаную шею. Но знаешь, – он сделал затяжку. – Я рад, что не нашел его сразу. Что мне даст пять минут удовольствия ощущать, как жизнь покидает этого ублюдка? За ними последует пожизненное в тюрьме с такими же убийцами, как он. Насилие порождает насилие, – Люций запрокинул голову вверх, разглядывая балки у потолка. – Эта гнида и так сломала мою жизнь. Убить его – значит облегчить ему участь и дать победить, окончательно загубить мою жизнь. То, что от нее осталось, – он сел рядом, туша сигарету в пепельнице. – Он должен сидеть. Смотреть каждый день на небо из-за решетки и помнить, почему он там. Чью жизнь посмел отнять.

– Но если бы ты мог предотвратить, оказался в нужное время в нужном месте. Ты бы убил? Сделал бы такой выбор?

Сосед тихо рассмеялся.

– Ты очень любознательная, – он повернулся ко мне всем корпусом, смахивая еще не до конца высохшие слезы с моих щек. – Я бы постарался задержать его. Смерть для него – это слишком мало.

Я подвинулась ближе, привставая на коленях и протянула руки к детективу.

– Можно тебя обнять?

– Зачем? – сосед так искренне удивился.

– Всем людям нужно, чтобы их иногда просто обнимали.

Люций распахнул свои объятия, я обвила его шею, кутаясь в этих сильных, мужественных руках.

Этого было мало. Нам обоим было мало только объятий. Ведь ими не залечить все травмы.

Но это иногда единственное, что ты можешь дать.

Из воспоминаний маньяка

Я прячусь под своей кроватью, вжимаясь в холодную стену спиной и вдыхая пыль, скатавшуюся в комки. Маме некогда убираться.

Мне семь, и я снова обмочился во сне.

Она бегает туда-сюда возле кровати, громко ругаясь. Ее красные туфли мелькают, как два огонька, а голос заставляет дрожать всем телом.

– А ну вылезай, маленький ублюдок!

Она останавливается. Два острых носа туфель смотрят на меня. Я молчу, подтягивая колени к груди. Она будет меня бить этой простыней. Снова.

– Вылезай, я сказала! – ее визжащий голос больно отзывается в ушах.

Рука тянется ко мне сквозь тьму под кроватью. Ногти больно царапают шею, пальцы

хватают шиворот футболки. Я проезжаю по грязному полу, собирая всю пыль и грязь.

– Паршивец, – она лупит меня по лицу и телу мокрой тканью. – Ты портишь мне жизнь, маленький ублюдок!

– Мама, не надо! Мамочка!

– Зачем я тебя только родила!

– Я тебя люблю, мамочка.

Она останавливается, тяжело дыша, стоит надо мной, глядя с презрением. Поправляет свою красную ленту на шее. Она всегда такая красивая.

– Проваливай в школу, урод. Не хочу тебя видеть.

Глава 5. Семейные ценности

Я не могла найти в себе силы покинуть руки Люци наверное целых десять минут. Мне было так хорошо с ним. Он крепко прижимал меня к себе, пока я гладила его плечи, уткнувшись носом ему в волосы.

Нехотя отстранившись, я села рядом, потеряв нос рукавом толстовки.

– Почему его не поймали в Чикаго?

– Сама понимаешь, какой уровень сознательности у тех копов. Они работали на повышение, а не для поимки реального преступника, – он откинул голову на спинку дивана, рассматривая стену напротив, где висели фотографии. – Произошло еще два убийства в том же районе. Наверное, он жил там же или работал, – Люций слегка махнул кистью руки, лежащей на колене. – На время убийства прекратились. А потом появился подражатель. Успел убить только одну девушку. Там даже по самому месту преступления было ясно, что это не он.

– Что-то было не так?

– Все было не так, – он дернул плечами. – Оно произошло на улице. Это уже, как минимум, не вписывается в его модус операнди.

Я зависла.

– Это заклинание из Гарри Поттера? – шутка вырвалась сама собой.

Люций усмехнулся.

– Латинская фраза, в книгах прочел, – пояснил Люций. – Переводится как «образ действия». Он предпочитает убивать в безопасной и знакомой ему обстановке.

– Надо запомнить, – мысленно повторила себе новый термин.

– Если коротко... Этот кретин засветился на камерах круглосуточного магазина. Естественно, его взяли и повесили на него всех собак. Дело закрыли. Ушлый Люций получил повышение, – Люций поморщился, упоминая полицейского. – Но я понимал: убийца никуда не делся. Он либо сел в тюрьму, либо уехал, либо просто затаился. Мониторил новости других крупных городов, но там была абсолютная тишина. Тогда я пошел шерстить городки поменьше в Иллинойсе. И бинго! – Люций указал пальцем на стену. – Наш маньяк вернулся. На фотографиях были жертвы его типажа.

Я молчала, осмысливая услышанную информацию.

– Как он так ловко забирается в дома?

– Хорошая организация.

Вопрос читался у меня на лице, поэтому Люций сразу начал пояснять:

– Наш убийца имеет четкий план. Если ему что-то мешает, он готов отложить свое дело в целях безопасности. Уверен, он затаится после смерти Валери снова, – он сделал паузу. – Особенно учитывая, что теперь я постоянно в баре и пристально слежу за всеми.

– Значит, он не тупой?

Люций слегка развернулся ко мне, облачиваясь на спинку дивана.

– Далеко не тупой, Кейт. Уверен, он не раз проникал ко мне домой, изучал обстановку, привыкал к ней, продумывал свои действия, прежде чем вернуться с конкретной целью.

От этих слов стало жутко, мороз пробежался по коже, я передернула плечами. Каково это? Не знать, что в твоём, казалось бы, безопасном жилье регулярно бывает убийца, во всех красках представляющий твою смерть.

– А как же желание реализовать манию? Разве не ради этого он вообще затевает всю эту канитель? – я махнула головой в сторону фотографий.

– У него есть трофеи. С их помощью еще какое-то время можно предаваться фантазиям.

– Жуть, – я съежилась, представив в красках, как маньяк сидит над своей пугающей коллекцией, вспоминая жертв.

– Имеем то, что имеем.

– Постой... – меня осенило. – Как он узнал, что тебя не будет дома?

– Ежедневник в моем кабинете. Там каждый месяц был расписан наперед, – он покачал головой, заметно погрузнев. – Однозначно он пришел заранее и следил за домом. Увидел, как я уехал, может даже проследил, куда, – Люций положил руку мне на плечо, обеспокоенно вглядываясь в глаза. – Он совсем не тупой, Кейт. Помни об этом.

– Теперь мне совсем не по себе, – я содрогнулась, представляя, что в моей квартире может кто-то находиться в мое отсутствие.

– Будь осторожна. Договорились?

Я согласно закивала, потирая глаза кулаками, словно ребенок, чувствуя, как усталость из-за недостатка сна ослабляет тело.

– Нужно отдыхать. Завтра нам обоим надо быть внимательными.

– Да, – я кивнула.

Уходить не хотелось, но какие были варианты?

Тяжело вздохнув, я начала спускать ноги с дивана, чтобы направиться в сторону выхода, но Люци поймал мою ладонь, разворачивая обратно к себе лицом.

– Постой.

Люций погладил меня по волосам, легонько проведя тыльной стороной указательного пальца по шее. Кожа моментально покрылась мурашками, метнувшись вниз, под скрывающую тело толстовку, томным покалыванием осевшими на груди. Я взволнованно вздохнула, крепче сжимая его руку в ответ.

– Как тебя теперь отпустить одну?

– Я ведь в соседней квартире.

– Между нами целая стена. Это очень много, – он приподнял подбородок, раздумывая, посмотрел в сторону своей спальни и вернулся взглядом ко мне.

«Вот сейчас он скажет, что я могу остаться, а потом все снова будет развиваться по старому сценарию».

– Остайся. Я лягу на диване.

Его слова отрезвили меня, как стакан ледяной воды, убрав всю нервную возбужденность в один присест.

– На диване? – я даже отпрянула, чтобы посмотреть на него внимательнее, но руку не отпустила. – Это же твоя кровать.

– Хочешь, чтобы я лег рядом? – он так лукаво улыбнулся, что моя возбужденность вернулась обратно.

Я замаялась, бегая глазами по комнате.

– Мне не хочется тебя выгонять из твоей же постели, – выдохнула ответ, уцепившись глазами за просторную, идеально заправленную кровать, частично видимую в проеме двери.

– Переживу, – Люций повел бровью, наслаждаясь моим замешательством.

– Ты можешь лечь рядом, – я кусала губы, нервно теребя свободной рукой край рукава.

«Переживала, что он будет пытаться меня соблазнить. А в итоге предложила лечь со

мной, хотя он отказался. Уилсон, что с тобой не так?»

Люций так душевно рассмеялся, тут же вгоняя меня в краску этим смехом.

– А ты не промах, – заметил он.

Я цокнула языком и отпустила его руку.

– Будто я мужиков никогда не видела, – начала стягивать с себя толстовку, на мне остались только футболка и джинсы. – Если так беспокоишься о моей целостности – ложись рядом и охраняй. Можешь даже взять пистолет.

Учитывая событие, по причине которого мы вообще здесь собрались, в памяти всплыли слова Валери, тут же повернувшие вектор мысли совсем не туда. Я пошла в сторону спальни, убегая от разговора, грозившего стать несколько неподобающим ситуации.

В комнате не горел свет. Помещение освещал только холодный, синеватый отблеск уличного фонаря, проникающий через не до конца задернутые занавески, он придавал обстановке загадочность ночи.

Стянув обувь и джинсы, я нырнула под одеяло. Люций, то ли из благородных порывов, то ли из желания взять паузу, пришел парой минут позже. Он положил телефон на прикроватную тумбу и стал расстегивать пуговицы на рубашке. Медленно высвобождая длинными пальцами одну за одной из своих петель, оголяя грудь, а затем и пресс, вытащил края из-за пояса брюк, позволяя рубашке распахнуться. Даже полутьма не мешала рассмотреть его мускулистое тело, к которому мой взгляд приклеился намертво.

Я пялилась на происходящее, кусая губы и учащенно дыша. Внизу живота приятно потяжелело, обещая, что заснуть быстро после такого зрелища я точно не смогу, да и сон будет не самый спокойный.

Он подошел к шкафу, развесил рубашку на плечики, расстегнул ремень брюк. Чем больше он начинал раздеваться, тем выше я натягивала одеяло, оставив в итоге одни лишь глаза, наверняка сверкающие, как два прожектора в темноте.

Люций собирался расстегнуть молнию, но замер, оглянувшись в мою сторону.

– Сейчас вернусь.

Он взял пижамные штаны и вышел из комнаты.

«Хлеба и зрелищ не будет».

Я спустила одеяло до талии. До того мне стало жарко, что требовалось немного остыть. Вернувшись через пять минут, Люций лег с другой стороны кровати, закинув руки за голову, и уставился в потолок.

«Какой тут может быть сон?»

– Это больно?

Люций повернул голову в мою сторону, не понимая, о чем вопрос, увидел, что я смотрю на его татуировки, скосил глаза себе на грудь, затем вернул их обратно к потолку.

– Зависит от места, – он снова вернул взгляд к потолку.

Я придвинулась немного ближе, плавно занесла руку над его телом, коснувшись рисунка на груди одними подушечками пальцев.

– Локти, ключицы по ощущениям, будто по всем костям в теле пустили ток. Еще шея и подмышки. Остальное терпимо.

– Почему такой сюжет?

В темноте ночи чернила под кожей казались еще насыщеннее, придавая татуировкам большей загадочности и мрачности. Освещение было очень слабым, но я лежала достаточно близко, поэтому примерно смогла рассмотреть роспись на руках, похожую на те, что

изображали на старинных фресках. Люди, неземные существа, демоны и ангелы, огонь как фон их взаимодействия. Теперь тематика татуировки стала ясна в полной мере.

– Он отражает пережитое, – он сделал паузу. – Ад.

Одно слово, две буквы, а нервы тут же стянуло в тугой канат, в носу защипало, намекая на новый поток слез, хотя меня только-только начало отпускать после истории о его прошлом. Рука непроизвольно дрогнула, что не укрылось от Люци. Он повернулся боком ко мне и осторожно взял за запястье руку, которую я почти успела убрать.

– Иди сюда, – Люций потянул меня к себе.

В смешанных чувствах я последовала просьбе, скользнув по простыни вперед. Тут же оказалась лицом к лицу с ним, теперь явственно ощущая жар его тела.

– Ты не должна оплакивать мое прошлое, – Люций погладил большим пальцем внутреннюю поверхность запястья.

– Мне жалко тебя, – я сделала паузу. – Твою невесту, ребенка. Так не должно быть.

Пряча глаза, вновь наполняющиеся слезами, я уткнулась лбом в мужскую грудь.

– Ничего не вернуть. Те события я не могу изменить, но могу постараться не допустить их повторения сейчас, – он погладил меня по плечу, целуя в макушку. – Спи. Я рядом. Никакие монстры не посмеют тебя тронуть.

Эти слова подействовали на меня не хуже забористого снотворного, ослабляя напряжение и тревогу. Я прижалась еще ближе, Люций обнял меня без капли намека на нечто большее. Простые успокаивающие объятия, снимающие упадок сил, вызванный обилием слез и его историей.

Я закрыла глаза, отдаваясь в лапы усталости, ощутив на самой границе провала в сон, как Люций прижал меня к себе сильнее.

***

Пробуждение было легким, несмотря на то, что вчерашний вечер выдался тягостным для моих нервов. Вторая половина кровати пустовала. Из-за приоткрытой занавески в комнату проникали солнечные лучи, подсвечивая мелкие пылинки в воздухе, бросая желтоватые блики на стену. С кухни доносились приятные ароматы, дразнящие рецепторы и прогоняющие сон окончательно.

Счастливая улыбка расплылась на лице сама собой. Я обняла подушку, душа порыв нежности. Нос щекотнул аромат парфюма Люци, оставшийся на постельном белье – бергамот, древесные ноты и мускус. От чего-то стало очень уютно, словно я была дома, под защитой от всех возможных бед в мире.

Сладко потянувшись, я выбралась из постели, оделась и вышла на кухню. Люций стоял у плиты, босой, в одних спортивных штанах и готовил завтрак. Сейчас, при свете дня, я смогла увидеть, что масштабный рисунок на его теле заканчивается еще и на спине, уходя в тонкие линии перьев.

«А вот и хлеб со зрелищами».

– Доброе утро, – поздоровался он, наливая новую порцию теста для панкейков на сковороду.

Я молчала, ошарашено хлопая глазами. Отсутствие реакции заставило Люци обернуться и проверить, почему его игнорируют.

– Что?

– Ты... готовишь, – я бегала глазами от его удивленного лица к сковороде и обратно.

– Не помирать же с голоду. Ты спала, нужно было чем-то заняться.

– Где ты взял продукты? – я подошла ближе, сунув нос за плечо Люци.

– Сходил к тебе домой. Ты же не против?

Я помотала головой.

– Это очень необычно.

Я облокотилась на столешницу, следя за тем, как он перекладывает новую порцию блинчиков в тарелку.

– Необычно?

– Мне никогда не готовили.

– Знаешь, что меня больше всего пугает в тебе? – он перевернул панкейки на другую сторону. – Твоя реакция на хорошее отношение. Почему ты так удивляешься, когда с тобой обращаются по-человечески?

Люций очень пристально смотрел на меня, ожидая ответа. Стало волнительно и неловко.

– Турка! – я всплеснула руками, бросаясь в сторону выхода из кухни. – Чтобы сварить кофе нам нужна турка.

Нащупала ключи в кармане парки и пошла в свою квартиру. Наскоро приняла душ, умылась, выглянула в окно, проверяя погоду. На улице на удивление по-праздничному распогодилось. Чистое голубое небо, без единого намека на дождь. Надела черные джинсы, легкий свитер кремового цвета без горловины и кроссовки. Даже пару раз прошлась тушью по ресницам и завязала волосы в пучок. Уже выбегая назад, едва не забыла то, зачем вообще сюда приходила.

Кофе все так же лежал на столике в коридоре соседней квартиры. Я схватила пачку, пулей влетая на кухню.

– Думал, ты не вернешься, – он сидел, скрестив руки и гипнотизировал взглядом пустые тарелки на столе.

– Приводила себя в порядок. Ты лицо-то мое видел? – я ткнула пальцем на свои глаза, вспомнив о припухших веках. – Придется сказать, что помимо работы в баре занялась пчеловодством.

Люций тут же смягчился, едва сдерживая улыбку. Я открыла пачку, насыпала кофе в турку и залила его водой.

– Никого не смущает, что вчера произошло жестокое убийство, а сегодня весь город будет веселиться?

Он достал пустую банку из шкафа и пересыпал туда содержимое упаковки. На его лице на долю секунды мелькнуло осуждение.

– Неа. Всем проще сделать вид, что ничего не случилось, чем отменить или перенести такое событие, – я сделала паузу, зажигая конфорку. – Класть они хотели на убийцу среди них. Не вижу зла, не слышу зла, не говорю о зле.

– Сравниваешь жителей с обезьянами? – подколот меня Люций, пряча банку обратно.

– Только им не говори, – я облокотилась на столешницу, поглядывая за процессом приготовления напитка.

– Ни в коем случае. Иначе я рискую лишиться столь ценного кадра.

Я гордо выпрямила спину с победным выражением лица, внутренне ликуя от похвалы.

– А как еще назвать тех, кого больше интересует, кто тиснул их яблоки в саду, чем кто убивает девушек у них дома.

Его лицо вытянулось, он приподнял бровь, с доброй усмешкой посмотрев в мою сторону.

– Чего?

– Ты начинаешь открываться с другой стороны.

– С какой еще стороны? – я не понимала, о чем говорит Люций.

– Проскакивают словечки. Вот это, – он защелкал пальцами.

– Тиснул? – предположила я, что могло его смутить.

– Точно, – он помахал указательным пальцем.

– А. Это, – я пожала плечами. – Плохой район же. Никогда не слышал такое слово?

– В моих кругах так не выражались.

– В моих кругах так не выражались, – передразнила я, повторив его слова надменным тоном.

Люций сверкнул глазами, рывком притягивая меня к себе за талию. Я буквально врезалась в его оголенный торс, сразу же пожалев, что надела свитер так рано.

– Дразнишься? – шепнул он мне на ухо, оставил на шее едва ощутимый поцелуй, моментально бросая в жар своим действием.

– Не...много, – ответ вышел сбивчивым.

Я думала, он сейчас скажет еще что-то в качестве шутки на мою реакцию, но он крепче прижал меня к себе, поднял голову и впился в губы так жадно, что его щетина уколола кожу. Поцелуй отличался от первого, сразу набрав максимальный градус страсти, овладевая моим языком без шанса остаться равнодушной. Люций усадил меня на столешницу позади. Я обхватила его ногами, прижимая ближе, без стеснения начала гладить руками его грудь и пресс. Он забрался под мой свитер, прошелся пальцами по спине, запуская волну мурашек, переместил ладонь вперед, проведя большим пальцем под поясом джинсов. Я выгнулась навстречу, тихо простонав от приятного спазма внизу живота.

Зашипела пенная шапка на готовящемся напитке.

– Кофе! – оторвавшись от поцелуя, я едва успела убрать турку до того, как напиток собрался сбежать.

– Кофе, – разочарованно выдохнул Люций, отстраняясь.

Я спрыгнула на пол, взяла чашки и разлила напиток, чтобы мы наконец-то смогли позавтракать. Люций поставил тарелку с блинчиками на стол, достал из холодильника клубничное варенье и сел.

– Ты и варенье прихватил.

– А как же без него, – он положил пару ложек из банки себе и мне на тарелку, меняя выражение лица на серьезное. – Скрытность недурно усложняет нам дело, – Люций вернулся к беседе по существу. – Расскажи мне про этот праздник, – попросил он, начиная есть.

– Это скорее сельская ярмарка под предлогом праздника, – я сделала паузу, отпивая кофе. – Все семьи продают на городской площади товары собственного производства: овощи, фрукты, мясо, выпечку, – перечислила все, что всплыло в памяти первым. – В общем, кто во что горазд, – я макнула блинчик в варенье на тарелке и сделала щедрый укус. – Вечером все ходят друг к другу в гости, опять же с едой, общаются со старыми друзьями. Короче, едят и бездельничают, – подытожила я.

– Значит на площади будут все жители города. Ну или почти все, – Люций сосредоточенно слушал меня, разглядывая дымящийся напиток в кружке.

– Ба, – заключила я с полным ртом.

– Это отличный шанс понаблюдать за отношениями в семье, – подметил он, прожевав. –

Конечно, всех и каждого не получится узнать, но хотя бы увидеть в общих чертах.

– Ты столько всего знаешь о психологии этих людей, – я запила последнюю порцию завтрака кофе.

– Тебе так кажется. На деле у меня очень общие знания, почерпнутые из разных источников.

Люций отодвинул пустую чашку, сцепил пальцы в замок, немного наклоняясь вперед, вздохнул и продолжил:

– К сожалению, они не делают меня ни специалистом, ни профессиональным следователем, ни профайлером. Я могу опираться на них, но не принимать за истину в последней инстанции. Главными инструментами все равно будут наблюдательность и логика.

– Знания лишними не бывают.

– Согласен.

– Посуда? – спросила я, встала из-за стола и переместила тарелки и кружки в раковину.

– Обязательно, – Люций взял полотенце в руки. – Вижу прогресс в самодисциплине.

– Твоими стараниями, – закатав рукава, я взяла губку и включила воду.

После уборки посуды Люций пошел одеваться и вернулся из комнаты через пять минут. На нем были уже привычные черные брюки и туфли, только теперь вместо рубашки он надел водолазку, а взамен кожаной куртки – пальто, по-прежнему черные.

– Ты ведь в курсе о существовании других цветов? – я взяла с вешалки парку.

– Черный – хороший цвет, универсальный.

– Базара ноль, – брякнула я, застегивая молнию.

– Вот опять. Это я на тебя так влияю?

– Может быть, – я пожала плечами, открыла дверь и вышла в коридор.

Люций закрыл квартиру, мы спустились вниз и сели в машину. На самом деле можно было пройтись пешком, пользуясь хорошей погодой, но Люций заверил, что если нам понадобится куда-то поехать, мы только потеряем время.

На площади собрался действительно весь город. Вдоль нее тянулись стройные ряды разноцветных палаток, где жители разложили на прилавках свои товары. Торговые точки разбавляли шатры с развлечениями для отдыхающих, фастфудом и сладкими угощениями, возле которых толпились дети.

Погода стояла по-осеннему прохладная, но так удачно выглянувшее солнце сглаживало зябкость свежего ветерка, напоминающего не расслабляться.

Люций припарковал машину, выйдя из которой я тут же, по своей сложившейся за два года традиции, помчалась покупать сидр у одного из жителей города.

– Советую попробовать, – я покрутила в руке бутылку. – Дай зажигалку.

Он удивился, но вопросов задавать не стал, извлек из кармана то, что я просила, и протянул мне. Я зажала зажигалку в кулаке, перехватив бутылку второй рукой как можно ближе к крышке, просунула пластиковый угол под нее и резко надавила. Крышка с хлопком отскочила в сторону, из горлышка потянулся белый дымок.

– Держи, – я протянула Люци мою импровизированную открывашку.

– Где ты этому научилась? Хотя подожди, – он поднял ладонь, – я угадаю ответ. Плохой район?

– Точно, – подтвердила, делая глоток. – Чего ты так удивляешься? У меня был друг, так он глазом мог пиво открыть.

– Надеюсь, ты не будешь так делать?

– Не, я ж накружилась. Макияж еще испорчу.

Он сделался таким изумленным, похоже решив, что еще немного и я сяду на корты и начну стрелять у него сигареты. Меня так рассмешила его реакция.

– Да шучу, – успокоила я, переставая смеяться. – Я так не умею.

– Уилсон, – Люций улыбнулся и покачал головой. – Ты очаровательна.

Мне захотелось завизжать от такой милоты в мой адрес. Внутренняя девочка, недополучившая комплиментов за двадцать четыре года, во всю вопила:

«Какой мужик! Берем!»

Я похлопала накруженными ресницами, кокетливо уводя взгляд вдаль. Люций довольно приподнял уголки губ на мою реакцию, обвел взглядом площадь и остановился на одном из ее участков.

– Ты, кажется, говорила, что огурцы тут ни при чем.

Он указал глазами на огромный надувной огурец, который кто-то креативный решил поставить возле своей торговой точки.

– Ого, – я присвистнула. – Какой большой, – изумилась и отпила из бутылки.

– Обычно я слышу подобную фразу в не столь людных местах.

У меня чуть сидр носом не пошел, а пузырьки зашевелили слизистую. Я закрыла рот ладонью и сделала глоток, едва пропихнув жидкость в горло. Меня пробрал смех.

– Люций, – я ухахатывалась, бросая взгляд то на надувной огурец, то на Люци, махала ладонью перед лицом в попытке успокоиться. – У тебя хорошее настроение?

Сделав пару глубоких вдохов и выдохов, все же смогла прийти в себя и отпить еще из бутылки. Он мечтательно возвел глаза к небу, слегка прищуриваясь от яркого солнца.

– Пожалуй.

– Наверно все дело в погоде. Сегодня солнце вышло.

– Да, – он сделал паузу. – Солнце, – Люций сунул руки в карманы пальто. – Давай пройдемся по площади.

– На людей посмотрим, себя покажем?

– Именно.

Мы выдвинулись вперед, изображая таких же празднично шатающихся жителей, как и остальные. Не успели пройти и пары метров, как возле одной из палаток столкнулись с Питером и его матерью. Миссис Джефферсон, одетая в длинное, вырвиглазное желтое пальто из болоньевой ткани, почти до самых щиколоток, зеленые ботинки и красный берет, под который были убраны седые волосы, напоминала огромного цыпленка, решившего стать иконой стиля. Она сидела в инвалидном кресле, что толкал перед собой ее сын и держала в руках бумажный пакет с покупкой из ближайшей палатки. Питер был одет, как всегда, незамысловато. Темные джинсы, черные кроссовки, в которых он ходит все два года, что я здесь живу, и дулая куртка, темно-синего, почти что черного цвета.

– Привет! – поздоровалась я с коллегой. – Здравствуйте, миссис Джефферсон.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Как твои дела, Кейт? – старческим голосом спросила женщина. – Видимся с тобой раз в год, на праздник, – она удрученно покачала головой.

– Все хорошо. Как ваше здоровье?

Не то, чтобы мне очень хотелось с ними беседовать, но этого требовали обстоятельства.

– Недолго мне осталось, – уголки ее губ печально опустились вниз.

– Перестань, мам, – Питер положил ладонь на плечо матери, успокаивая ее.

Миссис Джефферсон накрыла руку сына своей, слегка похлопав в знак благодарности.

– Только Питти меня и спасает от дурных мыслей. Мой единственный сын жертвует своей жизнью ради меня, – в поблекших глазах встали слезы, которые она смахнула элегантно жестом, стараясь не показать слабости.

– Я, как твой ребенок, обязан тебе и ни за что не брошу, – Питер утешающе сжал пальцы на плече матери, сминая желтую шуршащую ткань.

Разворачивающаяся сцена была очень личной. Создавалось впечатление, что мы с Люцием невольно подсматриваем в замочную скважину.

– Детектив, – женщина выпрямилась, раскладывая руки на подлокотники и принимая деловитое выражение лица, – бедняжку Валери убили. Вы найдете того, кто это сделал? Он должен понести наказание за свои деяния.

– Конечно, миссис Джефферсон. Я за этим и приехал, – Люций поднял глаза на ее сына, пронзительно посмотрев в лицо парня. – Но я должен задать неприятный вопрос. Где вы были вчера ночью, Питер?

– Вы подозреваете моего мальчика?! – тут же вспыхнула гневом женщина.

– Моя обязанность опросить всех и каждого. Считайте этот вопрос рутинной проверкой, – абсолютно ровным тоном пояснил Люций.

– Я все понимаю, – вмешался мой коллега. – Я был дома, – он не выражал никаких эмоций, будто вопрос его совсем не задел.

– Я готова поклясться на библии, если понадобится, что мой Питти не покидал наш дом всю ночь, – лицо его матери стало воинственным. – Ночью боли самые сильные, он не отходит от меня ни на шаг.

– Хорошо, миссис Джефферсон. Ни в коем случае не обвиняю вашего сына, только лишь опрос жителей города.

– Ваш убийца неместный, – женщина вздернула подбородок, оскорбленная догадкой. – Никто из местных не способен на такое.

– Я буду иметь в виду эту мысль, – Люций едва заметно кивнул.

– Нам пора идти. Здесь прохладно. Мы будем пить чай, – уже более надменно произнесла мать Питера.

– Не смею вас задерживать.

Мы переглянулись напоследок, мать и сын двинулись дальше, пока Люций осматривал остальных стоящих поблизости.

– Что скажешь? – полюбопытствовала я.

– Люди как люди. Сама ведь сказала, что с ножом по городу он не бегает.

– Тоже верно.

– Это Филипп Дуглас с семьей? – он указал глазами на стоящих возле овощной палатки троих человек.

– Да.

– Идем знакомиться.

Завидев приближающихся нас, Филипп занервничал, отвел взгляд, поднимая повыше ворот и спрятал руки в карманы длинного темно-серого пальто нестандартного кроя. На удивление, он был одет в классические брюки и туфли, хотя обычно предпочитал более

удобную и неприметную одежду.

Его отец – высокий мужчина крепкого телосложения с проседью в волосах, тоже одетый в классическую одежду, почти что один в один такую же, как у сына, с той лишь разницей, что ее цвета были темнее, а на ногах у него красовались экстравагантные туфли под крокодилью кожу, со слегка загнутыми носами. Он только-только взял пакет с купленными овощами из рук фермера, как мы не замедлили явиться.

– Здравствуйте! – уже по отработанной схеме начала я диалог.

– Кейт! – мать Филиппа тепло улыбнулась. – А вы, должно быть, Детектив, – обратилась она уже к моему спутнику.

– Верно, – мужчины обменялись рукопожатиями, пока я оценивала очередной модный наряд миссис Дуглас, наверняка сшитый ее руками от и до.

Драповое пальто бежевого цвета было единственным нейтральным элементом одежды в ее образе. Под распахнутой верхней одеждой выделялось вязаное платье лазурного цвета до колен, с высокой горловиной. На ногах ботинки на низком каблуке, в тон платью. Завершали образ кожаные красные перчатки и платок на голове того же цвета. Женщина словно сошла со страницы модного журнала.

– Кейт, детка, – миссис Дуглас снова переключилась на меня. – Когда ты дойдешь до меня, наконец? Я сошью тебе такое сексуальное платье, что все мужчины в городе будут твои. Не все же тебе джинсы да кроссовки носить, – она оценивающе посмотрела на Люци. – А ваш стиль, детектив, мне нравится. Вам можем сшить потрясный костюм. Вы в нем будете неотразимы. У меня одеваются все модники города, – она сделала паузу. – Сразите Кейт наповал.

«В этом городе все чертовы сводники?»

Я отпила сидра, смачивая горло, пересохшее от волнения. Люций рассмеялся приятным бархатистым смехом.

– Спасибо за предложение.

Мы отошли в сторону, давая остальным покупателям подойти к товарам.

– У вас очень красивая обувь, – заметила я, неотрывно рассматривая ботинки миссис Дуглас.

– Мой любимый муж не только ремонтирует обувь, но и охотно изготавливает новую, – она кокетливо выставила ногу вперед, покрутив ступней.

– Все для любимой жены, – он улыбнулся, обрадованный таким комплиментом.

Их сын нервно болтал упертой в асфальт ногой, избегая встречаться взглядом с Люцием.

– Филипп! – повысила голос женщина. – Испортишь обувь, оболтус! – она замахнулась, чтобы отвесить ему оплеуху.

– Ну, ма, – увернулся парень.

– Вот же бездельник, – посетовала миссис Дуглас. – Хоть бы работу уже нашел.

– Да найду я работу! Что ты опять начинаешь? – он запахнул полы пальто.

– Вот скажу детективу, он тебя арестует за наркотики. И того, кто тебе их продает, тоже. Да, Люций? – подмигнула женщина, обратившись к нему.

– К сожалению, это не в моих полномочиях, – с улыбкой ответил он. – Скорее компетенция шерифа.

– Очень жаль, – она поправила перчатки. – Обдолбается и сидит сам не свой потом, оболтус, – метнула напоследок гневный взгляд в сына.

Мистер Дуглас молчал, не вмешиваясь в беседу.

– Мне нужно задать вам неприятный вопрос, – Люций обвел взглядом семью. – Не сочтите за грубость, но такова моя работа.

– Дайте угадаю, – миссис Дуглас выставила руку вперед, останавливая вопрос. – Вас интересует, где были мои мальчики в ночь гибели этой Валери?

– Верно.

– Они были дома. Я могу засвидетельствовать, – с вызовом смотрела она на посмеявшегося заподозрить их в грехах.

– Хорошо, как скажете, – не стал препираться Люций.

– Нам пора, – переменилась в настроении женщина. – Идемте, мальчики. Всего доброго, – кивнула она нам.

Семейство удалилось, оставляя нас наедине с мыслями.

– Любопытно все складывается, – Люций повел челюстью в раздумьях.

– О чем ты?

Я допила свой сидр, внезапно закончившийся за время наших бесед, и выкинула бутылку.

– Я все ломал голову, что за тайны у повара и Филиппа. Похоже, наш Питер продает наркотики своему другу.

– Как ты это понял?

– В тот день, когда мы стояли в помещении для персонала, я видел, как они шептались о чем-то, – он двинулся дальше вдоль площади. – Все думал, к чему эта секретность, зачем приходиться в такую рань к другу. Наверняка за дозой.

– Так Питер – барыга! – я выпучила глаза, закричав, пожалуй, слишком громко.

– Тише, – он дотронулся до моей спины, успокаивая. – Питеру наверняка нужны деньги. Его мать серьезно больна, сама видела. Лекарства не дешевы, как и уход.

– Значит, – начала я, понизив голос. – Они не убийцы?

– Я так не сказал. Но, – Люций помолчал, – будучи наркоманом, грамотно убийство не спланировать. А с больной матерью, скорее всего, не найти времени на подобные дела. Хотя со счетов я не списываю никого, даже наоборот, добавляю.

– О чем ты? – я жадно впитывала каждое слово из рассуждения.

– Отец Филиппа – мастер по ремонту и изготовлению обуви. Нужно в самом деле любить обувь, чтобы этим заниматься. А это, как ты догадываешься, тоже своего рода фетишизм.

– Но они все утверждают, что были в день убийства Валери дома.

Он усмехнулся.

– Ты рассчитываешь на другой ответ? Никто не сдаст члена семьи. В этом городе все покрывают всех, – добил Люци.

– Паршиво, – я потеряла замерзший нос рукавом и спрятала руки в карманы, пожалев, что при своей мерзлявости не надела хотя бы перчатки. – Кстати! – свежий воздух благоприятствовал мыслительной деятельности. – Он ведь где-то берет обувь для жертвы?

– На них самые простые туфли. Одни из дешевых. Со срезанным логотипом фирмы, на всякий случай. Такие можно купить в первом попавшемся обувном или заказать в интернете, – Люций скрестил руки на груди, рассматривая небо. – Эту зацепку я проверил еще в Чикаго.

– Вот ведь хитрый хрен.

– Он самый.

Люций заскользил пронзительным взглядом по людям вокруг, останавливаясь на палатке Эрла и Сэма, торговавших мясом и овощами. Возле них стояла весьма приметная парочка мужчины и женщины.

– Идем, – он указал на следующих потенциальных подозреваемых.

Возле прилавка фермера и его сына стоял мужчина сорока пяти лет, с седыми коротко стриженными волосами, от того очень аккуратно лежащими, в темно-синих джинсах, модных кроссовках, скорее подходящих для кого-то помоложе, и куртке с цветными нашивками, что создавало впечатление молодого, следящего за трендами парня лет тридцати, но никак не взрослого мужчины, особенно учитывая, кем он был.

– Здравствуйте! – привлекла я внимание.

– А, Кейт, – он кинул на меня свой холодный, пренебрежительный взгляд, тут же переведя его на моего спутника. – Детектив, полагаю?

«Надменный индюк».

– Верно, – кивнул Люций, протягивая руку.

Собеседник неохотно пожал ее.

– Гарри Форд. Местный врач, по основной специализации хирург, – представился он, перечислив все свои регалии. – Моя жена – Августина, – только и успел сказать врач, но женщина уверенно шагнула вперед, покачивая бедрами.

– Очень приятно, детектив, – низким, раскатистым, почти что возбужденным голосом произнесла она, осматривая Люци с ног до головы.

Сказать, что она была эффектна – значит обделить такую особу вниманием. Мини-юбка из кожи, блестящая на солнце, куртка из более матовой кожи, едва прикрывающая ее поясницу, длинные, прямые, смоляные волосы до талии, которые она игривым жестом откинула за плечи. Но самыми выделяющимися в ее образе были красные ботфорты из лаковой кожи, облегающие стройные ноги, доходя почти до самого края юбки, но оставляющие небольшое расстояние, в котором виднелись черные колготки в крупную сетку. Вишенкой образа служила красная помада на пухлых, стараниями косметолога, губах.

– Вы, детектив, хотите составить круг подозреваемых? – спросила девушка, проведя ладонью по линии бедер.

– Верно, – Люций насмешливо посмотрел на ее действия.

– Могу совершенно точно сказать, что мой муж ни при чем. Он все ночи убийств был со мной, – Августина сверкнула глазами.

– Охотно верю, – почему-то не стал спорить мой спутник.

– Кейт, вы каким боком к расследованию? – лицо хирурга выражало полнейшее презрение.

– Она моя помощница, – вступился Люций.

– Помощница? – он переспросил это так скривившись, что захотелось дать ему по морде.

– А что, собственно, не так? – возмущенно встряла я.

– Ничего, – врач покачнулся с пятки на носок и возвел глаза к небу.

– Еще увидимся, детектив, – практически простонала его жена, взяла благоверного под локоток и увела прочь.

– Как тебе? Обратил внимание на обувь? – засыпала я вопросами Люци, стоило отойти странной парочке.

– Ага, – равнодушно отозвался он. – Что думаешь?

– Она такая...

– Какая?

– Ей только плетки не хватает. Хдыщ! – я изобразила удар хлыстом. – Целуй мои ноги, раб.

Люций рассмеялся на мою сценку, в его глазах блеснул азарт.

– Госпожа, одним словом? – помог он с определением.

– Точно. Нравятся такие?

Порыв холодного воздуха взвил вверх с асфальта опавшие листья, сорвал с ближайших к палаткам деревьев новые. Пара листиков пролетели мимо меня, опадая на мою одежду.

– Нет, – он сделал шаг ко мне, наклоняясь ближе, и достал лист, упавший в капюшон парки. – С плеткой предпочел бы стоять я, – произнес он низким вибрирующим голосом.

Воображение услужливо совместило его утренний вид с его словами.

«О, да, черт возьми! О, ДА!»

Мне захотелось подыграть, сказав какую-нибудь глупость, вроде: «Накажи меня, я была такой непослушной», но я почему-то промолчала, понимая, что не дышу и не моргаю, и у меня кружится голова от нехватки воздуха. Или дело не в этом?

Люций выпрямился, выкинув лист на землю, неотрывно следя за моей реакцией на его фразу. Он определенно, нет, совершенно точно понял, какой именно она возымела результат.

– Детектив! – крикнул из палатки Сэм, завладевая его вниманием

Нехотя оторвавшись от игры в гляделки, мы подошли ближе к фермеру и его сыну. Сэм стоял за прилавком со своими товарами, одетый в потрепанный жизнью рабочий комбинезон грязно-синего цвета, с неотстирываемыми пятнам то тут, то там и линялый свитер бурого цвета. Поверх всего этого он надел черный мясницкий фартук из непромокаемой плотной пленки. Несмотря на, казалось бы, небрежный вид, на руках у него были перчатки.

– Решили посетить наш праздник? – мясник любовно поправлял ряды разнообразных по форме и размеру кусков мяса, лежащих на прилавке.

– Разве мог я пропустить такое событие?

– Тоже верно, – басисто гоготнул он, показывая желтоватые зубы. – Мясо едите? Или вы этот, как его... – он вперился глазами в мясную вырезку перед собой.

– Веган, – подсказала я.

– Точно, – Сэм опять улыбался.

– Ем.

Люци сосредоточенно смотрел на мясника, соизволившего самому вступить с ним в диалог.

– Правильно, – он достал из-под прилавка крафтовую бумагу. – Разве может мужик не есть мяса? – он щедро шлепнул на нее два приличных стейка и стал заворачивать, перевязав в конце тесемкой. – Тем более вам еще ловить этого, – заключил он, протягивая упаковку с мясом. – От меня лично.

– Благодарю, – Люций принял подарок из его рук. – Но все равно вынужден задать неприятный вопрос.

– Понаприезжают тут всякие, – ворвался с брюзжанием Эрл. – А ты еще их кормишь.

Фермер отошел от своего прилавка с овощами по соседству, недовольно сдвигая седые брови, от чего морщины на его лбу стали отчетливее. Он был одет практически так же, как его сын, в рабочий комбинезон и свитер, но его одежда была немного чище и светлее. Комбинезон светло-голубого оттенка и кукурузно-желтый свитер. Образ довершали

всклокоченные редкие, седые волосы.

– Отец, – его сын сразу сделался суровым, осуждающе посмотрев на отца.

– Жалко, мать не дожила. Она бы тебя как сидорову козу... – махнул рукой Эрл.

– Какой вопрос, Люций? – проигнорировал, недовольно покривившись, мясник.

– Где вы были вчера ночью?

– Видишь? – практически взвизгнул его отец. – Понаприезжают всякие, – он деловито подбоченился, удаляясь обратно за свой прилавок.

– Дома.

– Кто может подтвердить?

– Отец, – не глядя, кивнул в сторону Эрла он, – И Джонни.

– Джонни? – Люций заинтересованно наклонился ближе.

– Джонни, – повторил Сэм, похлопав свиную голову на прилавке меж острых ушей.

Люций крикнул, разглядывая упомянутого Джонни.

– Ясно. Спасибо за стейки, – он махнул бумажной упаковкой в руке.

– Приходите еще, детектив.

Отойдя на пару метров, Люций остановился, рассматривая врученный ему знак внимания.

– Поговорим с кем-нибудь еще? – предложила я.

– Билли Беккер, – после раздумий назвал он имя.

– Он не ходит на праздники.

– Нет? – Люций удивился.

– По крайней мере, я за два года его не видела ни на одном массовом торжестве в городе.

– Плохо, – он огляделся по сторонам. – Поговорить со всеми и каждым не получится. Да и я больше, чем уверен, они все будут говорить, что были дома, и покрывать своих родственников.

– Ты ожидал услышать что-то другое? Рассчитывал, что начнут закладывать друг другу только в путь?

Люций задумчиво уставился в даль.

– Шериф был прав. Местные ни за что не станут делиться своими секретами, – он разочарованно повел челюстью. – Будет сложнее, чем я думал.

– Рассчитывал, что все получится без напряжения?

– Рассчитывал на то, что им есть дело до безопасности в городе.

Я накинула капюшон на голову, понимая, что мои уши скоро отвалятся, и скрестила руки.

– Пошли домой. Ты скоро льдом покроешься.

Я согласно закивала, радуясь такому предложению. Прodelав весь путь назад вдоль торговых рядов, наша парочка вышла к импровизированной парковке, организованной на площади. Мы почти дошли до нашего транспорта, когда Люци заметил шерифа, машущего ему рукой. Тот ожидал нас на обочине прилегающей дороги, стоя возле патрульной машины.

– Шериф, – мужчины пожали друг другу руки, стоило нам подойти ближе.

– Материалы по Эванс. Результаты аутопсии, осмотр места – в общем все, – он передал Люци бежевую папку. – Только там ничего нового. Он не оставил никаких следов.

– Спасибо.

– Кстати. Есть кое-что интересное, но абсолютно бесполезное.

Люций насторожился, и я вместе с ним. Шериф огляделся по сторонам, облокотился на дверцу машины и, наклонившись ближе, зашептал.

– Мать Валери, похоже, видела убийцу. Да только толку от этого никакого, у нее с головой какие-то проблемы, – он покрутил пальцем у виска.

– Ее допросили? – Люций пристально смотрел на шерифа глазами, полными надежды.

– Говорю же, проблемы с головой, – со стороны жилых домов к нам приближалась машина. – Кстати, это ее родственники. Приехали забрать болезную. Ухаживать-то за ней некому.

– Твою мать, – выругался Люций, сунул мне завернутое в бумагу мясо, и в несколько широких шагов оказался посреди проезжей части.

Машина остановилась прямо перед ним. Водитель замахал руками в гневе, но Люций его проигнорировал.

– Что вы делаете? – с пассажирского сиденья выскочила женщина, опасливо посмотревшая на нашу троицу.

Люций, не обращая ни на кого малейшего внимания, подошел к задней двери и распахнул ее. На пассажирском сиденье сидела миссис Эванс. Испуганная женщина с бегущим взглядом поджала губы, увидев неизвестного ей человека, стискивая сухими руками край кофты.

– Миссис Эванс, – Люци присел возле задней части машины, – кого вы видели?

– Так, хватит! – возмутилась родственница. – Ей и так плохо, а вы ее будете донимать.

– Послушайте! – он выпрямился, недовольно сведя густые брови. – Вы уедете, а этот урод продолжит кромсать девочек. Дайте мне пять минут.

Его собеседница задохнулась от такой прямоты, всплеснула руками и отвернулась в сторону ярмарки.

– Миссис Эванс, – вернулся к своему вопросу он. – Постарайтесь вспомнить.

– Он такой хороший мальчик, – женщина пожевала губы.

– Кто? Кто это был? Скажите имя.

– Он – хороший мальчик, – словно убеждая, повторила она, кивая головой.

– Миссис Эванс, кто?

– Лимонный пирог! – вскрикнула мать Валери, перепугав всех.

– Что?

– Лимонный пирог. Мы должны отведать сегодня лимонный пирог.

Люций тихо выругался себе под нос.

– Пожалуйста, назовите имя.

– Лимонный, – она сделала вдох, – пиро-о-ог.

– Видите! – вернулась к возмущению женщина с переднего сиденья. – Отстаньте от нее. Мы едем домой, тетушка, – заботливо проговорила она, отталкивая мужчину.

– Лимонный пирог, лимонный пирог, – вторила как заведенная мать Валери.

– Что вы наделали? Где я теперь ей его возьму? – женщина едва не сожрала Люци взглядом.

– Вон там есть выпечка, – я махнула рукой в сторону видневшейся палатки с синей крышей.

– Уходите, – бросила она, бегом идя в указанную сторону.

Мы отошли, наблюдая, как мать Валери раскачивается взад-вперед, повторяя про лимонный пирог. Женщина вернулась буквально через пару минут, сунув миссис Эванс

бумажный пакет, прыгнула на свое место, поторапливая водителя. Автомобиль рванул прочь, оставляя нас вдыхать холодный воздух вперемешку с выхлопными газами.

– Говорю ж, с головой беда, – равнодушно повторил шериф, поправляя шляпу.

– Вы опросили соседей? Жителей в целом? – вернулся к насущной проблеме Люций.

– Да кого опрашивать-то? С одной стороны глухие пенсионеры, с другой безумная кошатница, которая говорит, что он убил всех ее кошек, – он развел руками.

– Кто? – не понял Люций.

– Маньяк, кто. Говорит, он убил ее кошек.

– Блять, – не выдержал Люций. – Вы вообще хоть кого-то пытались опросить?

– А какой смысл? – служитель закона побарабанил пальцами по крыше. – Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Говорю вам, – он сел в машину захлопнув дверь, – неместный он, – закончил шериф в открытое окно и тронулся с места.

Люций похлопал свернутой в трубку папкой по ладони, недовольно глядя вслед уехавшим.

– Хочу взять выпечки к чаю. Сейчас, – я развернулась, направляясь к торговым рядам.

– Мне с клубникой, – настигло меня наставление Люци.

Я растянула губы в радостной улыбке.

«Любитель клубнички, блин».

***

Вернувшись домой, Люций поставил чайник, пока я раскладывала десерты на тарелку. Мы сели на диван, он заварил чай, расставив кружки с ароматным напитком на столике рядом. Тонкий запах бергамота смешивался с аппетитным запахом свежей выпечки.

– Клубничный пирог, – я ткнула пальцем в тарелку. – И лимонный. Мать Валери меня прям раздражила. Не могла не взять, – куснув тот самый лимонный пирог, закончила я.

– Как легко тебя завести одними лишь словами, – он одарил меня восторженным взглядом и отпил из чашки.

Я чуть не подавилась. Крошки посыпались на свитер и джинсы.

– Черт, – забубнила с полным ртом, начав собирать разлетевшуюся выпечку со своей одежды. – Надо переодеться, а то рискую остаться без свитера.

Я положила пирог обратно на тарелку, собираясь пойти к выходу, но меня остановило неожиданное предложение:

– Возьми мою футболку.

– Что? – я застыла, медленно развернувшись к нему лицом.

Он отряхнул руки, вставая с дивана, и скрылся в спальне, вернувшись оттуда уже с одной из своих черных футболок.

– Я живу в соседней квартире. Дел на пять минут.

– А если никуда не уходить, то на две, – он протянул мне предмет одежды. – Давай, – кивнул он в сторону ванной.

«Вот и как тут отказаться?»

Я приняла футболку из его рук, смущенно отводя взгляд в сторону. Это было так мило. Он не хотел отпускать меня даже на пять минут от себя.

Одежда Люци сидела на мне практически как платье длины мини. Я потрусилась свитер

от крошек, разгладила черную хлопковую ткань на своем теле руками. Дразнящий аромат его парфюма тонко и ненавязчиво окутывал меня, напоминая о своем хозяине, чью одежду я надела.

Вернувшись в комнату, кинула свой свитер на спинку дивана, и приземлилась на место.

– Тебе идет, – откомментировал Люций, игриво поведя бровью.

Я тут же зарделась, ощущая прилив жара во все возможные места на теле. Пришлось сделать вид, что чай в чашке очень интересный. В воздухе витало возбужденное напряжение, сдобренное ароматом клубничного пирога.

– Не хочешь поужинать? – нарушил он тишину.

– Поужинать? – я удивилась. – Мы и так едим.

– Нет, Кейт, – он поставил чашку на столик. – Поужинать.

Чай застрял в горле. Рука, держащая чашку, слегка дрогнула.

– О... в смысле... поужинать, в смысле свидание?!

– В смысле да, – насмешливо подтвердил Люций.

Я поставила чашку на столик, протерев о колени вспотевшие ладони.

«Вот так номер».

– Или ты не хочешь?

– Хочу-хочу, – засуетившись, повернулась к Люци, часто моргая от волнения.

– Чудесно. Съездим в Ист-Лэйк.

– Почему туда?

– Здесь нет ресторанов, Уилсон. Не в бар же нам идти, – Люций повернулся полубоком, не без удовольствия разглядывая мое замешательство. – Ты ведь завтра днем работаешь?

– Да.

– Значит вечером свободна. Вот и договорились, – решил он за меня.

– Договорились, – едва слышно повторила я, понимая, что уже начала страшно волноваться.

Вот уж чего-чего, а свидания я точно не ожидала. Тем более от Люци.

Стараясь унять нервную дрожь в теле, я заелозила по дивану, схватилась за резинку на голове, державшую порядком растрепавшийся пучок, дернула ее, освобождая волосы, и кинула на столик возле дивана, начав взбивать руками пряди, чтобы занять себя хоть чем-то.

Боковым зрением я заметила, как Люций наклонился немного ближе, шумно вздохнув. Повернулась к нему, так и застыв с пальцами в волосах. Наши взгляды встретились. Его глаза снова гипнотизировали меня, не давая даже малюсенького шанса вырваться из их плена.

В следующий момент он снова взял всю инициативу на себя. Вновь напористо, без излишней осторожности. Только неудержимая страсть и необузданный нрав, который проявлялся каждый раз, стоило ему дотронуться до меня.

Люций захватил мои губы в плен, горячо, неистово целуя, так, будто он ждал этого очень-очень долго, с силой притягивая к себе за талию. Я обняла его плечи, тихо пискнув. Он мягко усмехнулся мне в губы, укладывая на диван, накрывая своим горячим, сильным телом. Я закинула ногу ему на бедро, прижимаясь как можно ближе.

Чертова водолазка не давала ощутить его пылающую кожу. Я потянула ее за края наверх. Люций все понял: слегка отстранившись, завел руку назад, уцепился за ткань на своей спине и потянул ее наверх, кинув одежду на спинку дивана. Теперь он остался в одних брюках, волнуя своим видом все внутри меня.

Участившееся дыхание выдало мое неравнодушие. Я произвольно начала кусать губы,

сдавлив пальцами обивку дивана под собой. Люций приблизился, возвращая руку мне на талию, но уже под свою же футболку. От одного только вида его напряженных рук на моем теле я была готова впасть в экстаз, даже не дойдя до самого главного.

Он запустил пальцы в волосы на моем затылке, оттягивая их назад и с упоением, отрывисто целуя шею, дошел до начала ворота футболки, завершив страстные поцелуи легким покусыванием. Я выгнулась навстречу его действиям, довольно простонав.

– Уилсон, – практически прорычал он, удовлетворенный моей реакцией. – Какая ты...

Люци не закончил, задрал футболку на мне, стал быстро-быстро целовать мой живот, поднимаясь все выше к груди.

«Какая я? Он ведь совсем не знает, какая».

Нехорошие, черные мысли сбили весь настрой, как кегли в боулинге.

– Люци, подожди, я... – мягко уперевшись в широкие плечи, надавила руками, отстраняя его от себя.

– Что такое? – он поднял обеспокоенный взгляд на меня.

– Я... я... – никак не могла подобрать слова.

– Подожди, ты что... ты...

Разговор сквозил недосказанностями, но, на удивление, мы друг друга поняли.

– Нет, боже, нет, – я хихикнула. – Я не девственница, если ты так подумал.

– Просто ты так смутилась, – он нежно погладил мою спину.

– Все в порядке, – я приподнялась, принимая полусидячее положение. Он не отпускал меня, взволнованно следя за реакцией.

– Если ты не хочешь... – начал Люций.

– Хочу! Хочу, правда! – от переживания голос сел, я замахала руками, едва не захав себе по носу. – Черт, надо же было все испортить, – посетовав на собственную глупость, закрыла лицо ладонями.

Разочарованно опустив плечи, я убрала руки и опустила глаза, рассматривая еду на столе.

– Эй, – Люций взял меня за подбородок, поворачивая к себе. – Что тебя беспокоит?

– Ты рассказал мне о себе, – я с трудом сглотнула тяжелый ком, застрявший в горле. – Но ты понятия не имеешь о том, кто я. Мне стоит рассказать о себе. Возможно ты передумаешь сблизаться и вот это вот все.

Мне стало страшно от догадки, какой может быть реакция, и одновременно неловко, что обломала столь страстный момент. Я попыталась отстраниться, но Люций не позволил, выпрямляясь и усаживая меня к себе ближе. Руки, обнимающие меня, сильнее зафиксировались на моем теле.

– То, что ты услышишь, может тебе совсем не понравиться.

Глава 6. Мои демоны, ее прошлое

– Ты меня пугаешь, – тон Люци стал настороженным.

– Моя история не вызовет жалости, как твоя. Я пойму, если ты вообще больше не захочешь меня видеть.

Он не размыкал объятия, даже несмотря на мои слова. Я подтянула ноги к груди, утыкаясь взглядом в столик у дивана.

– Кейт, – он прижал меня к себе так, что я покачнулась от не совсем устойчивой позы и прильнула к нему боком. – Ты можешь быть собой и рассказать мне все.

– Первыми были вот эти, – я подняла руку, показывая три ожога.

Затем отодвинулась назад, вставая на коленках и проминая мягкую обивку своим весом, слегка задрала футболку, оголяя живот, и дотронулась пальцами до круглого шрама с неровными краями, практически на самом боку.

– И этот. Мне было четырнадцать.

***

– Тощая дылда! – с ненавистью кричит мне в лицо Стефани, с силой толкая двумя руками в грудь.

Стефани – моя одноклассница из престижной школы. Она из богатой семьи, единственный ребенок, которого очень любят родители. Пухлая девушка небольшого роста, на три головы ниже меня, смотрит с презрением и отвращением. Школьная форма выглядит на ней нелепо, особенно белая блузка, слишком плотно обтягивающая ее живот.

Я роняю пиджак, который держу в руке, рюкзак соскальзывает с плеча, шмякаясь вниз. Падаю на шершавый асфальт площадки на заднем дворе школы, сразу же стесав себе локти, колени и ладони до кровоточащих ссадин. Снова будет долго заживать, оставляя некрасивые корки на светлой коже, а содранная кожа ладоней будет мерзко ныть при каждом прикосновении.

Мама опять скажет, что я неаккуратна.

Пытаюсь подняться на ноги, упираясь ранеными руками в теплый, нагретый весенним солнцем асфальт, но Стефани подходит ближе и пинает меня по бедру носком своей дорогой туфли, под одобрительный смех ее подруг. Она достает из кармана дорогой сумочки пачку сигарет и зажигалку, прикуривает, с победным видом, рассматривая меня, словно я ничего из себя не представляю. Бедро ноет от удара в унисон с содранной кожей.

Мама опять скажет, что я не женственна с синяками.

– Что, нищевродка? – девушка затягивается сигаретой, зажатой в ее пальцах. – Не нравится твое место у моих ног?

– Бьешь лежачего, – огрызаюсь, переворачиваясь к ней лицом, садясь прямо на асфальт. – Это в твоей гнилой натуре.

Хотя бы словесный отпор дать этой безумной толпе я в состоянии.

– Ах ты тощая овца! – вспыхивает гневом моя одноклассница.

Она недовольно топает ногой, в ее глазах плескается безумие. Стефани делает шаг вперед и наклоняется, нависая надо мной, хватая за основание косы, болезненно оттягивая

назад мою голову.

– Может разукрасить твою мерзкую рожу? – девушка начинает подносить дымящуюся сигарету к моему лицу.

Успеваю отпрянуть назад, из-за чего коса в ее руке натягивается до боли у корней волос, и закрыться рукой. Тлеющий табак касается кожи руки, Стефани не спешит убирать сигарету. Я стискиваю зубы, дергаюсь, освобождаясь от ее пытки, сумев отползти, и встаю. Третий, уже третий ожог на моей руке стараниями одноклассницы.

Мама опять скажет, что шрамы не украшают девушку.

– А ну оставьте ее! – доносится крик из-за спин озверевших девиц.

На углу здания школы, в самом начале площадки стоит мой друг Рикки. Мы с ним живем в одном районе и оба попали в эту школу. Я прошла по конкурсу, набрав немногим больше баллов, чем остальные, а Рикки дали место по социальной программе, его отец инвалид, в их семье работает только мать.

– Еще один, – морщится Стефани. – Сборище оборванцев.

Она швыряет окурок на асфальт, пока Рикки почти бегом приближается к нам и заслоняет меня собой. Это выглядит нелепо, но он делает, что может, в этой школе у нас больше нет никого. Долговязый парень, с длинными, почти до подбородка растрепанными русыми волосами, которые требуют стрижки или хотя бы душа, едва ли сможет потягаться с этой толпой девчонок, но он всегда пытается меня защитить.

– Пойдемте, девочки, – надменно командует Стефани. – Не хочется мараться об этих бродяг.

Они смеются, пока я поднимаю вещи с асфальта, отряхиваясь, смотрят с брезгливым выражением на лицах на меня и с обожанием на их предводительницу. Стая шакалов.

– Ты как? – спрашивает мой друг.

– Порядок, – поправляю запачканную белую блузку и клетчатую юбку.

Мама опять будет ругаться, что я порчу вещи, на которые они едва собирают деньги с отцом.

– Покажи, – Рикки берет мою руку, рассматривая уже третий ожог. – Сука, – шипит он, глядя на огромный, болезненный волдырь.

– Заживет, – я мягко освобождаюсь из его пальцев. – Пошли, скоро начнутся занятия.

– Почему ты не дашь отпор?

Парень поправляет рюкзак на плече, слегка подкинув его, мы идем в сторону входа. Погода стоит потрясающая, светит солнце, лаская лицо своим теплом, в кронах деревьев щебечут птицы, пахнет цветами, растущими на школьной клумбе, и сырой землей – школьный садовник поливает их каждое утро.

– Предлагаешь драться с ними? – криво улыбаюсь на предложение друга.

– Да! – вскрикивает он.

Мы заходим в школу, лавируя между подростками, спешащими на занятия, наполняющими гулом разговоров и смехом коридоры учебного заведения.

– Их много, я одна. Они меня забьют и не заметят, проще потерпеть.

– Нельзя терпеть! – Рикки буквально кипит от злости.

– Да ну? – подкалываю я, замечая троицу парней впереди, возле шкафов.

Он следит за моим взглядом, моментально меняясь в лице. Рикки ежится, нервно дергая щекой, и вжимает голову в плечи.

– Прости, – добавляю я, понимая, что переборщила, но замечание все равно

справедливое. – Ты в таком же положении.

– Давай подождем здесь, – предлагает мой друг.

– Лучше пойти в класс как можно быстрее, – качаю головой и тяну парня за рукав рубашки.

Троица уже увидела нас и приближается. Настал черед Рикки.

– Эй, – свистит нам их вожак. – Как дела в вонючем гетто?

Джастин – высокий, спортивный парень, капитан школьной команды по регби. Широкоплечий, со светлыми, слегка вьющимися волосами и небесно-голубыми глазами.

Ангельская внешность и гнилое нутро. Как обманчиво первое впечатление.

Дойти до кабинета не удастся, нас обступают со всех сторон, вожак оттесняет меня подальше, напирая своей широкой грудью, я пчусь назад, стремясь отдалиться от спортсмена.

– Как дела, Уилсон? – он оглядывает меня с ног до головы.

– Отстаньте от него, – пытаюсь заглянуть через плечо парня, но тщетно.

Слышна возня и злобные смешки.

– Все никак не пойму, нахрена он тебе сдался?

– Вы трúсы, обижаете одного толпой.

– Пусть будет мужиком и даст отпор, – скалится Джастин.

Звенит звонок, коридоры пустеют, оставляя нас наедине с агрессивной троицей.

Я продолжаю отступать назад, пока рюкзак не ударяется о стену, спина касается ее холодной поверхности, меня прижали. Поднимаю руку, поправляя лямку на плече, глаза парня останавливаются на ожогах.

– Опять Стефани развлекалась? – он недовольно надувает губы, упираясь руками в стену по обе стороны от меня. – Жаль, что ты из нищих, на лицо ты вроде ничего, я мог бы даже обратить на тебя внимание.

Как назло моя обидчица и ее прихлебатели вырастают словно из-под земли позади Джастина. На лице девушки удивление, резко меняющееся на злобу и отвращение. Парень, не убирая рук, поворачивается в их сторону, рассматривая реакцию предводительницы. Та кривится при виде разворачивающейся сцены и командует своим подругам идти за ней в класс.

– Джастин, отвали, – ударяю его по руке, пытаюсь освободиться.

– Как скажешь, Уил-сон, – пренебрежительно цедит он, растягивая мою фамилию по слогам.

Парень отстраняется, оглядываясь в сторону своих друзей, те уже раскидали содержимое рюкзака Рикки и мерзко смеются, пока он пытается собрать свои вещи с пола.

Из ближайшего кабинета высовывается одна из учительниц, обидчики испуганно замирают, не зная, что делать. Она смотрит на происходящее, морщит нос, поправляя очки переносице.

– Марш на уроки! – командует преподаватель.

Я надеюсь, что сейчас она прекратит издевательства, но женщина прячется в кабинете, захлопнув за собой дверь.

– Отпустите его! – кричу двум парням, которые тащат Рикки за шкуру в туалет.

– Пять минут, Уилсон. И твой тощий дружок будет свободен.

Джастин с гаденькой улыбкой идет следом за друзьями. Полнейшее бессилие, я знаю, что сейчас будет и совсем ничего не могу сделать. Остается молча сверлить взглядом пол,

ожидая конца экзекуции.

Слышны грохот и крики, парни вываливаются в коридор, оставляя свою жертву.

– Забирай своего нищего дружка, Уилсон, – орет Джастин, победно вскинув руки.

Слабак.

Парни тянут злобные улыбки, пока я наконец-то могу выдохнуть, бегом направляясь в туалет.

Рикки сидит на полу, мокрый по плечи и часто дышит.

– Ты как? – хочу дотронуться до его плеча, но он злобно одергивает руку и встает.

– Пошли на урок.

Я помогаю парню собрать вещи с пола в коридоре, не говоря больше ни слова.

На занятие мы опоздали, учитель строит недовольную гримасу, но пускает нас в класс. Задняя парта, где мы сидим, всегда свободна, ее никто не занимает.

Урок тянется вечность, учитель вещает о глубине и смысле произведения, которое мы сегодня разбираем, я совсем его не слушаю, рассматривая пейзаж за окном. Рикки что-то рисует в тетрадке на последних страницах.

– Уроды, – шипит он закончив, чем привлекает мое внимание.

Рассматриваю картинки, которые так старательно выводил ручкой парень. На них, судя по всему, его обидчики, троица лежит на полу в луже крови, в то время как сам Рикки стоит рядом с ними держа пистолет. Он не первый раз изображает подобное.

– Зачем ты рисуешь такое? Это жутко.

– Они это заслужили, уроды. – мой друг складывает пальцы на манер пистолета и целится в Джастина, сидящего почти в самом начале класса, изображает выстрел, довольно улыбаясь.

Становится не по себе. Я осуждающе качаю головой, но ничего не говорю. Рикки можно понять, ему хочется выместить свою злость.

– Только не говори, что не хотела бы, чтобы мерзкая Стефани сдохла?

– Она просто глупая.

– Но если бы ты могла? – он наклоняется ко мне. – У моего отца есть оружие, он сам больше не может стрелять, но учит меня. Мы почти каждые выходные тренируемся.

– Эй! Мой урок настолько неинтересный? – кричит учитель, перебивая наш разговор.

Весь класс оглядывается на нас, заставляя чувствовать себя неловко. Мы оба молчим, потупив взгляд в парту. Учитель приближается к нам, Рикки захлопывает тетрадь, накрывая ее рукой, что не укрывается от преподавателя.

– Что там у тебя? – он выхватывает тетрадь из рук парня, небрежно перетряхивая страницы. – Это еще что?!

Учитель находит рисунки, с отвращением смотрит то на них, то на моего соседа.

– Совсем больные, – он швыряет тетрадь обратно на стол. – Останешься после занятий.

Когда урок заканчивается, Рикки остается отбывать наказание, а я иду в библиотеку. Стефани будет ждать меня возле школы, лучше затаиться на время. За чтением книг два часа проходят незаметно, и рядом со столом, словно из-под земли вырастает мой друг.

– Так и знал, что ты здесь, – он идет к окну, ведущему в школьный двор, бросает туда короткий взгляд, подтверждая свои догадки. – Уроды, знают, что ты будешь прятаться.

– Я не прячусь, я читаю, – возмущаюсь на замечание.

– Ага, как же. Я тебя знаю, Кейт.

Парень подходит обратно ко мне, рассматривает пару книг, лежащих на столе.

– Конан Дойль, Агата Кристи, – он наклоняет книгу у меня в руке, заглядывая на ее название. – Психология?! Ты решила, что сможешь понять зачем они это делают?

– Просто читаю, – снова утыкаюсь в текст.

– Кейт, они просто уроды. Нет тут никаких причин, – Рикки забирает учебник из моих рук и кладет на стол. – Пошли, провожу тебя.

Увидев, что я не одна, девицы расходятся, недовольно кривясь, спустить пар не выйдет. Можно спокойно выдохнуть, но лишь до завтра.

Автобус везет нас домой в наш район, путь не близкий, но скоротать время вдвоем за обсуждением комиксов веселее. Мы с Рикки иногда ходим в магазин, где их продают, и читаем, стоя у прилавка. На покупку нет денег ни у меня, ни у него.

Двери с шипением выпускают нас на остановке грязно-оранжевого цвета с ободранной краской, пейзаж вокруг резко контрастирует с тем, который можно наблюдать в районе нашей школы. Смятые газеты и картонки – на них вечером ютятся местные бомжи, разломанные урны, возле которых валяются окурки и упаковки от шоколадных батончиков и чипсов. Из подворотен воняет мочой и сыростью, туда лучше не соваться без необходимости. На углу одной из улиц пасется местный дилер, темнокожий парень двадцати пяти лет, он нервно курит, осматривая прохожих из-под козырька потрепанной кепки. Иногда копы проводят рейды, тогда главное успеть сбежать.

– Сестричка! – прилетает мне в спину.

От этого голоса по коже бегут мурашки, а сердце словно падает куда-то вниз.

«Не может быть».

Я оборачиваюсь, не веря своим глазам.

– Стэн!

Парень бросается ко мне, подхватывая на руки и кружит. Стэн – мой друг. Ему двадцать лет, он ворует, но он хороший парень.

– Когда ты вернулся?

– Вчера. Сразу подумал, че как там моя сестричка.

Он ставит меня на землю, радостно улыбаясь нашей встрече. Рикки обиженно морщится, стараясь не смотреть на моего друга.

– Сестричка, да ты настоящая леди стала, – Стэн окидывает меня взглядом с ног до головы, разводя руками.

– Она тебе не сестра, – встречает Рикки.

– Как сестра, паплатик, – Стэн треплет моего друга по макушке. – Хотя, – он делает паузу, снова глядя на меня, – ты такая конфетка выросла, может уже и не сестричка будешь.

Парень улыбается, а я смущаюсь. Стэн мне нравится, всегда нравился. Но я для него слишком маленькая.

– Ты в тюрьме сидел или в спортзале с тату салоном? – подкалываю я.

Стэн – высокий парень с черными, растрепанными волосами. Он несколько изменился, стал более подтянут и накачен, его руки покрыты татуировками, которых не было до тюрьмы.

– Нравится, да? – он выставляет руки вперед. – Был у нас один мастак, всех в блоке разукрасил.

– Красиво, – рассматриваю рисунки с интересом, наверняка у них есть какое-то значение.

– Может, тебе тоже сделать? – вдруг оживляется Стэн. – Ну там, женственное чтонибудь типа.

– Не, я не хочу.

– Хотя... точно, не надо. Ты же типа девушка, – он снова улыбается, дергая головой и глядя на мою школьную форму. – Ладно, мне это, типа идти надо. Еще корешей повидать.

– Хорошо, увидимся, – прощаться не хочется, но просить его остаться тоже не могу.

– Маньяна¹, детишки, – Стэн машет рукой, пятясь назад, разворачивается спиной, прячет руки в карманы, и уходит.

– Он мне не нравится, – угрюмый Рикки прожигает взглядом спину удаляющегося парня.

– Да брось, Стэн клевый.

Мы продолжаем идти к моему дому, Рикки всегда меня провожает.

– Слушай, Кейт, – он оглядывается по сторонам пока я ищу ключи в рюкзаке. – Не приходи завтра в школу.

Его слова вызывают замешательство и удивление, я застываю со связкой в руке.

– Почему?

– Просто не приходи. Скажи, что заболела или вроде того.

Парень мнется, обеспокоенно глядя мне в лицо.

– Я не понимаю.

– Блин, так сложно сделать как я прошу? – Рикки сутулится, убирая растрепавшиеся волосы от лица. – Не приходи завтра, – он отрицательно качает головой, уходя в сторону своего дома, пока я остаюсь стоять возле подъезда.

Его просьба очень странная. Но я не могу ей последовать, мама всегда следит за тем, чтобы я не пропускала школу.

Дома я застаю только маму, она бежит туда сюда, собираясь на работу.

– Детка, привет! – она на ходу целует меня в лоб. – У меня ночная смена, папа придет только завтра вечером, он взял дополнительные часы. Ужин на плите.

– Ясно.

Я снимаю рюкзак, задевая обожженную руку, шиплю рассматривая не содрала ли волдырь.

– Детка! – мама всплескивает руками. – Опять? Что с безопасностью в этой школе? Может мне сходить к руководству?

– Не надо, – начинаю быстро успокаивать ее, еще не хватало, чтобы мама заявила в школу.

– Зачем детям на уроках химии позволяют ставить такие эксперименты, в которых можно пораниться?

Я вру маме, что получаю ожоги от опытов на уроках, а синяки на физкультуре. Она мне верит.

– Это я не осторожна. Не переживай.

Мама разочарованно выдыхает, качая головой.

– Кейт, какому мужчине понравится девушка со шрамами?

– Спасибо, мам, – опять она меня злит.

Обиженная иду в свою комнату, не желая ее видеть.

– Кейт, я ведь желаю тебе добра! – кричит она из коридора.

Я не отвечаю, знает же, что мне неприятно, но все равно так говорит.

Мама тихо ждет моего ответа, но уходит, так и не дождавшись. Хорошо, что можно побыть одной, в такие моменты я даже рада, что мои родители много работают. После ужина

сажусь за уроки, я всегда стараюсь, несмотря ни на что, уделять время учебе. В этой школе мне учиться до самого конца, родители отказались переводить меня, когда я сказала, что мне там не нравится. Им радостно думать, что их дочь ученица престижной школы. Нужно просто держаться и терпеть. Осталось всего лишь четыре года.

***

Утром я не застаю Рикки на остановке, не застаю и в школе возле класса. Стефани сегодня опоздала, поэтому я смогла остаться незамеченной и уже сидела за своей партой. Прозвенел звонок, но соседнее место по прежнему пустовало. Странно, он просил не приходить и не пришел сам.

Проходит полчаса урока, когда дверь в класс распаивается, с грохотом ударяясь о стену. На пороге стоит Рикки, весь в черном, хотя дресс-код школы совсем другой. В руке у него рюкзак.

– В чем дело?! – учитель кладет учебник на стол, разозленно глядя на опоздавшего.

Парень не отвечает, только как-то странно улыбается запуская руку внутрь рюкзака. Я не сразу понимаю, что он оттуда достал.

Раздается выстрел, больно бьющий по перепонкам, учитель падает на пол, начинается паника и крики, все прячутся под парты, я вместе с ними. Слышны шаги Рикки по кабинету, девочки всхлипывают, тихо давясь слезами, я сильнее прижимаю колени к подбородку осматриваясь. По диагонали от меня сидит Стефани, она трясется, вжимаясь спиной в ножки парты, глаза теперь полны ужаса, я никогда не видела ее такой.

– Ну что, урод? – слышу я голос Рикки.

– Не надо, пожалуйста, – непривычно жалобный голос Джастина, без обычной наглости, с которой он разговаривает с нами каждый день.

– Надо было раньше думать, – цедит мой друг.

Осторожно выглядываю из своего убежища, в следующую секунду раздается новый оглушительный выстрел. Джастин дергается, сдавленно хрипит и грузно заваливается на бок. А уже спустя пару секунд он громко кричит хватаясь за живот, по костяшкам пальцев течет кровь. Я в страхе смотрю на Рикки, но он меня не замечает. Снова вскидывает оружие и целится в своего обидчика. Еще два выстрела.

Парень больше не издает ни звука.

Прячусь назад, отползая к стене рядом с партой, сердце колотится в груди, готовое разорваться от животного ужаса, мне не верится, что это тот парень, которого я знаю. В классе царит давящая тишина, нарушаемая только медленными шагами Рикки, но стоит им прерваться, раздается выстрел. Шаг, выстрел, тихий вскрик, шаг, снова выстрел.

В ушах мерзко звенит от этих громких хлопков в закрытом помещении, чем ближе парень, тем сильнее подкатывает тошнота к горлу. На минуту он останавливается, я надеюсь, что он одумался и хочу выглянуть, как до слуха доносится клацающий звук – перезарядка.

– Сте-е-ефани, – с ехидцей в голосе растягивает имя девушки мой друг.

– Не надо, – плачущим голосом умоляет моя мучительница.

– Надо, – сурово отрезает Рикки, делая выстрел.

Я закрываю уши ладонями, жмурюсь, сжимаю губы в тонкую полоску, не разрешая себе закричать. Нутром чувствую – рядом кто-то есть. Открываю глаза, упираюсь взглядом в

черные берцы с каплями крови на них. Боюсь поднять голову, встретиться взглядом с парнем, рваное дыхание от которого пересохла все слизистые выдает мой страх. Обхватываю колени руками, мысленно прощаясь с жизнью.

«Сейчас он меня убьет».

Блузка практически насквозь промокла от пота, хоть выжимай, тягостное ожидание режет изнутри тупым лезвием.

– Сиди здесь и не высовывайся, – доносится приказ сверху.

Берцы разворачиваются, тяжелыми ударами по полу оповещая об уходе их хозяина.

Слышатся стоны и плач, нарушающие убийственную тишину кабинета.

Упираюсь руками в пол, приказывая себе собраться с мыслями и осматриваюсь.

– Кейт, – жалобный голосок зовет меня откуда-то спереди.

Фокусирую плывущее от паники зрение на девушке, Стефани лежит под своим столом, моляще глядя на меня, на ее животе расплзается огромное красное пятно.

Пульс, стучащий в висках бьет отрывистыми ударами по барабанным перепонкам.

«Соберись, Уилсон»

Ползу по полу вперед, собирая всю грязь ладонями, кожа на коленях противно трется о линолеум, пока я не оказываюсь возле девушки, лежащей на полу. На ее животе зияет рана, из которой толчками выплескивается кровь от каждого всхлипа. Белая блузка пропитанная кровью почти полностью, облепляет ее тело.

– Зажми рану, – я поднимаю трясущиеся руки девушки, кладя их ей на живот.

Мои руки дрожат так же сильно, адреналин не дает отключиться, заставляя мозг соображать быстрее. Резкий запах железа, висящий в воздухе, душит своей тяжестью. Вдалеке слышны выстрелы и приглушенные крики, четко различимые через плач тех, кто в кабинете, его словно приглушили, сосредотачивая слух на более важных вещах.

– Не бросай меня, Кейт, – со слезами на глазах просит Стефани, в них больше нет привычной неприязни.

– Просто держись. Скоро все закончится.

Она трясется от боли, а я понимаю, что ей нужно в больницу, но пока что никак. Время играет не в нашу пользу.

В коридоре слышны шаги. Он возвращается.

– Кейт, Кейт, – моя одноклассница сжимает холодеющие пальцы на моем запястье. – Не уходи.

– Я здесь.

– Уилсон, – гремит сзади прямо надо мной. – Зачем ты ей помогаешь?

– Рикки, не надо, – я, быстро разворачиваясь, пячусь назад, перебирая руками по скользкому от крови полу, едва на распластавшись прямо перед моим другом.

Он отрицательно качает головой, осуждающе меряет меня холодным взглядом, направляет оружие на Стефани и стреляет. Я испуганно вскрикиваю, сотрясаясь всем телом от выстрела.

– Знаешь, – он вставляет патроны и передергивает затвор, от этого металлического лязганья нутро готово вывернуться наизнанку, сейчас у него в руках уже другое оружие. – Я был о тебе лучшего мнения, – парень упирает приклад в плечо и направляет на меня дуло, смотрящее своим черным глазом в мое лицо.

Кто сказал, что вся жизнь проносится перед глазами? Чужь собачья, нет никаких картин прошлого, есть только ты, страх и неизбежность смерти в моменте, да яростно бьющееся в

грудной клетке сердце.

Мой одноклассник немного раздумывает, целится в мой живот и стреляет.

***

Мне показалось у Люци случился шок от моей истории. А это ведь только ее треть. Он молчал, рассматривая остывший чай в кружке на столе.

– Я должна была заметить, понять, что он собирается сделать. Эти рисунки, он же рисовал их не один раз.

– Нет, – тихо и удрученно одернул меня Люций. – Ты была ребенком, это должны были заметить взрослые, учителя, которые, предпочли закрывать глаза. А не затравленный ребенок. Что случилось с твоим... с Рикки.

– Он застрелился. Услышал, что начался штурм школы, пошел в соседний кабинет и выстрелил себе в голову.

Я замолчала, вспоминая как поняла, что именно за выстрел сделал парень, после того, как ранил меня.

– А ты, – мужчина коснулся того участка, где был шрам, поверх футболки, – все в порядке?

Он не стал задавать уточняющие вопросы, но я поняла о чем речь.

– Да. На здоровье никак не сказалось ранение. Органы не задеты. Везение, если можно так сказать, – я слабо улыбнулась, пытаюсь показать, что отношусь к его вопросу спокойно.

Детектив наклонился, невесомо касаясь губами моего лба.

«Что же, следующая история уже не вызовет в нем порывов нежности».

Я спрятала глаза от его взора, полного жалости ко мне, встала с дивана, аккуратно вывернувшись из утешительных объятий, чем вызвала удивление, которое становилось лишь больше, по мере наблюдения за моими действиями. Расстегнула джинсы, слегка задрала футболку свободной рукой, отогнула левую часть джинсовой ткани, одновременно отодвигая большим пальцем резинку белья. Показался тонкий, белый шрам возле бедренной кости слева.

– Этот я получила в шестнадцать.

***

После той ситуации в школе я осталась учиться в ней же, даже такое событие не заставило моих родителей отказаться от престижного учебного заведения. Но дружить с кем-либо я теперь побаивалась, предпочитая держаться особняком. После занятий я задержалась, читая в библиотеке. Теперь библиотека была не бегством, а местом, где мне нравилось проводить время, имея в качестве друзей лишь книги с потрепанными временем страницами.

Учебный год только начался, я была полна энтузиазма и надежд. Можно было попробовать закончить год с отличием, трудясь более усердно, чем в предыдущий, омраченный серьезной психологической травмой.

Школьный психолог долго вел беседы с выжившими и в частности со мной, стало немного легче, но мысль о том, что я могла бы все предотвратить, одолевала меня даже

после сеансов. Хотелось отыграть назад, исправить произошедшее, да только жизнь не игра, нельзя загрузиться заново и пройти уровень без ошибок.

Глубоко погружившись в свои мысли, я иду домой с остановки, рассматривая обувь и заплывающий, грязный асфальт, исчезающий под подошвой. Не сразу слышу, как за мной уцепился какой-то тип. Оглядываюсь. Мужчина лет сорока в изношенных джинсах и серой толстовке с пятнами сутулясь идет следом. Заметив мой интерес, он слегка отстает, рассматривая битые бутылки под ногами.

Ускоряю шаг. Мой преследователь тоже. По спине бежит холодок. Я сжимаю пальцами лямку рюкзака, почти переходя на бег. Мужчина не отстает.

– Эй! – он свистит мне вдогонку.

Я начинаю бежать. Он тоже бежит. Почти успеваю завернуть за угол, как меня с силой хватают за живот, зажимая второй рукой рот и оттаскивают обратно. Рюкзак падает на асфальт, не оставляя преград. Его ладонь грубая и шершавая, воняет дешевым табаком и машинным маслом.

Я брыкаюсь, пытаюсь вырваться, пару раз попадаю каблучком школьной туфли по его колену.

– Сука, – злобно шипит он.

Мужчина тащит меня в подвал заброшенного дома. Я луплю его по рукам, но тщетно.

В подвале темно и сыро. Пахнет кошками и затхлостью. Под его ногами хрустят осколки и шуршит каменная крошка. Едва могу дышать из-за зажатого рта. В пиджаке жарко и неудобно. Капля пота у виска стекает по щеке вниз.

Он заносит меня в самый дальний, темный угол и переворачивает лицом к себе. Пытаюсь оттолкнуть мужчину, но он хватает мои руки с остервенелым рыком. Больно дергает за предплечья. Я поскальзываюсь, падаю на грязный пол, ударяюсь спиной и затылком.

Кручу головой, пытаясь от напряжения, не прекращаю попыток освободиться. Кругом валяется мусор, окурки, шприцы, смятые пивные банки.

– Тварь, – он наваливается на меня всем весом, прижимая одну руку, во второй угрожающе сверкает лезвие ножа.

Мужчина задирает школьную юбку. Холодная сталь царапает кожу, ныряя под резинку трусов. Лезвие поворачивается на бок, разрезая белье и кожу.

«Нож».

Свободной рукой шарю рядом с собой, ища карман пиджака. Под ладонью чувствую выпуклость на ткани. Есть.

Он дергает разрезанное белье. Неприятно холодит голую кожу. Трясущиеся пальцы достают из кармана нож. Отработанные постоянным повторением движения на автомате. Раскладываю свое оружие. Он даже не обращает внимание, так занят, расстегивая свои джинсы.

Удар.

Еще один.

Еще один.

Мужчина мычит. По пальцам течет что-то теплое. Он замедляется и мне удается оттолкнуть его.

– Кейт!

Ползу, пятясь к стене в замешательстве. К нам приближается Стэн. Он окидывает

взглядом происходящее.

– Гнида, – парень пинает лежащего на земле по ногам.

Тот кричит еще громче, стараясь увернуться. Серая толстовка залита кровью, он зажимает ладонью бок.

Стэн помогает подняться мне, пряча себе за спину, испуганно рассматривая мой внешний вид.

Я слежу за его взглядом, понимая, что моя школьная форма в крови нападавшего.

Мама меня убьет.

***

– Оказалось, Стэн проходил мимо. Увидел мой рюкзак на асфальте и услышал возню из подвала, – я сделала паузу, глядя как Люций прикуривает новую сигарету, едва закончив предыдущую. – Он помог вызвать копов, но сам не остался. Мама прибежала, как только ей сообщили. Нападавший умер, – я отвернулась, рассматривая дверь квартиры. – Истек кровью.

– У тебя были проблемы из-за него?

– Нет, – я покачала головой. – Самооборона. Для меня все обошлось. Но факт остается фактом. Я убила человека.

Умолкнув растерла плечи, воздух из открытого окна слишком холодный. Люци тоже молчал, глядя в серую даль.

– Я наверное пойду, – я суетливо вскакиваю с дивана, тишина слишком гнетущая. – Понимаю, ты не хочешь меня видеть.

Я взяла свой свитер со спинки дивана, понимая, что на мне футболка Люци.

– Я верну твою одежду, – не дожидаясь ответа и не глядя на Люци, пошла к двери.

Но уже почти возле нее он догнал меня и схватил за руку.

– Стой.

Боясь реакции я осталась стоять спиной. Люций все решил сам, нежно потянул меня на себя, разворачивая лицом. Я бегала глазами вокруг, лишь бы не встречаться взглядами.

– Я не говорил, что не хочу тебя видеть. Не уходи.

Кожа покрылась мурашками, то ли от холода, то ли от его заботливого тона.

– Сейчас.

Он не отпустил меня. Повел обратно к дивану, усадил, закрыл окно, пока я сидела, потупив взгляд в пол, стискивая свитер в руке. Люци пошел в спальню, меньше чем через минуту вернулся обратно. Забрал мою одежду из рук, кладя обратно на спинку. Плеч и спины коснулось что-то очень мягкое. Плед. Он укутал меня почти по самый подбородок, который в конце ласково поднял, ловя мой взгляд.

– Ты чиста перед законом.

– А перед совестью?

– Он хотел надругаться над тобой. О какой совести речь? – недоумевал Люций.

Я хмыкнула, слабо улыбаясь.

– С точки зрения морали, я убийца.

Люций откинулся назад, ложась спиной в угол дивана и потянул меня на себя. Я устроилась на его груди, сворачиваясь почти калачиком.

– Он ведь тоже мог тебя убить. Или покалечить. Я не в праве тебя осуждать, – он крепко

обнял меня за плечи. – У тебя вообще выбора особо не было.

Люций заправил прядь мне за ухо, едва касаясь шеи подушечкой пальца.

– Но ты сказал, что не стал бы убивать, вернись назад. Постарался бы взять его живым, – я тяжело сглотнула, проталкивая непростые слова. – Наверное, я тоже могла бы постараться обойтись без жертв.

– Мои взгляды связаны с жаждой мести и поиском справедливости. Во имя прошлого, – он коротко выдохнул, словно был недоволен. – Речь ведь не идет о спасении жизни в текущем моменте.

Люций умолк, глядя мое плечо, пока я, вытащив пальцы из-под пледа, обводила узоры на его груди. Нам потребовалось несколько минут, для передышки и осознания.

– Наверное после этого случая Стэн впервые посмотрел на меня как на девушку, а не ребенка, – мне хотелось завершить свою историю, открыться полностью, так же как и он мне. – Он стал оказывать знаки внимания. Встречать со школы, звать гулять. Я была в таком восторге, парень, который мне нравится, наконец-то обратил на меня внимание.

Люций молчал, я чувствовала кожей, как бьется его сердце, взволнованное моим рассказом, он со страхом ожидал, что еще за тьма таится в моем прошлом.

– Маме он не нравился никогда. Она запрещала общаться с ним, но кто слушает родителей? Верно? – я криво улыбнулась, хоть он и не видел моего лица.

– Шрам на ноге... Это правда авария? – в голосе слышалось беспокойство.

– Да, – поднявшись, я села рядом и сложила ноги на бедра Люци. – Папа выиграл в лотерею новую машину. Мы были так счастливы. Наша едва заводилась, – я устремила расфокусированный взгляд в окно, вспоминая. – В тот же вечер, как забрали, поехали покататься по городу. Знаешь это чувство, – я перевела глаза на Люци, – когда у тебя в жизни происходит нечто положительное, очень значимое для тебя. И ты счастлив, вставая с утра. Рад новому дню. Кажется, вот сейчас все наладится, жизнь станет лучше, проще, радостнее. Хочется верить, надеяться, – я сделала паузу. – Именно таким днем был тот. На перекрестке в нас влетел какой-то идиот, хотел проскочить на красный, – по щекам потекли слезы. – Говорят, самое безопасное место за водителем, – я закивала, словно подтверждая. – Это правда. Мне было восемнадцать. Официально я могла жить сама, без опеки.

– Он воспользовался этим, – начал догадываться Люций.

– Да, – шепнула я вытирая щеки. – Приходил ко мне поесть, переночевать, – я покусала губы. – Потрахать. Постоянно то пропадал, то появлялся, когда ему удобно. Еще вечно звал меня сестричка, особенно в постели, хотя я просила так не делать. Мерзость, – я сморщилась, вспоминая свои ощущения, чувствуя, как ненависть закипает во мне со всей своей силой.

– Это подло. Он ведь понимал, что ты влюблена в него.

– Понимал. Но мне казалось, он тоже любит, только по своему. Я только после догадалась, что на самом деле была ему безразлична. Потом он начал просить денег, мол занять, он заработает и отдаст. Само собой он не работал и ничего не возвращал.

– Наркотики, – понял Люций.

– Очевидно, правда? – я подняла на него заплаканные глаза. – А я не догадалась. Идиотка.

– Перестань, – он взял мои руки в свои ладони. – Тебе было восемнадцать и ты была влюблена, откуда было знать? – он помолчал. – Чем все закончилось?

– Пришла как-то домой с работы, – пришлось глубоко вздохнуть, собирая остатки сил. –

А он лежит... передоз.

– Блять... – Люций зажмурился, сдавливая переносицу пальцами, будто пытался прогнать дурное наваждение.

– Знаешь, что самое странное? Когда я увидела, как его тело выносят из квартиры, я почувствовала... – я резко замолчала, не зная, продолжать или нет.

– Облегчение, – закончил Люций.

– Да. Я почувствовала облегчение. Умер человек, которого я любила, а мне было никак. Даже радостно что ли. Я ужасна. Наверное, мне нужно было погибнуть в той аварии, чтобы все прекратилось.

– Так, стоп!

Он встрепенулся, спустил ноги с дивана, взял меня за руку, поднимая следом за собой и ставя прямо перед мутным зеркалом, в которое я смотрелась в первый день нашего знакомства.

– Кого ты здесь видишь?

– Себя? – растерянно скорее спросила я, нежели ответила.

– Нет, Кейт. Кого ты здесь видишь?

Я молчала, осознавая, о чем именно идет речь.

– Неудачницу, – я горестно вздохнула, заворачиваясь с мягкой плед. – Убийцу. Жертву, – покачала головой, сама себя осуждая. – Жертву травли. Жертву скулшутинга. Жертву абьюзера. Жертву маньяка. Дерьмовое завершение дерьмовой жизни.

– Уилсон, – Люций болезненно усмехнулся, произнося мою фамилию как ругательство. – Откуда такие мысли в твоей прекрасной голове?

Он по прежнему стоял позади, держа меня за плечи и смотрел в глаза через отражение.

– Ты спрашивал, почему я уехала, – я не отводила взгляд, отвечая его отражению, словно так было легче. – Потому что я слабачка, трусиха и я сдалась. Не стала больше бороться за место под солнцем. Искать себя в мире, свое место, – поджав губы от досады за саму себя, сделала паузу. – Почему я выбрала этот город? Наверное интуитивно. Мне больше подходит быть здесь, среди неудачников, во главе с серийным убийцей.

– Кейт...

Люций обошел меня спереди, отвернул от зеркала лицом к себе.

– Ты просто устала и взяла перерыв. Это не делает тебя неудачницей. Ты обязательно наберешься сил и продолжишь свой путь. Только задумайся, – он погладил тыльной стороной пальцев мою щеку, убирая налипшие волоски, взял руки в свои, ласково сжимая. – После всего пережитого ты не утратила самое главное – свою человечность. Кто-то и после меньшего дерьма звереет, а ты еще и шутить умудряешься.

Я смущенно отвела глаза, чувствуя, как в уголках снова скапливаются слезы.

– Значит, – я шмыгнула носом. – Если я не гащу мужиков по подворотням в качестве мести, то я вполне себе справляюсь?

– Точнее не скажешь, – он тепло улыбнулся, приобнимая меня за талию, наклонился чуть ближе и прижал к себе.

Я обвила его руками, делая контакт теснее. Теперь, между нами не было недосказанности и преград. Мы видели друг друга, со всей болью и мраком, но не отворачивались, смотрели с широко открытыми глазами.

– Раньше... я всегда называл людей из таких районов ебливой шпаной, – Люци прокашлялся. – Мне было невдомек, что они... – он сделал паузу, подбирая слова.

– Пытаются жить, – закончила я.

– Да, верно. Пытаются жить как могут, как умеют. Думал, они сами портят себя алкоголем, наркотиками, образом жизни, – он коротко поцеловал меня в висок.

– Но все это мелочи, по сравнению с тем, как портят людей люди, – закончила я мысль.

– Прости, что так напирал на тебя, – я не видела его лица, но в произнесенных словах чувствовалась неловкость.

– Да брось. Все в порядке, – подняв голову, улыбнулась, давая понять, что это сказано честно и искренне. – Я ходила в анонимные группы. И не в одну. Можно сказать даже подседа на них, почти как герой Бойцовского клуба, – рассмеялась, вспоминая, что ждала новых собраний с нетерпением. – Помощь жертвам насилия. Помощь людям, потерявшим близких, – я загибала пальцы на руке. – Помощь жертвам абьюза. Помощь людям с увечьями. Там почти все были с серьезными травмами. У кого ноги нет, у кого глаза, а тут я со своими шрамами. Хотела уйти, а куратор поймала меня почти перед самым выходом и попросила остаться, – речь становилась сбивчивой, я уже тараторила, взбудораженная своим же рассказом. – Мне помогло. Я поняла, что ничем не спровоцировала того типа, жертва не виновата, виноват тот, кто нападает. Перестала стесняться своего тела. Перед парнями раздеваться без проблем. И секса не боюсь больше, – я хихикнула, но на лице Люци застыло откровенное сочувствие с сожалением, не позволившее ему даже улыбнуться.

Я замолчала, погружая нас в звенящую тишину. Внезапно Люций подхватил меня на руки и понес в сторону кухни.

– Что ты делаешь? – плед слегка сполз, я вцепилась в его плечи, стараясь держать равновесие.

– Пригнись, – попросил он перед дверным проемом.

Последовав просьбе огляделась, не понимая зачем мы сюда пришли. Он усадил меня на столешницу, коротко чмокнув в нос.

– Приготовим ужин.

– Там же есть пироги.

– Пирог не еда, – отрезал Люций, чем вызвал у меня глупую улыбку.

– Снова будешь обносить мой холодильник?

– Обносить, – повторил он дразня.

Я ущипнула его за бок в качестве мести.

– Ауч! – Люций постарался увернуться.

– Надеюсь, ты уже начал составлять словарь.

– Непременно, – он обхватил мое лицо ладонями, оставляя на губах трепетный поцелуй. – Сейчас вернусь.

Я так и осталась сидеть на кухне, болтая ногами, завернутая в плед, пока Люций ходил ко мне домой за продуктами.

– Приготовим пасту, – оповестил он, возвращаясь со своей добычей. – Давай, хорош расслаживаться.

На лице сама собой растянулась счастливая улыбка чуть ли не до ушей. Спрыгнув на пол, я пулей сбегала в зал, отнесла плед, и вернулась уже готовая помогать.

– Что за паста? – спросила, убирая волосы в пучок на макушке.

– Из поваренной книги бывшего мафиози.

– Оу, – я замерла. – Seriously?

– Да, – он кивнул, достал кастрюлю и сковороду.

– И что там пишут? Порубайте врагов в лапшу, – я изобразила взмахи мечом. – Посыпьте пармезаном, – сопровождала слова соответствующим жестом. – Украсьте веточкой базилика. Белиссимо, – сложила указательный и большой палец кольцом.

Люций от всей души рассмеялся.

– Ты очаровательна.

Я кокетливо потупила взгляд, рассматривая набор продуктов.

– С чего начать?

– Режь ветчину кубиком, – он протянул мне упаковку.

Затем достал две доски и ножи и поставил кастрюлю с водой на огонь. В четыре руки дело шло гораздо быстрее, все ингредиенты были нарезаны, ожидая своего часа. Вскоре закипела вода, куда отправились спагетти.

Люций обжарил лук, я высыпала на сковороду ветчину, добавив по его указанию оливки, соль и перец через десять минут, пока он откидывал спагетти на дуршлаг и тер сыр. Совместное приготовление ужина было для меня в диковинку, обычно все приходилось делать самой. Весьма приятно было осознавать, что подобное времяпровождение сближает ничуть ни хуже, я бы сказала даже лучше более интимных вещей.

– Теперь последние штрихи, – он достал из холодильника сливки, открыл крышку и встал позади меня, упирая вторую руку в столешницу сбоку от плиты. – Я лью, а ты помешиваешь.

Он по прежнему был в одних лишь брюках, преградой между нами служила только тонкая хлопковая ткань его футболки на мне, позволяющая в полной мере ощутить жар его тела.

Люций плавно влил все содержимое упаковки, отставил ее в сторону, перехватил мою руку, которой я держала лопатку и, приобняв свободной рукой за талию, стал помогать.

– Мы почти закончили, – шепнул он мне на ухо, оставляя короткий поцелуй.

По спине тут же побежала стайка мурашек, пальцы произвольно сжали ручку кухонной утвари сильнее.

– Теперь спагетти и сыр, – направлял он меня.

Я перекинула готовые спагетти в сковороду, хорошо перемешав, Люци присыпал наше блюдо пармезаном. Ужин был готов.

– Базилика я у тебя не нашел. Придется обойтись без него, – он стал раскладывать на тарелки ароматную пасту.

Я почувствовала, как дико проголодалась на самом деле, про себя обрадовавшись, что не ограничилась только сладким.

– Шутишь? Тут про базилик никто не слышал, – я отправила результаты наших трудов на стол. – Еще подумают, что ты так извращенно ругаешься.

– Нет? – Люций повел бровью от удивления. – Может старику Эрлу предложить его выращивать? Будет один такой на весь Линден.

Я сделала суровое лицо, начав жестикулировать руками, как Марлон Брандо в знаменитой сцене.

– Ты пришел и говоришь: Эрл, мне нужен базилик. Но ты просишь без уважения, ты не предлагаешь дружбу, ты даже не назвал меня крестным отцом.

Я замолчала, следя за реакцией Люци, он смотрел сосредоточенно, почти не моргая, пауза грозила затянуться, но мы оба синхронно рассмеялись с моей дурацкой шутки.

Вечер хоть и омрачился моими историями, но я чувствовала себя потрясюще. Меня

выслушали, не осудили и не оттолкнули. И это был посторонний человек, не товарищи по группе поддержки, которые не осуждают потому что вы в одной лодке, а просто тот, кто смог посочувствовать.

Поддавшись эмоциям, я обняла Люци за шею, крепко прижимаясь, словно он был моим спасательным кругом.

– Спасибо, что открылась мне, – он обнял меня в ответ.

– Я никому не рассказывала о себе. Все эти подробности.

Он почему-то промолчал, только крепче смыкая свои руки на мне.

– Ужин остынет, – напомнил Люций через пару минут.

– Да, точно.

После еды, когда по уже сложившейся традиции была убрана посуда, мы переместились в зал. Я снова завернулась в плед, служивший сегодня уютным укрытием.

– Кино? – поинтересовался Люций, копаясь в ноутбуке. – У меня, кстати, есть «Крестный отец».

– О нет. Я под него все время засыпаю. Еще ни разу до конца не досмотрела.

– Может в этот раз получится?

Я придвинулась ближе, заискивающе заглядывая ему в глаза.

– А может мы... – положив ладонь ему плечо повела ее выше, достигла шеи и запустила пальцы в волосы на затылке, самые кончики, едва глядя кожу подушечками.

Люци оторвался от ноутбука и повернулся ко мне всем корпусом. Наклонился, почти касаясь моих губ, я потянулась навстречу за поцелуем, он приобнял меня, положил руку на спину и плавно опустил меня на диван. Плед сполз с тела, давая в полной мере ощутить прикосновения. Мне вновь стало жарко рядом с ним, как и всегда, стоило нам начать взаимодействие. Кровь застучала в висках, а дыхание заметно участилось. Его губы еле заметно коснулись моих, под гипнотическим взглядом карих глаз я почти не моргала, предвкушая поцелуй.

– Кино, – вывел меня из блаженных мечтаний серьезный голос.

Я захлопала глазами, не сразу осознав слова.

– Что?

– Мы будем смотреть кино, – он обворожительно улыбнулся, довольствуясь моим замешательством.

– Но Люци, – я надула губы, канюча как маленькая.

– Не Люцкай, – он нажал плэй, сгребая меня в охапку.

На экране только замелькали первые кадры, как из моего рта вырвался душевный зевок.

– Говорю же, – я снова зевнула. – Засыпаю.

– Тогда спи. Я тебя посторожу, – он с интересом уставился в монитор.

– С пистолетом? – поинтересовалась я, стараясь вложить игривости в тон, но прозвучало так, будто я пьяная.

– И с ним тоже.

Я только успела коротко улыбнуться, прежде, чем сон забрал меня в свой плен.

***

Утром я проснулась от того, что меня гладили. Нежно, чуть касаясь скул и линии

подбородка, параллельно мягко перебирая пальцами по коже спины под футболкой.

Приоткрыла один глаз, узрев полный восхищения взгляд на себе.

– Давно не спишь?

– Полчаса где-то.

– Все полчаса смотрел как я сплю? – открыв второй глаз, я увидела приятный полумрак комнаты, с пробивающимися лучами солнца через неплотно задернутые шторы.

Атмосфера тепла и уюта, свойственная холодным осенним дням, когда совсем не хочется вылезать из-под одеяла, приятно дополнялась наличием такого мужчины рядом.

– Ага.

Люций буквально пожирал меня взглядом.

– Как маньяк, – вырвалось у меня.

Он перекатил меня на спину, оказываясь сверху. Рука, гладившая спину, заскользила вниз, прошлась по ягодице и бедру, нежно, но ощутимо стиснув его.

– Сексуальный?

– Очень, – рвано вздохнув от напора, уже не церемонясь, я приподнялась, и требовательно поцеловала его. – Подожди, – вдруг осенило меня, я разорвала поцелуй. – Я же вчера заснула на диване, – заглянув под одеяло я поняла, что не ошиблась, на мне не было джинсов, только белье и футболка Люци. – Ты снял с меня штаны?

– Ты против?

– Да не особо.

– Вот и отлично.

Он выглядел раззадоренным ни на шутку, вновь вернувшись к тому, на чем мы остановились. Поцелуй становился все более страстным и насыщенным, наполняясь жаждой, разыгравшейся друг по другу. Люций откинул одеяло и завел руки под футболку на мне, потянул ее вверх, я приподнялась, давая раздеть себя. Ловким движением он расстегнул лиф, лямки сползли с плеч, я сняла его, убирая в сторону.

Люций начал покрывать быстрыми, отрывистыми поцелуями шею, спускаясь к груди. Лизнул сосок, нежно оттягивая его губами. Я слегка впила ногти в мускулистую спину, обхватила его бедра ногами и выгнулась, стараясь прижаться как можно ближе, почувствовав через тонкую ткань белья его возбуждение.

«Не обманул».

Люций коротко рыкнул, более ощутимо сминая теперь уже мои ягодицы, переходя ко второй груди. Я не осталась в долгу, провела руками по спине вниз, прильнув еще плотнее к его паху, и покачала бедрами для пущего эффекта. Пары движений хватило для разгона возбуждения почти до максимума.

Заиграла мелодия на моем телефоне, лежащем на тумбе.

Мы встрепенулись, оторвавшись от ласк.

– Злобучий будильник, – зло прошипела я, потянувшись за смартфоном, чтобы отключить звук. – Мне надо на работу.

– Злобучий, – повторил Люци.

– Думаю, тебе стоит завести блокнот.

– Обязательно, – он лег рядом, разглядывая меня.

Я посмотрела на время на экране.

– У нас есть минут пятнадцать.

– Пятнадцать минут? За кого ты меня держишь? – оскорбился Люций.

– Что, слишком много? – я начала хохотать, нарочито дразня.

– Уилсон, – он потянулся ко мне и стал щекотать за бока.

– Не... на... до, – я едва не задышалась, хохоча во весь голос. – Я боюсь щекотки, – с трудом отбившись, отползла к краю кровати и встала, забирая одежду.

Люций поймал мою руку, потянул на себя, вынуждая наклониться. Пробежался глазами по моему обнаженному телу, на секунду остановившись на последней, не павшей преграде в виде трусов, затем вернулся к пристальному взгляду глаза в глаза.

– Пятнадцать минутами ты не отделаешься, Уилсон.

– Ловлю на слове, де-те-ктив, – подыграла я, растягивая обращение, одновременно выпутываясь из хватки. – Пойду собираться.

Я натянула его футболку прямо на голое тело, проигнорировав бюстгальтер.

– Может тебе лучше перенести сюда свои вещи? – донеслось до меня уже в зале, пока я надевала джинсы.

– Свои вещи? – изумленно уточнила, заглянув обратно в спальню.

Люций расслабленно лежал на кровати, подперев голову рукой.

– Зубная щетка, расческа, чем там еще девочки пользуются. Все равно будешь здесь жить, – без тени сомнения заключил он.

– Seriously? – я приподняла бровь в изумлении.

– Более чем. Что тебе делать у себя дома?

– А что мне делать здесь?

– Здесь есть я, – он хищно прищурился.

– О, дай угадаю, – я замахала ладонью, останавливая его. – И пистолет? – закончила невинно округляя глаза.

Люций молчал, растягивая губы в широченной улыбке, молниеносно вскочил с кровати, так, что я даже не успела среагировать сразу, но опомнившись, понеслась с визгом к выходу.

– Ты допрыгаешься, – пригрозил он, поймав меня возле самой двери, заключая в кольцо своих рук.

Мне захотелось выдать еще одну пошлую шутку из около оружейной темы, но я решила, что тогда точно опоздаю на работу. Изо всех сил сжав губы, я заставила себя молчать, едва не засмеявшись от придуманного в голове ответа. Похоже, он обо всем догадался, закусил губу, сверкая глазами, и притянул меня к себе.

– Какая ты испорченная, Уилсон, – заигрывающе прокомментировал Люций, обжигая горячим дыханием мою шею, одновременно отпирая дверь позади меня. – До вечера. Веди себя хорошо, – напутствовал он, пока я отступала из квартиры, не отводя взгляд.

Он закрыл дверь и, уверена, остался стоять слушая ушла ли я. Улыбаясь во все тридцать два, я юркнула в свою квартиру, только сейчас ощутив, как взволнованно бьется сердце.

«Если в ближайшее время мы не снимем напряжение между нами, тут полыхнет так, что в Нью-Йорке настанет день посреди ночи».

***

К назначенному часу я был готов и собран как никогда. На свидания я не ходил пять лет. Пять долгих, мучительных лет.

Сидел на диване, держал в руке блокнот, открыв его обложку, там где была приклеена ее

фотография.

– Чувствую себя предателем. Хотя уверен, ты бы хотела, чтоб я жил дальше, – я пригладил растрепавшиеся от времени края фотографии. – Ты всегда была очень доброй, – в соседней квартире слышался топот, Кейт бегала, собираясь туда сюда. – Вы не похожи. Не думай, что я пытаюсь тебя заменить. Она другая, совсем. Мне хорошо с ней. Рядом с ней мне не снятся кошмары, – я помолчал, разглядывая ее улыбку. – Не думай, я не забыл о своем обещании и о тебе. Я найду его.

Хлопнула соседняя дверь, через минуту постучали в мою.

– Прости, – я слабо улыбнулся, пряча блокнот во внутреннем кармане пальто. – Заходи!

Кейт приоткрыла дверь, заглядывая, обвела меня заинтересованным взглядом, хотя одет я был совершенно обычно, черные брюки, рубашка, пальто и туфли.

– Привет, – она протиснулась в проем, замерев у входа, отвела глаза, переминаясь с ноги на ногу, пока я рассматривал ее в ответ. – Я тут обнаружила, что у меня только одно платье и нет обуви на каблуках.

На девушке было надето платье-свитер цвета хаки свободного кроя, длиной до колена и черные ботинки со шнуровкой на грубой подошве. Распущенные волосы, уложенные легкими волнами придавали всему образу мягкость. Кейт была женственна даже в таком, казалось бы, не самом девичьем наряде.

И черт возьми, ей дико шел этот стиль.

– Каблуки и платье не обязательны.

– Мы ведь едем в ресторан, – удивленно вскинув брови Кейт посмотрела на меня.

– Там нет дресс-кода, – я подошел ближе. – Ты можешь одеть то, что будет удобно именно тебе.

– Тогда будем считать, что я готова.

– Верхняя одежда? – уточнил я, понимая, что девушка по привычке пришла ко мне без нее.

– Черт! Забыла. Сейчас.

Она метнулась назад, пока я закрывал свою квартиру, вернувшись через минуту одетой.

Мы погрузились в машину под недовольный бубнеж Кейт о холоде, пока я не включил обогрев сидений и она не успокоилась, закатив глаза от удовольствия. До Ист Лэйк было сорок минут езды.

– Что ты слушаешь? – задала она вопрос, но не дожидаясь ответа, начала тыкать в сенсорный экран магнитолы

– Здесь нужно нажать... – начал я пояснение.

– Да ты на дорогу смотри, я сама, – она увлеченно стучала пальцем по экрану.

– Умеешь пользоваться?

– Нет, – девушка мотнула головой. – Сейчас научусь.

– Хвалю за боевой настрой ко всему новому.

– Мерси, – Уилсон заулыбалась, не отвлекаясь от своего дела. – О! Исполнители. И так, – она приготовилась изучать список, – AC/DC, Metallica, Modern Talking, – выделила тоном название группы. – Nirvana, но тут все понятно. Это же Кобейн.

– Жалко, что застрелился.

– Да жена его вальнула.

– Вальнула, – повторил я.

– Да, – кивнула Кейт, не отрываясь от занятия. – Здесь и детективом быть не надо, она

же чокнутая.

– Это не аргумент, – протестовал я.

– Еще какой. Он же развестись с ней хотел, она получила бы мало денег. А тут бах, простите за каламбур, – Кейт улыбнулась переводя взгляд на меня. – Ой как удобно. Правда?

– Возможно, – не мог не согласиться.

– Offspring? – спросила она уже более удивленно.

– Почему нет?

– Как-то не вяжется с тобой, – Кейт пожала плечами.

– Нам осталось ехать не так долго, – намекнул я на то, что за изучением списка она не успеет определиться с треком.

– Ладно, ладно.

Кейт открыла список песен и выбрала одну из них. Заиграла мелодия, она продолжила изучать исполнителей, только теперь уже тихо подпевая.

Your one vice

Is you're too nice

Come around now, can't you see?

I want you, all tattooed

I want you bad

Complete me, mistreat me

Want you to be bad, bad, bad, bad, bad

If you could only read my mind

You would know that I've been waiting

So long

For someone almost just like you ²

Кейт дергала ногой в такт с совершенно непринужденным видом, словно она всегда была рядом, пела дурацкие песни в моей машине, поднимая мне настроение. Я забарабанил пальцами по рулю, покачивая головой и улыбаясь едва ли не до самых ушей.

– Хорошее настроение? – уточнила Уилсон.

– Ага. Под мой плейлист обычно никто не поет.

– Зря, зря, – она долистала до конца списка. – Хороший выбор. У тебя нет Beatles в исполнителях.

– Не люблю Beatles.

– Нет? – Кейт приподняла брови и округлила глаза.

– Слишком занудно.

– А как же вот это вот: Yesterday, – затянула она.

– Только не это, – я резко изменился в лице.

– All my troubles seemed so far away, – продолжила уже более жалобно.

– Все, я тебя высаживаю.

– Может лучше отшлепаешь? – пошла в наступательную Кейт.

– Может и отшлепаю, – мне понравилось ее предложение, настроение скакнуло вверх еще больше.

– А то ты только грозишься, да все никак.

– Ой, допросишься, Уилсон, – игриво протянул я, раздумывая над тем, что мы рискуем

не доехать до ресторана.

– Стараюсь допроситься всеми силами, – она кокетливо покусала губы, заалев щеками. –

Я тоже не люблю Beatles.

– Серьезно?

– Да. Как ты сказал, слишком занудно. А еще они похожи на дагестанцев.

– Кого? – удивился я.

– Дагестан, это в России.

– В России? – я заинтересованно посмотрел на Кейт. – Хорошо знаешь географию?

– Много времени паслась в библиотеке.

– Паслась, – повторил я запоминая, похоже точно стоит купить блокнот.

– Именно.

– Говорят там холодно, все время снег, кругом медведи и у всех по Калашникову.

– У всех медведей? – Уилсон сделалась удивленной.

– У всех жителей, – от этого нелепого диалога губы снова растянулись в глупой улыбке.

– Ты путаешь с Америкой.

– Говорю тебе, – мы подъезжали к ресторану. – У каждого жителя по Калашникову, – я разрезал ребром ладони воздух утверждая.

– И по медведю, – закончила Кейт.

– Не исключено, – я припарковал машину и заглушил двигатель. – Идем.

В ресторане нас проводили к забронированному столику и принесли меню, дав время на выбор.

– Зачем тут столько приборов? – зашептала Уилсон, стоило отойти официанту.

– Не бери в голову. Ешь тем, что удобно тебе, – успокоил я.

Она поерзала на стуле, оглядываясь по сторонам.

– Никогда не была в таких местах.

– Нет? Тебя не водили на свидания? – я даже забыл про выбор блюда.

Кейт затрясла головой, спряталась за папкой с меню, оставив только глаза. Мне захотелось затискать ее до хруста ребер. И когда я успел стать таким тактильным?

– Расслабься. Всем вокруг абсолютно все равно, они слишком заняты собой, – сложив меню на стол, потянулся через стол и взял ее за руку. – Выбери любое приглянувшееся блюдо и ешь как тебе удобнее.

– А шаурмы тут нет? – вынырнула из-за папки она.

– Шаурмы?

– Ну да. У нас на районе был один беженец, Мустафа, – Кейт оживилась, начиная бурно жестикулировать.

– Мустафа?

– Да. Никогда не слышал? – она начинала тараторить, всегда так делает, когда нервничает. – Как в песне Queen. Mustapha Ibrahim, Mustapha Ibrahim, – пропела она немного громче, чем следовало.

Настроение Уилсон зашкаливало в своем позитиве. В ней словно щелкнул некий тумблер, переключивший ее на открытость и откровенную игривость. Да, она все еще смущалась, озорно улыбаясь на шутки, но совершенно точно расслабилась, после беседы о прошлом. А не снятое напряжение однозначно, подстегивало нас обоих.

Женщина за соседним столиком оглянулась, сканируя мою спутницу надменным взглядом, излучающим полное презрение.

– Что? – не осталась в долгу Уилсон. – Это Queen, Фредди Меркьюри, с усами такой, – она приложила указательный палец над верхней губой. – Стыдно не знать.

Посетительницу перекосило от такой дерзости, она отвернулась, делая вид, что обращались вовсе не к ней.

Я чуть не стек под стол от умиления.

«Может нахер все? Забрать ее с собой в Чикаго и свалить подальше из этого проклятого города?»

– Он такую шаурму делал, – продолжила Кейт, уже обращаясь ко мне. – Один раз попробуешь, потом подсаживаешься, – она слегка наклонилась, понизив тон. – Сто пудов добавлял туда наркоту, другого объяснения не вижу.

– Говорят, в шаурму кладут собак, – начал подкалывать я.

– Я слышала про котов, – парировала Кейт.

– Не трогай котов. Это святое, – возмутился я за своих любимцев.

– А ты собак, – она прищурилась, сверля меня взглядом.

– Слышал такую фразу, – сделав паузу, постарался как можно точнее вспомнить формулировку. – Собак заводят те, кто хотят, чтобы их любили, а котов те, кто готовы любить сами.

Она нервно заправила прядь волос за ухо и забегала глазами по помещению.

– Уговорил, – собравшись с мыслями, Кейт вернулась ко мне взглядом. – Можно завести и собаку, и кота.

Она замолчала, делая самое невинное личико.

– Уилсон, – я улыбнулся. – Ты очаровательна.

Моя спутница вспыхнула щеками, утыкаясь обратно в меню.

– Может устрицы? – предложил я.

– Фу, нет. Они выглядят не съедобно, – она поморщилась. – Я предпочитаю класть в рот то, что выглядит съедобно.

– Вот как, – бровь поползла вверх, изумленно выгибаясь.

Секундная пауза, после которой мы засмеялись едва ли не на весь ресторан. Теперь на нас смотрели уже все.

– Я про еду, Люци!

– М-м-м, понимаю, – меня снова чуть не пробрал смех. – Кстати. Хочешь открою неожиданный факт обо мне?

– Удиви меня, – Уилсон выжидательно уставилась на меня.

Я полез в задний карман брюк, извлекая оттуда водительские права, и протянул их Кейт. Наверное с минуту она просто смотрела на имя, переводя взгляд на карточку и снова на меня.

– Тебя зовут Люцифер?!

Женщина за соседним столиком вновь обернулась.

– Отец большой шутник. Вписал такое имя в свидетельство. Мама когда увидела чуть не прибила его, но менять было поздно, – пояснял я, наслаждаясь удивлением на ее лице. – Зато когда я орал по ночам, не затыкаясь, она согласилась, что меня точно будто из преисподней сослали на землю.

Кейт рассмеялась своим самым звонким смехом.

– Ох, обалдеть, – девушка вернула права, мечтательно улыбаясь. – Люцифер. Люцифер, – все пробовала она имя на вкус. – Хорошо звучит.

За всей болтовней мы так и не определились с едой, к нам подошел официант, ожидая заказ.

– Что ты будешь?

– Возьми на свой вкус. Тут все такое понтовое, – она хлопнула папкой.

– Понтовое, – повторил я.

– Записывай, записывай, – Уилсон помахала пальцем. – И десерт.

– Какой?

– Шоколадный с шоколадом и шоколадом политый, – уверен, она уже болтала ногами под столом от нетерпения.

– Не слипнется? – невзначай поинтересовался я, краем глаза заметив как смутился официант.

– Не. В самый раз.

Я озвучил официанту наши пожелания, тот все записал и удалился, не скрывая радости от того, что ему больше не нужно слушать столь странные беседы.

Несмотря на достаточно приличную заполненность, заказ принесли очень быстро. Мы приступили к еде, продолжая разговор.

– Ты серьезно не слышал все эти словечки, которые я использую? – Кейт отрезала кусок стейка, и принялась активно жевать его.

– Только некоторые.

– В ваших богатых школах такому не учат, – подколола она.

– С чего ты взяла, что я учился в богатой школе?

– Чуйка, – пояснила Уилсон. – Я прямо представляю, как ты просыпаешься утром и, выходя во двор своего шикарного дома, командуешь дворецкому: «Альфред, подгоните Бэтмобиль к главному входу, я еду в школу», – она включила все свои актерские способности, изображая меня в ее представлении.

Я чуть не поперхнулся, почему-то даже самые дурацкие шутки в ее исполнении были ужасно милыми и смешными. Улыбка не сползала с моего лица весь вечер, от непривычки даже заболела челюсть.

– Во-первых, у меня не было дворецкого, я из семьи со средним достатком. Но в школу ходил престижную, это правда. А во-вторых, – сделав паузу акцентировал внимание, – я в твоих глазах как Бэтмен?

– Конечно. Этому городу ведь нужен новый герой? – Кейт блеснула глазами, положила вилку и приставила руки к макушке, изображая уши.

– Тогда ты будешь Харли Квин.

– Почему это? – неподдельно удивилась она.

– В тебе есть безуминка.

– Это вместо изюминки? – Уилсон сделала губы бантиком. – Не люблю изюм.

– А мне нравится. Особенно в выпечке, – признался я.

– Да ты извращенец! Я ухожу, – она сложила приборы, делая вид, что встает.

– Пешком пойдешь до Линдена? – сохранял я непоколебимость.

– Угоню твою тачку.

– Ты еще и машины угонять умеешь? – у меня чуть кусок поперек горла не встрял.

– Плохой район, Люцифер. Помни об этом, – пригрозила Уилсон пальцем.

– Придется применить свои наручники для задержания особо опасной преступницы, – вставил я очередную двусмысленную фразу в нашу беседу.

Женщина за соседним столиком очень заинтересовалась, стрельнув глазами в мою сторону. Я одарил ее совершенно равнодушным взглядом, сосредоточивая внимание на реакции моей спутницы.

Раздраживание аппетита достигло своего пика, еще немного и мы накинемся друг на друга прямо здесь, посреди ресторана и кучи гостей. Кейт облизнула губы, сверкнула глазами, и томным, не оставляющим никаких сомнений в смысле слов голосом произнесла.

– Надеюсь, вы зачитаете мне мои права, детектив.

Твою-то мать. Этот вечер определенно претендовал на роль самого охуенного вечера за последние пять лет.

***

Дорога назад пролетела незаметно, мы продолжили спорить о вкусах и взглядах на жизнь, пока Кейт опять перебирала мою музыку. На улице заморосил дождь, орошая мелкими каплями лобовое стекло.

Дворники сметали воду, тихонько повизгивая, вклиниваясь в паузы между песнями и нашими разговорами. Давным давно стемнело, ночная трасса встретила нас огнями фонарей, бросающими желтоватые блики на собирающиеся лужи. Даже промозглость погоды не могла разрушить те тепло и уют, которые наполняли салон авто, служивший сейчас крохотным островком безопасности в беспощадном окружающем мире. Жаль, нельзя остаться тут навечно.

Мы припарковались у дома, Кейт нехотя выбралась из машины, накидывая капюшон на голову.

– Дурацкая сырость, дождь этот теперь до талого будет идти, – бубнила она, пока мы поднимались по лестнице.

– До талого, – вторил я как попугай.

– А потом еще и снегодождь начнется, – уже перестала реагировать на мои повторения Уилсон.

– Это снег с дождем? – предположил я.

– Да. Мерзейшая вещь.

Я открыл дверь в свою квартиру, Кейт зашла как к себе домой, совершенно не смущаясь и не пытаясь направиться к себе. Снял пальто, забрал парку из ее рук, пока Уилсон освобождалась от ботинок. От влаги ее волосы слегка распушились, теперь она напоминала взъерошенную маленькую птичку.

– Спасибо за вечер, – Кейт обняла меня за шею, привстав на носочках. – Я еще никогда не чувствовала себя настолько потрясающе.

Она потянулась к моим губам, я наклонился, прижимая ее как можно ближе, подхватил на руки и направился в спальню, разомкнув поцелуй только возле входа, когда попросил пригнуться.

Дойдя до кровати, плавно опустил на простыни, ложась сверху. Кейт снова увлекла меня в пьянящий затяжной поцелуй, перенесла ладони с моей шеи на грудь и начала расстегивать рубашку. Медленно, пуговица за пуговицей, едва касаясь кожи прохладными пальцами. Следом она ловко справилась с ремнем на брюках и молнией, высвобождая хлопковую ткань из-за пояса. Пальцы коснулись пресса, очерчивая каждую напряженную мышцу, устремились

вверх, поднялись до груди, остановились на пару секунд, затем нырнули под ворот рубашки, сбрасывая ее с плеч. Я отодвинулся, помогая освободить себя от одежды.

Потянув край платья наверх, снял его с девушки, оставляя ее только в белье. В полутьме спальни она выглядела чертовски соблазнительно, растрепанные волосы, стройная фигура, с плавными изгибами. Я залюбовался, немного отвлекаясь, но Кейт вернула меня к реальности, провела пальцем по линии косых мышц слегка оттянув резинку боксеров.

Желание практически искрило между нами, разрядами тока отзываясь в каждом прикосновении. Я хотел ее, вождеделел как обезумевший, дорвавшись до возможности завладеть этой девушкой, совершенно не понимая, как ей удастся вызывать во мне это давно забытое чувство.

Я завел руку ей за спину, расстегнул лиф, оголив аккуратную небольшую грудь, до которой все же сумел добраться утром, с трудом оторвавшись после звонка злосчастного будильника. Обнял за талию и плавно переместил со своих коленей на кровать.

Затем отстранился, чтобы снять последнюю одежду. Уилсон часто дышала, кусая губы от нетерпения, изучая голодным взглядом мое тело. Я навис над ней, подцепил большими пальцами края трусиков, Кейт приподнялась, помогая снять с себя последний элемент белья. Поймал ее изящную стопу в воздухе, в полутьме блеснул длинный шрам на голени, наклонившись, я оставил на нем поцелуй, отчетливо различив в тишине изумленный вздох девушки.

Медленными поцелуями по внутренней стороне бедра начал подниматься выше, нежно, но ощутимо сжимая кожу бедер, покрывающуюся крупными мурашками под каждым моим касанием. Нарочито дразня, обжег горячим дыханием низ живота, срывая тихий стон с ее губ. Дошел до тонкой полоски шрама, обозначая ее поцелуем, следующий был шрам на животе.

Провел руками вдоль талии, устремляясь выше и беря в плен сосок, начав перекачивать его между пальцев. Более быстрые и отрывистые поцелуи по телу, до самой шеи, Кейт зарылась пальцами в волосы на моем затылке, предоставляя всю себя для ласки. Добравшись до линии челюсти, касанием губ приблизился к ее губам, застыв на мгновение.

– Ты красивая, – шепнул, стараясь не разрушить трепетность момента, она смотрела на меня затуманенным взглядом, привлекла к себе для пламенного поцелуя, сносящего крышу.

Горячие бедра коснулись моей талии, Кейт прильнула ко мне грудью, обвила ногами и прижалась так же, как утром, с той лишь разницей, что теперь нам ничего не мешало.

– Я хочу тебя, – она нетерпеливо поерзала, сводя с ума от желания своими действиями.

Я крепко стиснул ее талию, входя медленным, плавным движением, наслаждаясь тем, как узко и жарко внутри. Вся спина покрылась мурашками, а по венам будто пустили ток, от упоительного наслаждения долгожданным моментом.

– Люцифер, – выдохнула Кейт мне в губы, перемещая ладони на мои плечи, цепляясь за напряженные мышцы.

Движения, плавные и размеренные, постепенно перерастающие в резкие и быстрые. Ее сладкие стоны, отражающиеся от стен, ласкали слух, хотелось никогда не заканчивать этот волнующий момент.

Мир, сжавшийся до размеров комнаты, где есть только мы двое. Разгоряченные тела в ночной тьме, капелька пота скользнувшая по спине.

Я немного отстранился, опуская руку вниз и прижимая большим пальцем клитор,хватило лишь пары круговых движений. Кейт протяжно застонала, сжимаясь мышцами

вокруг моего члена и впиваясь ногтями в спину, наверняка останутся царапины.

Я едва не забыл выйти в последний момент, слишком увлеченный страстью.

Лег рядом, переводя дыхание и сгребая в охапку Кейт, та только и успела, что пискнуть, секундой позже прижавшись как можно ближе.

Не успел я толком собрать в кучу мысли, разметавшиеся по черепной коробке после такого потрясающего дня, как Уилсон метнула в меня хитрющий взгляд, оседлала одним ловким движением, перекидывая ноги через мои бедра, и цапнула с тумбы наручники.

– Кажется, вы обещали меня арестовать, детектив, – она подняла браслеты, покачивая их на одном пальце.

Я опешил, не понимая, шутит она или может берет меня на слабо.

– Ты серьезно?

В ответ Кейт улыбнулась, защелкивая одно из колец на тонком запястье.

– А ты как думаешь? – она подняла руку, демонстрируя свои намерения.

Я потянул за свободный конец наручников, Уилсон почти впечаталась в мое тело, но в последний момент затормозила, пожирая взглядом, полным желания.

– Очень надеюсь, что мне зачитают все мои права.

«Твою же... Где ты была раньше?»

Глава 7. Вопросы доверия

От моего предложения Люцифер завелся с пол оборота, притянул к себе за свободный конец наручников, пожирая взглядом и ловя каждую, даже самую малозаметную эмоцию.

«Неужели думает, что я несерьезно?»

– Смелее, детектив, – я покачала бедрами, немного привставая. – Опасная преступница может податься в бега, – выдохнула ему прямо в губы, отодвинулась назад и нарочито выпятила грудь.

Люцифер одной рукой обхватил мою талию, резко укладывая на кровать. Я только успела вздохнуть от неожиданности, оказываясь прижатой им. Он поднял мою руку, на которой красовался один браслет наручников, звякнул металл о декоративную рейку спинки кровати.

Мне всегда было непонятно, зачем Джек поставил такие замысловатые кровати в своих квартирах. Возможно это был дизайнерский порыв, возможно простое совпадение, но факт остается фактом – конструкция кровати оказалась весьма кстати в наших играх.

Щелчок. Я оказалась пристегнутой за одну руку к спинке.

– Будем считать, что ты задержана, – Люцифер куснул мочку уха, проведя языком по шее вниз до самых ключиц. – До выяснения обстоятельств, – произнес он, начиная спускаться ниже.

– Ты туда полез права зачитывать? – шутка вырвалась прежде, чем я успела приструнить своего внутреннего стендапера.

Люцифер громко расхохотался, теряя весь игривый настрой.

– Уилсон, – он никак не мог успокоиться, встал с кровати, продолжая смеяться, и вышел из комнаты, оставляя меня прикованной.

– Эй! А я?!

– А ты задержана, – прокричал он, похоже из кухни.

«Не на ту напал».

Я села, осмотревшись по сторонам. Ключи от наручников лежали на тумбе, со стороны Люцифера. Дотянуться рукой не вышло, не хватало буквально немного, но постарайся я достать, точно вывернула бы себе руки.

Соотнеся расстояние и свое положение, решила, что можно исполнить небольшой акробатический трюк. Легла на спину, ногами в сторону тумбочки, вытянула стопу, прикинув, что в теории смогу сделать задуманное. Извернулась для принятия более удобной позы, махнула ногой и ударилась о деревянную поверхность пяткой.

– Ты там кровать ломаешь? – донесся вопрос.

– Да!

«Надо поторопиться».

Пыхтя от спешки и неудобства положения, все же смогла дотянуться до ключа на тумбочке ногой, подвинула его чуть ближе, схватив пальцами.

«Есть!»

Остались последние штрихи на пути к свободе. Зайди сейчас Люцифер обратно, ему предстала бы картина, достойная отдельного места в галерее современного искусства, с каким-нибудь провокационным названием, вроде «Девочка в наручниках задом кверху. Фото в цвете».

Подняв ногу с добычей и прицелившись, я разжала пальцы, мой путь к свободе в виде ключа шлепнулся мне прямо на грудь. Дальше дело осталось за малым. Я вставила ключ в замок и повернула, освобождая себя.

«Теперь еще посмотрим, кто тут задержан».

Идея была проста до безобразия, но выполнима ли – вопрос. Вытащив ключ, взяла наручники, сложила их так, чтобы они не гремели, и начала красться в сторону кухни.

Люцифер стоял возле окна, задумчиво глядя на ночную улицу. На долю секунды я замерла, открыв рот от увиденного.

Несмотря на сумрак в помещении, благодаря тусклому свету фонаря можно было легко различить фигуру возле окна. Высокий, мускулистый, с широкими плечами и накаченной спиной, он выглядел словно статуя из музея искусств, не меньше. Взгляд опустил ниже, остановившись на крепкой мужской заднице.

«Зачем я вообще сюда пришла?»

Тряхнув головой, постаралась прийти в себя, продолжила на цыпочках подходить ближе. Почти достигнув цели, тихо расцепила кольцо наручников, потянулась к татуированной руке, собираясь защелкнуть его на мужском запястье, как вдруг Люцифер резко развернулся, ловя меня на подходе. От неожиданности я вздрогнула, собираясь отступить назад, но не успела, пойманная крепкими мужскими руками.

– Правда думала, что я тебя не услышу? – он прижал меня к себе, забирая наручники.

Его глаза жадно изучали панику вперемешку с озорством, отпечатавшиеся на моем лице, пока я стояла, замерев как олень в свете фар. Понятия не имею, как он это делал, но я каждый раз таяла под его горящим взором, немея от неосязаемого воздействия.

Не знаю, в какой момент я вдруг стала восхищаться им, но сейчас он выглядел чертовски соблазнительно. Взъерошенные волосы придавали немного небрежности его статному образу, делая его еще более пикантным, чем это вообще, казалось бы, возможно.

– Что ты тут делал?

– Водички попить пошел, – Люцифер продолжал наступать, пока я пятилась задом, заключенная в его хватку. – Ты как выбралась?

– Ловкость рук и никакого мошенничества, – протянула я, начиная заигрывать.

На лице сама собой расползлась хитрая ухмылка, которую я тщетно пыталась спрятать за нервным покусыванием губ. Постаравшись внезапно выкрутиться из плена, отскочила назад, но тут же была схвачена вновь. Он замер, буквально впечатывая меня спиной в свою крепкую грудь, придерживая одной рукой под грудью.

– Руки за спину, Кейт. Вы арестованы, – он защелкнул один из браслетов на моем запястье, я повиновалась, заводя руки назад.

Металл коснулся кожи, раздался щелчок. Теперь я была скована, с руками позади себя. За всеми заигрываниями мы оказались в зале. Спальня была слишком далеко, чтобы возвращаться туда, зато как нельзя кстати пришелся диван, так и не опробованный до сих пор.

Люцифер подвел меня к нему, держа за предплечье.

– На колени, – его тон стал таким непривычно властным, что я послушно выпрямилась по струнке, выполнив его просьбу.

Внутри все затрепетало от предвкушения, учащая ритм и без того взволнованно колотящегося сердца. Я опустила колени на пол, упираясь в сиденье животом.

Люцифер завел руку между моих ног, толкнув одну из них.

– Шире, – коротко приказал он.

Я покорно исполнила приказ, заелозив по паркету, неприятно обжегшему кожу.

Меня бросило в жар. Распушенные волосы слегка прилипли к спине, вызывая желание собрать их. Я покрутила головой и плечами, пытаюсь откинуть их в сторону. Он догадался в чем дело, собрал растрепанные пряди, убирая их мне на плечо, хотя больше чем уверена, ему хотелось открыть себе обзор на мою спину.

Секундой позже мои догадки подтвердились, Люцифер провел пальцами по спине от задней поверхности шеи до поясицы, добрался до ягодицы, ощутимо стиснув ее, срывая возбужденный вздох.

Положение было очень неустойчивым, я слегка покачнулась, но Люцифер придержал меня за предплечье, которое он так и не отпустил. Напряжение в теле, вызванное позой, только подстегивало ощущения, вынося их на другой, ранее мне неизвестный уровень. Каждая мышца чутко отзывалась на малейшее движение, усиливая чувствительность всего тела.

Люцифер стал опускаться ниже, перемещая руку на середину бедра с внутренней стороны, заскользил вверх, горячая ладонь легла прямо между ног. Я свела лопатки, подаваясь назад, в животе приятно защекотало, отзываясь легким, томительным спазмом. Люцифер не спешил начинать активные ласки, явно затеывая непростую игру. Он переместил вторую руку вперед, провел по животу, рисуя вокруг пупка витиеватые узоры, пробираясь ими выше. Уверенная ладонь легла на мою грудь, сжимая до приятной боли, пальцы потянули сосок, разгоняя по телу электрические импульсы. Я погружалась в неопиcуемый транс от этих манипуляций с моим телом, которых мне еще никогда не доводилось испытывать. И они мне ужасно нравились, отзываясь сладкой истомой глубоко внутри.

– Вы, Кейт, – вывел меня из мечтаний его хрипловатый спокойный голос. – Нарушили закон, – он нагнулся еще ближе, оказываясь возле самой шеи. – Сбежали из-под стражи, – закончил, жарко выдыхая свой вердикт.

Самое время было ответить какую-то колкость или шутку, но я только смогла простонать дрожащим от возбуждения голосом. Готова поклясться, Люцифер улыбался, жутко довольный собой.

– Требую адвоката, – включилась я в игру, не придумав ничего оригинальнее.

– Обязательно, – он надавил средним пальцем на клитор, одновременно перемещая ладонь на вторую грудь. – Но пока что я проведу допрос, – палец переместился ниже, стал кружить на входе, размазывая обильно выступившую смазку. – С особым пристрастием.

– Я ничего не скажу, – отыгрывала я несговорчивого подозреваемого, при этом раздвигая ноги еще шире.

– Это мы еще посмотрим, – насмешливо парировал Люцифер, входя пальцем лишь на одну фалангу.

Черт, этого было мало, катастрофически мало. Я хотела полноценной ласки, активной, агрессивной. Он дразнил меня, понимая, какой эффект получит.

– Вам придется очень постараться, детектив, – севшим голосом опротестовала его заявление.

Люцифер только усмехнулся, начиная перекачивать сосок между пальцев, все так же лишь раздраживая мой аппетит. Он стал покусывать шею от самого уха и до сгиба плеча. Я качнула бедрами, насадившись на ласкающий меня палец между ног. Сделав только хуже себе, теперь мое желание становилось практически нестерпимым.

– Я приложу максимум усилий, – не скрывая своего удовлетворения моим поведением, он добавил второй палец, но остался неподвижен, давая мне возможность показать себя.

Скованные за спиной руки делали положение не самым устойчивым, не позволяли увеличить амплитуду до нужной. Единственное, что не давало свалиться в попытках получить удовольствие – это рука на моей груди, пальцы которой слегка покручивали сосок, одновременно придерживая меня.

– Думаю, нам стоит углубиться в беседу, – Люцифер остановил мои движения, начиная сам ласкать меня пальцами, погружая их все быстрее и быстрее.

Сомнений в том, что мне нравится происходящее, не осталось ни у кого – между ног было до неприличия мокро.

Я выгнула спину, блаженно закатив глаза. Все, что нарушало тишину – это мои стоны, эхом отражающиеся от стен, и звук ливня за окном. Почувствовав приближение разрядки, я задыхалась чаще, напрягаясь всем телом. Это не укрылось от Люцифера.

– Не надумали говорить, Кейт? – он резко убрал пальцы, оставляя меня без удовольствия. Я требовательно заскулила, недовольная таким раскладом.

– Я... все скажу, – подыграла, понимая, что иначе никак.

– Чудесно, – он снова проник в меня пальцами, на этот раз убрав вторую руку с груди и запуская пальцы в волосы на моем затылке.

Люцифер повелительно повернул мою голову так, чтобы я оказалась смотрящей в сторону и вверх, прямо в его глаза.

– Если вы будете лгать, Кейт, я увижу все по глазам, – он возобновил движения, напористо и интенсивно двигая рукой.

Я стонала, ощущая приближающийся оргазм, но глаза не закрывала, замечая, какое удовольствие получает от моей реакции Люцифер. По телу пробежал колючий, приятный разряд, от пят до макушки, заставивший задрожать ноги. Люцифер сильнее потянул мои волосы до приятной напряженности в шее, жадно наблюдая за мной. Сладостный крик сорвался с губ, мешая сделать полноценный вдох. Я закрыла глаза от наслаждения, охватившего меня, и впиалась ногтями в свои ладони. Мне нужна была передышка, но вот Люцифер так не считал.

Он прижался ближе, обжигая пылающей кожей своей груди мою спину, его член коснулся моего бедра. Рука с моего затылка переместилась на шею, мягко фиксируясь, он погладил большим пальцем линию челюсти, отклоняя мою голову вбок.

– Совсем забыл, – Люцифер провел головкой по половым губам, размазывая смазку на входе. – Вы имеете право хранить молчание, – проговорил он, одновременно зажимая мне ладонью рот и входя сильным толчком.

Я промычала в ладонь, откидывая голову ему на плечо. Люцифер обнял меня за талию и сразу набрал быстрый темп, размазывая влагу между нами по моим ягодицам.

Плечи и руки ныли от долгого нахождения в одной позе. Я сжала кулаки, натягивая наручники, и прогнулась в пояснице, стараясь как можно теснее прильнуть к нему задом. Теперь мое сдавленное мычание дополнилось шлепающими звуками, только больше распалаящими нас обоих.

Меня затрясло мелкой дрожью, сжимая каждую, даже самую крошечную мышцу в теле. Люцифер быстро убрал ладонь, давая волю сладостному вскрику, в котором я с трудом узнала себя.

Я едва держалась на ногах, в голове кружилось от силы ощущений, спина покрылась

испаринной от близости тел. Я хрипло вдыхала, стараясь прийти в себя и наполнить легкие кислородом, пока Люцифер продолжал двигаться. Он закончил, тихо простонав в мое плечо и стискивая талию двумя руками. Теперь и ему потребовалось несколько минут для восстановления дыхания, которые не позволили сразу отстраниться друг от друга.

– Сейчас, – он с трудом поднялся, и пошел в спальню за ключом, пока я из последних сил держалась на ногах.

Коленки, вдавленные в пол, ныли, как и затекшие руки.

Люцифер вернулся, освободил меня из плена, мы развалились в обнимку на диване, приходя в себя.

– Ты как? – спросил он обеспокоенно.

– Потрясающе, – мечтательно протянула я, разминая онемевшие плечи.

– Нравится грубость в постели? – он положил руки мне на плечи и стал помогать разогнать кровь.

– Это заводит, – я повернулась боком, заглядывая ему в лицо. – Разве нет?

– Да, – коротко согласился Люцифер, опуская взгляд на мои покрасневшие запястья. – Следы останутся.

– Да хрен с ними. Надену что-нибудь с рукавом.

Я нехотя сползла с дивана, направляясь в сторону душа. Люцифер даже не думал оставлять меня одну, поднялся, направляясь следом за мной. Не успела я дойти до своей цели, как он быстрым движением обогнул меня и закинул себе на плечо.

– Что ты делаешь?! – возмутилась, едва успев схватить его за спину от испуга.

– Совместный душ – весьма приятное занятие, – он похлопал меня по заду, заходя в душевую и включая воду.

Люцифер поставил меня на пол рядом с потоком воды, свежие капли попадали на разгоряченную кожу, приятно охлаждая.

– А ролевые игры будут? – завелась я. – Говорят, в тюрьме...

Люцифер молниеносно прижал меня к стене, вновь закрывая мне рот ладонью. Он нависал надо мной, насмешливо рассматривая мою реакцию, его глаза задорно блестели, обещая мне любые ролевые игры, если я умудрюсь не сбить нам настрой.

– Нужно купить кляп, – изрек Люцифер.

– М-м-м, – игриво промычала я в ладонь, которую он тут же убрал, удивленный таким энтузиазмом. – Почему бы и нет.

На его лице сменилась целая гамма эмоций от удивления до восторга, в сопровождении лукавой улыбки.

– Чего? – я округлила глаза. – Я за любой кипиш, кроме голодовки.

– Кипиш, – отзеркалил он.

– Именно.

– Уилсон, – выдохнул Люцифер, начиная вести рукой по моему телу вниз. – Ты очаровательна.

Я охотно обвила его шею, прижимаясь ближе и позволяя завладеть собой.

Спать мы легли нескоро.

Утро начинается не с кофе, а с Люцифера. У меня теперь так точно.

В этот раз я проснулась раньше него и теперь лежала тихонько как мышка созерцающая. Именно так, ведь другим словом описать то, что я делала, не получится. Да и есть ли смысл упрощать эпитеты в его сторону?

Противозаконно быть таким обалденным. Может он вообще не настоящий? Я ущипнула себя за руку, крепко зажмурившись, но когда открыла глаза, мужчина никуда не пропал, все так же лежал рядом со мной.

Я любовалась идеальными чертами лица: выраженными скулами, четкой линией челюсти и ровным носом – весь его профиль словно высек умелый скульптор из мрамора, а не произвели на свет обычные люди. Или может в действительности его создали демоны, чтобы соблазнять таких, как я? Даже легкая небритость выглядела уместно, сглаживая впечатление от идеальности, оставляя что-то простое и человеческое в этом образе. Взгляд остановился на губах, мысленно относя меня во вчерашний вечер. Мне тут же захотелось поцеловать Люцифера, в чем я не стала себе отказывать.

Подтянулась поближе, дотронулась губами сначала лишь до его щеки, не отрываясь, переместилась дальше, легко коснулась губ своими. Поначалу я подумала, что он так крепко спит, не последовало никакой реакции, но затем уголки его губ едва заметно поднялись вверх. Люцифер открыл глаза, с хитрым прищуром повернувшись в мою сторону.

– Теперь ты маньячишь по утрам? – он повел бровью, пробежавшись хищным взглядом по мне.

– Не все же тебе этим заниматься, – я положила ладонь на татуированную грудь, очертила узоры, плавно обвела мышцы, и направила ее вниз.

Люцифер перехватил инициативу так быстро, что я не успела среагировать. Он перекатил меня на спину, прижимая к прохладной простыни, зафиксировал мои запястья над головой в своей крепкой хватке, наклонился, дразня поцелуем, еле заметно дотронувшись до моих губ. Дыхание тут же сбилось под этим безудержным напором. Мне до дрожи в коленках нравилось, как он показывает свою силу и властность в таких моментах, овладевая мной. Его мускулистое тело и пылающая кожа сводили с ума, заставляя одним прикосновением вспыхивать, как спичку, точно зная – в конце я сгорю до тла.

Особенно мои любимые руки с напряженными мышцами, держащие сейчас мои, а вчера вечером умело ласкавшие меня в самых чувствительных местах.

Если бы у моего возбуждения был прибор измерения, циферблата перестало бы хватать сразу после первого прикосновения ко мне.

Я потянулась к нему, намереваясь получить желаемое, но Люцифер снова лишил меня этого, растягивая губы в самой дьявольской улыбке.

«Сейчас я тебе покажу».

Злорадно подумала я закидывая ноги на его бедра, вильнув ими по направлению вверх. План удался, как и было задумано. Я четко проехала промежностью по его члену. Он уже был возбужден.

– Быстро же ты, – подначивала я.

– Уилсон, – Люцифер шумно вдохнул. – Как можно быть такой милой в жизни и такой развязной в постели одновременно?

– Я постельный Билли Миллиган, – начала шутковать я по привычке, но тут же замолчала. – Черт, прозвучало как постельный клоп. Ну да ладно, – понесло меня.

Он расхохотался, отпустил мои запястья, перенес руки мне на талию и уткнулся лбом в

ключицу.

Люцифер смеялся пару минут, с трудом заставив себя успокоиться, пока я улыбалась с его реакции до боли в щеках.

– Ты можешь не шутить хотя бы во время секса? – отдышавшись, задал он вполне себе логичный вопрос.

– Оно само, я не специально, – невинно захлопав глазами, я положила ладони на его плечи, заскользив ими вниз по спине.

– Точно куплю тебе кляп, – Люцифер сжал мою талию, наклоняясь к шее.

Провел влажную дорожку языком вверх, завершая воздействие покусыванием, отозвавшимся щекочущим импульсом между лопаток.

– И плетку, – томно дополнила я, подставляя шею.

– Обязательно, – согласился Люцифер, оттягивая зубами мочку уха, пока его руки блуждали по моему телу, заставляя извиваться от нетерпения.

Я опять взялась за свою дразнящую игру, задвигав бедрами с большей амплитудой. Он тихонько рыкнул, оттягивая волосы на моем затылке назад, стал быстро-быстро опускаться поцелуями вниз к груди. Втянул губами сосок, с причмокиванием отпустив, пока ладонь свободной руки сминала вторую грудь. Сжимая кулаками подушку, я устремилась навстречу прикосновениям, отдаваясь дурману возбуждения в моей голове, дающему зеленый свет любым фантазиям.

Люцифер стал спускаться ниже, щекоча языком кожу живота, следом обрушивая на него мокрые, жаркие поцелуи. Его дыхание, обжигая, тронуло мой лобок. Он обхватил бедра, разводя мне ноги шире. Язык прошелся по всей длине, раздвигая складки, обвел вход, проник внутрь. Пара движений, имитирующих член, и его место заняли пальцы. Люцифер начал ласкать языком клитор, энергично двигая вверх-вниз самым кончиком, пока пальцы набирали скорость, за считанные минуты разгоняя мое желание до нужной стадии.

Я запустила пальцы в его волосы, царапая ногтями кожу и шире разводя колени. Частые, короткие вдохи кружили голову, пока умелые ласки пускали волны неги по телу. Внизу живота начал собираться тугий комок напряжения, требующий усилить воздействие. Повинуясь ему, я ближе притянула Люцифера к себе, надеясь на то, что он не остановится, доведя меня до пика.

Но он внезапно прервался, выпрямляясь надо мной, и потянул меня за руку к себе. Я села, не понимая, что он задумал. Люцифер положил руки мне на талию, сделав жест, намекающий, чтобы я развернулась. О да, я охотно приняла правила игры, по щелчку подхватывая его настроение.

Развернувшись, встала на четвереньки, прогибая спину, наклонилась вперед, опираясь на согнутые локти. Небольшое движение назад, я покрутила задницей, мои ягодицы потерлись о его горячий член.

Люцифер шумно втянул воздух сквозь сомкнутые зубы, кладя ладони на мои бедра.

– Ты где такого нахваталась?

– Все тебе расскажи, – самым сладким голосом ответила я, продолжая бесстыже тереться о него.

Он нагнулся, делая наш контакт теснее, положил ладонь на мою шею, погладив ее. Я выпрямилась и встала на колени, упираясь руками в кровать. Он перенес руки на мой зад, тиская его с ощутимым нажимом.

Не помню, доводилось ли мне когда-либо чувствовать себя так расслаблено в постели,

свободно делая все, что велит сиюминутное желание, совершенно не стесняясь своего развратного поведения. Каким-то невероятным образом этот человек рождал во мне нечто новое, неизвестное ранее, определенно приходившееся мне по нраву. Я отпустила себя, дав волю всему приходящему в голову, чувствуя и видя, как отзывается его поведение такой же открытостью в ответ.

Люцифер отодвинулся, вызвав секундное недоумение, которое я даже не успела выразить, когда в следующий момент его член проник в меня, давая такое ожидаемое приятное ощущение наполненности. Я довольно охнула, замерев в предвкушении.

Он начал двигаться медленными, чувственными, размеренными толчками, в такт которым я постанывала.

– Возьми меня за волосы, – севшим голосом попросила я, понимая, что мне не хватает агрессии в его действиях.

Люцифер остановился, собирая растрепавшиеся пряди, закрутил их в жгут, наматывая на кулак. Слабо, прощупывая почву, потянул на себя. Я откинула голову назад, внутренне ликуя такой сговорчивости.

Он возобновил толчки, по-прежнему неспешные, но все еще чего-то не хватало.

Мозг никак не мог понять, чего именно, пока жгучий шлепок не обжег кожу, заставив дернуться, натягивая волосы в его руке.

– Еще, – одобрила я эти действия.

Люцифер увеличил амплитуду, задвигавшись активнее и выполняя мою просьбу. Я довольно простонала, однозначно давая понять, как мне нравится происходящее.

Мои прерывистые стоны становились все громче по мере продолжения. Легкая боль, граничащая с удовольствием, будоражила кровь, унося разум далеко за пределы здравого смысла, не позволяя задуматься об истоках восторга такой практикой. Блаженство разливалось по всему телу, заполняя каждую его клеточку. Мне нравилось, как откликалось все мое естество на происходящее. Я словно чувствовала себя именно там, где надо, и именно так, как нужно.

Чувства обострились до предела, концентрируясь и отсекая все лишнее вокруг. Только горящая от ударов кожа, натянутые волосы, грубые толчки, обилие влаги, и воздух, накаленный до предела, такой, что каждый вздох обжигает гортань.

Я сжала руками простынь, дрожа от оргазма до кончиков пальцев, одновременно чувствуя, как пульсирует член внутри меня, а громкий мужской стон, разнесшийся по комнате, сливается с моим.

Люцифер отпустил мои волосы, сменяя агрессивное воздействие на нежное поглаживание по ягодицам и бедрам, оставил несколько поцелуев на спине и лег, обнимая меня.

Я растянулась на кровати, закрыв глаза, пока последние остатки удовольствия не схлынули, оставляя только приятную расслабленность. Люцифер лежал рядом, шумно дыша, его кожа блестела от пота, а грудь вздымалась в такт вдохам.

– Это было обалденно, – сказала я прежде, чем он задаст вопрос.

Люцифер закусил губу, одаривая меня восхищенным взглядом, повернулся на бок и прошелся по коже ладонью, щекотая подушечками пальцев от груди, до колена. Я захихикала, начиная извиваться.

– Ты маленькая извращенка, – вынес он вердикт, погладив мои ноги.

– Кто бы говорил, любитель изюма, – я тоже развернулась боком, оказываясь лицом к

лицу. – Но тебе ведь понравилось, по глазам вижу, – приблизилась и заглянула в блестящие восторгом глаза.

– Определенно, мне нравится такое твое поведение, – не стал он отпираться.

– Зашибись, – обрадовалась я, резво вскакивая с постели.

– Ты куда?

– В душ.

– Я с тобой, – Люцифер материализовался на пороге, пока я настраивала температуру воды.

– Мне вечером на работу, – вспомнила я, вставая под приятные теплые струи воды.

– До вечера еще уйма времени, – руки легли на мои покрасневшиеся ягодицы, нежно поглаживая.

– Ты ведь должен искать преступника, – я сделала паузу, разворачиваясь лицом к Люциферу. – Вряд ли ты найдешь его в моей вагине.

Он разразился гомерическим хохотом. Смеялся, запрокинув голову, одновременно обнимая меня и упираясь спиной в холодную плитку.

– Думаю, все равно стоит попытаться, – отдышавшись, пошутил он, затыкая мой рот жадным поцелуем прежде, чем я в очередной раз скажу нечто забавное и собью нам настрой.

Принятие душа в очередной раз затянулось по причине нового страстного порыва, в результате которого я изучила спиной каждый шов на плитке, закрепляя знания вчерашнего вечера.

Затем я все же решила перенести необходимые вещи из своей квартиры. Не церемонясь с одеждой, надела только трусы и футболку Люцифера, в качестве обуви напялив ботинки. Он смерил меня оценивающим взглядом, сказав, что я выгляжу очень мило, внутренняя скромница получила свою порцию восторга этим утром.

Пока я собиралась, он опять сделал набег на мой холодильник и приготовил завтрак, на который я накинулась так, словно не ела целую вечность.

– Завтра нужно снова посетить архив, – начал намечать план действий Люцифер. – Надеюсь найти там что-то стоящее. Ты же выходная? Поможешь?

– Как и обещала, – я кивнула, хрустнув поджаристым беконом. – Надо почитать материалы по Валери. Вдруг есть какие-то зацепки, – мозг быстро переключился с похотливого режима в режим раздумий над делом.

– Согласен, – он сделал глоток ароматного кофе, сосредоточенно кивая.

– Что насчет кошек? – вспомнила я разговор с шерифом.

– Кошек? – Люцифер вскинул брови от удивления.

– Соседка Валери сказала, что маньяк убил ее кошек.

– А. Ты об этом, – он махнул вилкой. – Она ведь сумасшедшая. К тому же, эти признаки относятся к детям и подросткам, а не ко взрослому человеку, уже убивавшему людей. Кошки для него слишком мелко теперь, – он отрицательно покачал головой.

– И все же, – продолжила настаивать я. – Вдруг она сказала нечто важное. Давай позвоним шерифу и спросим, как прошел их разговор?

– Да это пустая трата времени, говорю тебе.

– Люцифер, – я насупилась, перестав жевать. – За спрос денег не берут.

В ответ он цокнул, закатывая глаза, но сходил в зал за телефоном, набрал шерифа и включил громкую связь.

– Детектив, – отозвался представитель власти.

– Шериф, добрый день. Вы можете сказать, о чем именно шел разговор с соседкой-кошатницей Эванс?

– Зачем? – не понял собеседник.

– Для уточнения деталей, – Люцифер скептически посмотрел на меня, я показала в ответ язык.

Шериф как-то недовольно заскрипел и прокашлялся.

– Она сказала, что маньяк поубивал ее усатых педрюль, а потом убил Валери.

Мне пришлось зажать себе рот рукой, чтобы не заржать в голос. Я тихо хохотала в свою ладонь, жмурясь до слез, ведь Люцифера дичайше перекосило от того, как назвали его любимцев.

– Шериф, вы можете передать разговор дословно? – ворвалась я без церемоний, сумев взять себя в руки.

На том конце провода повисла тишина.

– Кейт, – он неловко покашлял. – Вы на громкой связи что ли?

– Да, – недовольно буркнул Люцифер.

– Хорошо, – быстро сдался шериф. – Она сказала: Он убил моих кошек весной, а сразу после этого – бедную девочку.

Мы замолчали, играя в гляделки. Люцифер уставился в одну точку, сдвигая брови в недоумении. Я тоже не поняла смысла слов.

– Алло? – нашего собеседника смутила тишина.

– Мы здесь, – вернулся к разговору Люцифер. – Сейчас осень, это уж точно не сразу после весны.

– Говорю же, – взбодрился шериф. – Поехавшая она.

– О какой девочке речь? – решила я уточнить.

– Да про Эванс она. О какой еще, – обрубил мужчина.

– Ладно, – начал сворачивать беседу Люцифер, явно утомленный ее бесполезностью. –

Если будут еще вопросы, я вас наберу.

– Без проблем.

Он нажал отбой, блокируя экран смартфона.

– Видишь, ничего полезного. – Он вернулся к своему завтраку.

– Странно все это, – я запихала в рот остатки яичницы, задумчиво жуя. – Линду убили в июне, – осенило меня. – Может речь о ней.

Люцифер почему-то опечалено посмотрел на меня, стушевавшись от моего вопроса.

– Кейт, она просто не дружит с головой. Здесь я согласен с шерифом, – он одним щедрым глотком допил кофе и встал.

– Но почему?! Линду убили как раз летом, после весны, – я тоже закончила с завтраком, начиная помогать убрать посуду.

– Просто поверь мне. Хорошо? – Люцифер произнес это так наставительно, словно я пристала с какой-то глупостью.

– Ты знаешь, что ты слишком самоуверен? – скуксилась я, натирая тарелки.

– Считаю это скорее достоинством, чем недостатком, – почему-то повеселел он.

– Твоя самоуверенность тебя однажды подведет, – постаралась запугать, но он не поддался на провокацию.

– Сомневаюсь, птичка, – Люцифер вытер руки и тронул меня за кончик носа, тепло улыбаясь.

– Птичка? – Я поставила последнюю тарелку в шкаф.

– Да, ты похожа на птичку.

– Курлык, – я взмахнула руками, смешно подвигав головой.

– Кто это?

– Голубь. Тоже птица.

– Голуби – городские крысы. Ты не голубь, – сморщился Люцифер.

– Гойюби гаадский киисы, – начала я кривляться.

Сначала он никак не отреагировал. Я решила, что шутка осталась не понятой, но стоило расслабиться, как он с воинственным ревом кинулся ко мне, пытаясь защекотать. Я завизжала, бросаясь прочь из кухни. Сделав круг по залу, все же была поймана в стальную хватку и пригвождена к дивану.

– Надо работать, иначе весь день проедем. В самом прямом смысле, – брякнула я, когда Люцифер начал задирать мою футболку.

– Обломщица, – в отместку он куснул меня за бок, но не стал продолжать и сел рядом.

Мы молча уставились на стену напротив дивана, увешанную фотографиями. Там были все фото, кроме невесты Люцифера, Валери и почему-то Линды.

– Думаю, нам стоит навестить этого Билли Беккера, – его тон стал очень серьезным, будто не было никаких заигрываний минутой ранее.

– Что-то мне подсказывает – смысла в этом визите будет немного, – я села поудобнее, подтягивая колени к подбородку и положила на них голову.

– Почему?

– Он так же, как и все, будет изображать порядочного гражданина, если вообще захочет с нами говорить, – сомневаясь в успехе мероприятия, я пожала плечами.

– Лучше, чем ничего, – Люцифер решительно встал, направляясь в сторону спальни. – Собирайся.

***

Беккер жил в домике линялого зелено-голубого цвета, со старыми, немного покосившимися от времени окнами, коричневые рамы которых местами прогнили, намекая своему хозяину о необходимости их замены.

На улице стояла осенняя сырость, пробирающая до самых костей. Казалось, еще немного и плесенью покроюсь и я сама. Мы вышли из машины, ныряя из приятного тепла в осеннюю стужу. Я накинула капюшон, пряча руки в карманы.

Промозглый ветер трепал поредевшие, почти голые, неухоженные кусты возле дома Билли. Калитка была не заперта, впрочем, вряд ли в этом был смысл. Кривой забор не особо скрывал территорию участка.

Во дворе валялись ржавые автомобильные запчасти, старые шины и куски непонятного металла. В ржавой бочке, до краев наполненной дождевой водой, плавали рыжие опавшие листья. Весь двор был жутко неухоженный, с высокой, увядшей травой и горами хлама вокруг. Находиться здесь было немного страшно. Создавалось впечатление, что попал на свалку подержанных автомобилей.

Люцифер постучал в помутневшую стеклянную часть перекошенной двери с облезлой краской, покрывающей рассохшееся дерево как чешуя. Ответом послужила тишина. Можно

было подумать, что дома никого нет, но в окне мы заметили горящий свет, как только подъехали.

Послышались тяжелые шаги, скрипнула первая дверь с сеткой от москитов, за мутным стеклом показался человек, взвизгнула повернувшаяся ручка и старые, не смазанные петли. В проеме появилось хмурое лицо Беккера.

– Что надо? – начал он, не размениваясь на приветствия.

Грузный, заплывший от алкоголя и сидячей работы мужчина с редкими, почти отсутствующими волосами смотрел на нас с нескрываемым недовольством. По возрасту он был ровесником Питера, Филиппа и Сэма, но из-за образа жизни выглядел старше своих лет.

Чужаки, посмеявшись вторгнуться на его территорию – вот кем мы выглядели, заявившись к нему на порог.

– Опрос свидетелей, – также не стал церемониться Люцифер.

– Я ничего не видел, – Беккер начал пытаться закрыть дверь.

– В ночь убийства Валери где вы были? – Люцифер пошел в наступательную.

– Откуда мне знать, когда это случилось, – гневно огрызнулся собеседник.

– В ночь на эту среду.

– Дома я был, – Билли сжал кулаки.

– Есть свидетели, готовые подтвердить? – продолжал давить Люцифер.

В глазах мужчины вспыхнула злость, а ноздри стали раздуваться от интенсивных вдохов. Я испугалась, что он может накинуться на нас.

– Нет свидетелей, – Беккер захлопнул перед нами дверь с сеткой, собираясь уйти.

– Поджоги, – вдруг произнес Люцифер, вынуждая опрашиваемого застыть спиной к нам. – Я видел дело из вашего подросткового периода. Вы устроили небольшой пожар, едва не сожгли сарай во дворе соседки Эванс.

Я опешила. За всеми нашими порывами страсти детали по делу отошли на второй план. Я погрузилась в омут наслаждения с головой, позабыв о том, с чего вообще все началось.

Билли медленно развернулся, с удивлением и недоумением глядя на Люцифера.

– Какое это имеет отношение к убийствам?

– Самое непосредственное, – Люцифер продолжал практически сканировать взглядом подозреваемого.

Ситуация стала напряженной, неприязнь Билли в сторону Люцифера ощущалась даже в воздухе, раскаляя его так, что промозглость осени испуганно отступила на второй план.

– Я был глупым мальчишкой, детектив, – Беккер оперся рукой на дверной косяк, подвигал челюстью, и слегка поморщился. – Все дети занимаются чем-то подобным. На этом все, – решительно подвел черту в разговоре мужчина.

Он посмотрел в мою сторону, задержавшись на моем лице на минуту, развернулся и скрылся в глубине дома, даже не закрыв первую дверь.

Нам с Люцифером осталось только многозначительно переглянуться и отправиться восвояси. Он был недоволен, молча завел машину, покосившись в сторону окна, где горел свет.

– Не нравится он мне.

– Да тут все такие, – я всплеснула руками, понимая, что в категорию вызывающих вопросы попадает весь город. – Отрицательный результат тоже результат, – постаралась подбодрить я. – Остальные хотя бы сделали вид, что вежливо общаются. А он сразу дал понять свою неприязнь к тебе. Вопрос, с чего вдруг?

Люцифер смягчился и взглянул на меня.

– Верно. Теперь он точно в списке подозреваемых, – он нажал педаль газа, машина тронулась, увозя нас прочь.

Последнее, что я заметила, это как дернулась занавеска в окне, где горел свет. Беккер наблюдал за нами.

***

Вечер подкрался незаметно для нас обоих. Оставшийся после визита к Беккеру день мы потратили, изучая материалы. Люцифер те, что относятся к Валери. Мне он дал папки с делами двух других жертв в Чикаго. Но мозгу было абсолютно не за что зацепиться. Оба убийства обставлены, как под копирку, без следов, по одному сценарию. Но было в них и одно различие, правда не сильно повлиявшее на результат.

– Одна из чикагских жертв по результатам вскрытия умерла от ножевых, а не от удушения, – заметила я, складывая папки на стол.

– Не думаю, что в этом кроется нечто необычное, – Люцифер отвлекся от своего дела. – Скорее всего, он был сильно взбудоражен ситуацией и не заметил, что жертва не умерла от удушения.

– Жесть какая-то, – стало жалко девушку, которой столько пришлось пережить. Взгляд невольно задержался на ее фото на стене.

– Она была без сознания. Надеюсь, ничего не почувствовала, – слабо попытался утешить меня Люцифер.

– Так себе успокоение, – я покачала головой. – Как там дело Валери?

– Все то же самое, – он разочарованно отложил свои материалы в сторону. – Две другие девушки, убитые в Линдене. Ты их знала?

– Не близко. Они ходили в бар, впрочем, как и все остальные, – я посмотрела на стену, обильно увешанную фотографиями. – Почему нет ничего из дела Линды?

Люцифер тяжело вздохнул, немного нервно запихивая листы в папку.

– Там есть определенные обстоятельства. Не знаю, стоит ли тебе брать это в голову. Все же вы были более близки, чем с остальными, – он подвинулся ближе, приобнимая меня за плечи.

– Теперь я насторожена и заинтригована одновременно, – я глянула на часы в телефоне. – Мне надо идти на работу. Может коротко введешь в курс дела?

– Давай завтра, – Люцифер поцеловал меня в лоб. – На сегодня с тебя и так хватит криминала.

Я недовольно хмыкнула.

– Ты всегда любишь, чтобы все было по-твоему? – в голосе засквозила претензия.

– Кейт, – он переместил руки ниже, потянул меня так, чтобы я села ему на колени. – Хочу, чтобы ты пошла на работу, не забывая себе голову. Тем более смена ночная, – поерзав, я примостилась на его коленях, даже обняла за шею, хоть и была недовольна его точкой зрения. – Завтра утром будет достаточно времени и сил для восприятия информации.

– Почему утром не рассказал? – дулась я.

– Утром были другие дела, – он погладил меня по спине, стараясь успокоить. – Кстати, сегодня ведь суббота. Беккер должен прийти в бар, понаблюдай за ним.

– Вот, – я задержала ногами. – Опять ты командуешь. Я и так догадалась об этом.

– Птичка, – Люцифер мягко взял меня за щеки, разворачивая лицом к себе, и одарил долгим, чувственным поцелуем.

Я даже забыла, что была недовольна, увлекаясь происходящим, сама не заметив, как перекинула ногу через его бедра, стараясь прижаться как можно теснее. Он забрался руками под свитер, начиная гладить спину. Я не осталась в долгу, расстегнула несколько верхних пуговиц его рубашки и запустила ладони под ткань. Поцелуй набирал все больше градусов страсти, наши языки сошлись в безумном танце, а губы начали ныть. Бабочки в животе затрепетали, сначала лишь немного щекотая своими крыльями, но чем дальше мы продвигались, тем больше бабочек стали превращаться в ненасытных хищников, жаждущих и нетерпеливых.

Я стащила черную ткань с плеч Люцифера, накинувшись на татуированную шею, стала целовать покусывая, спускаясь вниз к груди, пока руки сами собой боролись с пряжкой ремня.

– Ты опоздаешь, – отвлек меня его немного севший голос.

– Черт! – ругнулась я. – Теперь обломщик ты.

Запыхтев, надула губы в недовольстве и начала слезать на пол, как Люцифер поймал меня в кольцо своих рук останавливая.

– Наши отношения только начинаются, а мы уже чуть не поругались.

Я скусила, нахмурила брови и отвела глаза.

– Просто иногда не нужно брать все руководство на себя. Я же не маленькая, – я вернулась взглядом к его лицу, прочитав в глазах абсолютное спокойствие.

– Мое руководство до сих пор тебя устраивало, – он удивленно поднял брови.

– Я не против твоего руководства. Иногда, – добавила после паузы. – Но еще я хочу немного свободы и доверия что ли. Раз уж мы в одной лодке.

– Если мы поссоримся, боюсь здешняя кровать наше примирение не выдержит, – отшутился Люцифер на мою тираду.

Мое еще не до конца схлынувшее возбуждение вернулось обратно, когда я начала представлять, что он мог бы сделать со мной. Люцифер рывком прижал меня к себе, потянулся к губам, проведя языком по нижней, и стиснул мой зад так, что я проехала вперед, приземлившись на его пах.

– Как ты это делаешь? – зашептала я, упираясь в его плечи руками.

– Делаю что?

– Заставляешь меня быть такой... такой... – я никак не могла подобрать слово.

– Развязной? – помог он.

– Точно, – с трудом отстранившись, я все же встала, поправляя одежду.

– Наверно между нами особая химия? – предположил он, начиная застегивать рубашку.

При виде этого я невольно издала разочарованный вздох.

– Наверное, – часы беспощадно напоминали о работе, не оставляя нам теперь даже лишних пару минут. – Пойду к себе, надо переодеться.

На мне по-прежнему были джинсы и свитер, надетые на городской праздник. Люцифер поймал меня у самого выхода, нежно-нежно поцеловав на прощание.

– Буду ждать тебя, – он улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой.

– Увидимся, – я обняла его, чувствуя, что окончательно перестала злиться за его любовь к главенству.

Метнувшись домой, я поменяла одежду на другие джинсы и просторное худи, скрывшее своими рукавами следы от наручников, и по привычке завязала волосы в пучок.

В бар я пришла уже впритык по времени.

– Привет, – поздоровалась с Джеком, работавшим теперь, похоже, за себя и за убитую Валери.

– А я все думал, чего ты так опаздываешь, – он хитро взглянул на меня. – Но по блестящим глазам догадываюсь, в чем причина.

Я смутилась, нервно засуетившись возле стойки. Теперь весь город, наверное, в курсе наших отношений с Люцифером.

Джек ничего не сказал, направляясь к помещению для персонала за верхней одеждой. Моя реакция была красноречивее любых слов, которые я могла бы произнести.

Вечер пятницы набирал обороты. К началу смены людей в зале было уже прилично. Заказы сыпались один за другим, к одиннадцати часам немного поубавившись, когда народ перенес фокус внимания только на алкоголь. Улучив минуту, я пошла на кухню отнести подносы.

Питер суетился, заканчивая пару последних закусок к пиву. На столе была гора грязной посуды, требующей загрузки в посудомоечную машину. Я закатала рукава, начиная помогать коллеге.

– Что с твоими руками? – вывел меня из рабочего боевого настроения вопрос Питера.

Я посмотрела на свои руки, держащие очередную грязную тарелку, и почувствовала, как густо краснею под обеспокоенным взглядом повара. На запястьях явственно выделялись следы ночной страсти.

«О, черт!»

– Ничего, – чувствуя себя неловко, одернула рукава худи, продолжая уборку и стараясь не смотреть в глаза парню.

– Кейт, – не отставал коллега. Он подошел сбоку, стараясь заглянуть в мое лицо. – Тебя кто-то обидел?

«Да чтоб меня так до конца моих дней обижали».

– Все в порядке, – я захлопнула дверцу посудомойки и, помедлив, все же посмотрела на Питера.

Некоторое время мы молчали. Парень вглядывался в мои глаза, сделавшись от чего-то немного недовольным.

– Ты боишься говорить?

– Нет, боже, нет! – я вскинула руки, натягивая рукава до самых кончиков пальцев, и активно замотала головой. – Все в порядке, говорю же. Это личное.

– Ясно, – разочарованный моим нежеланием откровенничать коротко ответил Питер. – Всего лишь переживаю за тебя, – дополнил он в итоге.

– Спасибо за заботу, – поблагодарила я парня. – Джек будет искать нового бармена? – сразу же постаралась увести разговор в другое русло.

– Да, – повар отвернулся, начиная раскладывать готовые закуски в тарелки. – Можно забирать, – он поставил передо мной два заказа, теперь заметно смягчившись в выражении лица.

Я коротко улыбнулась, забирая результаты его трудов и выходя в зал. Чувствовала себя сконфуженно, но быстро отогнала ощущение неловкости прочь.

«У Питера-то и вовсе личной жизни нет с его больной матерью. Еще и друг наркоман».

Разнеся заказы, я заметила Билли Беккера, по обыкновению сидящего в одиночестве в самом дальнем углу. У него как раз опустела пивная кружка, а значит был повод подойти.

– Принести вам еще? – подхватив пустую посуду, я поинтересовалась у посетителя.

– Да, – пробасил он, не удосужившись даже изобразить любезность.

– Закуски? – не спешила покидать я посетителя. – Питер очень вкусно готовит.

Беккер сделался жутко недовольным. Его ноздри широко раздулись, оповещая о гневе, в который он впал.

– Не нужно мне закусок, – он хлопнул ладонью по столу, да так громко, что присутствующие на миг замолчали. Билли тут же сгорбился, став угрюмым под пристальным взглядом десятков пар глаз. – Чипсы принеси и пиво.

– Хорошо, – я кивнула, сделав вид, что ничего не произошло.

Вернулась на рабочее место, налила в чистую кружку пиво, высыпала чипсы из пачки в вазу и отнесла Беккеру. Тот только буркнул едва различимое «Спасибо» и принялся за выпивку.

– Нервный какой, – вывел меня из раздумий голос стоящего с противоположной стороны стойки парня.

Я посмотрела на посетителя, высокого, накаченного парня двадцати пяти лет, с густыми каштановыми волосами. Он был одет в клетчатую рубашку голубого цвета с закатанными рукавами и простые синие джинсы.

– Может неделя была тяжелая, – я пожалала плечами, делая вид, что мне все равно.

Парень сел на барный стул и начал разглядывать меня.

– Что будешь? – я никак не могла вспомнить его имя, но совершенно точно помнила, что это парень погибшей Линды.

– Пиво.

– Закуска? – я взяла пустую кружку, направляясь к кегам.

– Арахиса хватит, – парень махнул рукой.

Я открыла пивной кран, наполняя кружку. Он терпеливо ждал, больше ничего не говоря, пока я не вернулась с его заказом.

– Не боишься здесь работать? – задал он вопрос в лоб.

– Нет. Почему должна бояться? – я стала натирать чистые бокалы, изображая равнодушие и бурную деятельность.

– Убийца же явно ошивается здесь, – парень сделал пару глотков пива. – А вы с Линдой еще и похожи, – он принялся жевать орехи, буравя меня взглядом.

– Деньги с неба не падают. А работы в Линдене и без того не густо, – постаралась не выдать свое удивление таким развитием беседы.

– Можно уехать, – посетитель покачал головой, будто не понимал, в чем проблема.

– В никуда?

Я вернула бокал в держатель, начиная теперь уборку на своем рабочем месте, не видном глазу посетителей. Книга учета, ручки, стикеры, пара мелких монет – все валялось как попало, не имея своего места. От чего-то зачесались руки навести порядок.

– Сюда ты именно так и переехала, – собеседник сделал несколько щедрых глотков и, заметив мое удивление, дополнил: – Линда рассказывала.

– Понятно, – сухо ответила я, не понимая, зачем он со мной вообще разговаривает.

Парень сделал паузу, разглядывая полупустую пивную кружку задумчивым взглядом.

– Я скачаю по ней, – он горестно вздохнул, поднимая на меня печальные глаза. – Раньше

часто приходил в ее смену. Это позволяло нам больше времени проводить вместе, хоть и таким странным образом, – парень крепче сжал стеклянную ручку, поднял кружку и залпом допил ее содержимое. – Еще, – он отдал мне пустую посуду.

«Ухо остро, Уилсон».

Я убрала грязную кружку и налила новую порцию напитка, пока мой захмелевший собеседник понуро жевал свой арахис.

– Держи, – я поставила перед ним запотевшую стеклянную тару.

Он молча рассматривал пену на поверхности пива, копаясь в своих собственных мыслях.

– Она изменилась последние месяцы, перед тем... – парень запнулся. – Перед тем как...

– он сделал глубокий вдох и мотнул головой. – В общем изменилась.

– О чем ты? – я настороженно замерла, позабыв об имитации работы.

– Это так странно, – начал собеседник вообще с другого конца. – Никогда не замечал за ней подобного, а тут... – он растянул губы в болезненной усмешке. – Откуда в ней такое?

Я ничего не понимала. Он нес какую-то бессвязную околесицу.

– Какое? Что именно ты имеешь в виду?

– Я ведь не такой, – парень замолчал, приложился к напитку, опустошая сразу треть кружки. – Мне это все странно.

«Что он горóдит?»

Я не могла понять, какие наводящие вопросы можно задать. Все вокруг да около, ноль конкретики.

Из кухни вышел Питер, освободившийся от дел, и встал рядом со мной, рассматривая посетителей в зале.

– Нужна помощь? – вежливо поинтересовался он.

– Пока что нет, – повар явился совсем некстати, но повода отослать его не было.

– А ты скучаешь по ней? – парень Линды осоловело поглядел на Питера. – Она ведь твоя кузина.

– Да, – мой коллега нахмурился, глядя на подвыпившего парня, задающего вопросы, поднимающие столь болезненную тему.

Вечер пятницы омрачился воспоминаниями о потерях дорогих людей. Линда не была моей закадычной подругой, но мы достаточно неплохо общались. Для этих же двоих она была куда более близким человеком.

– Мы хотели уехать из Линдена, – парень зарылся всей пятерней в волосы, хватая себя что есть мочи. – Переехать в Ист Лэйк, скопить денег, рвануть в Чикаго, – надсадно и с отчаянием в голосе сбивчиво говорил он, словно пытался высказаться. – Но не успели. Я не успел ее увести отсюда, из этого сраного города, – он понуро опустил голову и плечи, мне стало жаль парня, потерявшего любимую девушку и теперь глушащего горе алкоголем.

Посетитель достал из кармана деньги, положив пару смятых купюр на столешницу.

– Сдачи не надо, – он встал и, пошатываясь, направился к выходу, так и оставив недопитое пиво и нас с Питером в смешанных чувствах.

«Нужно рассказать об этом разговоре Люциферу».

– Станный он, – Питер задумчиво смотрел на дверь. – Может это он убил Линду?

– Он так переживает, – я покачала головой. – Вряд ли убийца будет тосковать по своим жертвам. К тому же... – я повернулась к коллеге, стоящему рядом. – Он убил уже троих, к чему заикливаться на Линде? Да и убивать свою же девушку равно добровольно подписать признание.

Питер одобрительно посмотрел на меня, приподнимая уголок губ.

– Ты очень сообразительна, – похвалил он.

– Да брось. Об этом знают все, кто хоть раз смотрел детективы, – я переделала все возможные дела и теперь не знала, куда девать руки от волнения. Пришлось засунуть их подмышки, чтобы не выдать своего невроза. – Разве нет?

– Да, – повар обвел взглядом гостей, рассматривая, кто сегодня почтил нас своим присутствием.

Его взгляд зацепился за Беккера, хмуро глядящего на нас из своего угла. Тот буравил нас тяжелым взглядом, сам оставаясь почти что в тени, а вот мы были как на ладони под освещением бара.

– Станный он. По сравнению с остальными жителями жутко неприветливый, – я поежилась, вспоминая нашу сложную беседу.

– Я пойду на кухню, – не стал поддерживать мою попытку обсудить подозрительного жителя Питер. – Если буду нужен, дай знать.

– Ладно, – немного разочарованно согласилась я.

Питер скрылся на кухне, оставляя меня одну. Беккер допил свое пиво, не сводя с меня своего тяжелого взгляда, кинул купюры на стол и, переваливаясь, направился к выходу.

Больше ничего примечательного на мою смену не выпало.

Когда посреди ночи я наконец-то выпроводила последних посетителей и закрыла бар, то ощутила жутчайшую усталость, готовая свалиться прямо тут. Еле доплелась до квартиры Люцифера, обнаружив, что дверь не заперта.

«Надо взять второй ключ».

Он уже спал, и мне, глядя на него, срочно захотелось нырнуть под теплое одеяло, прижавшись как можно ближе. Наскоро приняв душ и почистив зубы, я оделась в чистое белье и футболку Люцифера и забралась к нему под бок.

– Кейт, – сонно прошептал он, ощутив мое появление. Татуированная рука сгребла меня, подвигая ближе. – Забыл дать тебе ключ.

– Я закрылась, не переживай.

– Угу, – согласился он, не открывая глаза.

Черт, я начинала привыкать к такой жизни. Это было всяко приятнее холодной, одинокой постели, обычно ждущей меня с работы.

Впору было расслабиться и обрадовано заснуть, утомленной пятничной сменой, но в голову начали закрадываться тревожные мысли.

Когда все закончится, он ведь уедет обратно в Чикаго. Что ему здесь делать? Я точно не вхожу в его планы как повод остаться, а звать меня с собой он явно не будет. В Чикаго полно других женщин, которые согласятся быть с ним по первому зову. Не напрашиваться же мне в конце концов. На что я вообще рассчитываю? Глаза защипало от подступающих слез.

По-хорошему, стоило бы не позволять чувствам взять верх, насладиться временем вместе, а затем отпустить.

Сердце сжалось от этой болезненной мысли. С Люцифером рядом было хорошо, он заботился обо мне, проявлял нежность, при этом без вопросов включил агрессию, о которой я просила в постели. Почему-то его легко было об этом попросить, я не чувствовала себя неловко или странно. Как будто точно знала – он отреагирует нормально. Мне начинало казаться, что мы идеально подходим друг другу, но так не бывает, это все книжные выдумки.

Стало совсем тоскливо и паршиво на душе.

Спросить его, что он планирует делать, когда дело завершится, равносильно вопросу о планах относительно меня. А какие могут быть планы у того, кто вообще ищет убийцу своей мертвой невесты?

Робкая слеза сорвалась с ресниц, падая на подушку.

Обещала ведь ничего не надумывать себе.

Зачем он предложил жить у него? Позвал на свидание? К чему это все, если я для него временное развлечение?

Твою мать, Уилсон!

Я с силой ущипнула себя за бедро несколько раз, заставляя прекратить дурацкие раздумья.

Не смей показывать ему свою обеспокоенность происходящим между вами и его итогами. Пусть думает, что для тебя он тоже способ приятно скоротать время, не более, а не единственный за последние годы, с кем ты чувствуешь себя хорошо. Просто не смей или ты вновь рискуешь тем, что на твоих чувствах будут выезжать в свою пользу.

Еще целый час я пролежала, разглядывая спящего Люцифера, будто пыталась запомнить каждую мелкую деталь его внешности, чтобы воспроизводить в своей памяти, когда он уедет. Сама не заметила, как заснула, ужасно огорченная предстоящими перспективами.

Утром вторая половина постели пустовала, встретив меня смятыми простынями и запахом Люцифера, напрочь вьевшимся во все постельное белье и, кажется, даже в мои волосы. С кухни слышались шорохи, оповещающие о том, что я не одна.

Вынырнув из-под уютного одеяла, я потащила на кухню, зевая и потирая заспанное лицо. Он стоял возле открытого холодильника. У его ног покоились два больших пакета с покупками.

– Выспалась? – спросил он первым делом, увидев меня.

– Вроде бы, – я подошла ближе, заглядывая в пакеты. – Ты купил продукты?

– Твой холодильник не обладает бесконечными запасами, увы, – улыбнулся Люцифер, перекладывая покупки.

«Какой хозяйственный».

– Это да, – я уселась на стул, следя за его действиями. – Вчера в баре был Беккер. Очень нервный, хотя он никогда особо не приветлив.

– Он темная лошадка, остается только наблюдать, – Люцифер закончил с одним пакетом и приступил ко второму.

– Еще приходил парень Линды, – я сделала паузу, силясь вспомнить его имя, но так и не смогла. – Не помню как его зовут.

– Что-то интересное? – он выжидательно замер.

– Он нес какую-то бессвязную чушь. О том, что Линда изменилась перед смертью.

Люцифер сделался очень сосредоточенным, позабыв о своем занятии, пока холодильник не начал пищать, напоминая об открытой дверце. Тогда он вернулся к процессу, оставаясь по-прежнему взволнованным.

– Какие именно нюансы с делом Линды ты имел в виду? – не стала я церемониться, понимая, что интерес моими словами возник неспроста.

Люцифер молчал, заканчивая складывать продукты, свернул пустые пакеты, убрал их в шкаф, и сел на стул рядом со мной.

– То, что я скажу, должно остаться строго между нами, – он помолчал, ожидая моего согласия.

– Не вопрос, – его подход к разговору заставил меня занервничать от непонимания, к чему все идет.

– Линду убил не маньяк.

Заявление прозвучало как гром среди ясного неба. Я молчала, рассматривая его серьезное лицо. Он совершенно точно не шутил.

– В каком смысле?

– Ее убийство обставлено, как остальные два. Кто-то пытался замести следы.

Глава 8. Make love, not war

– Что значит – обставлено, как другие два?

Я выпучила глаза, тут же потеряв остатки ломящего тело сна.

– Все атрибуты в виде ленты, туфель, ножевых, но почерк не его, – Люцифер тяжело вздохнул. – Из-за того, что весь город видимо, в курсе подробностей, у нас два убийцы вместо одного.

– И второй кóсит под первого.

– Кóсит.

– Да, – я улыбнулась его очередному повторению моих словечек. – Он подражатель?

– Не думаю, – Люцифер покачал головой.

– Почему?

– Слишком уж он вяло подражает тогда, – он бросил короткий взгляд в сторону зала, где висели фотографии других жертв. – Больше похоже на попытку замести следы таким странным способом. Кстати, откуда все знают подробности? Про ленты, туфли и остальное? Это же все детали.

– Станный вопрос, – я пожала плечами, удивленная тем, что он мне его задал. – Кто-нибудь из тех, кто был на месте преступления, рассказал жене, та своей подруге и понеслось. В Чикаго ведь подражатель как-то узнал, – дополнила я, озаренная мыслью.

– Кто-то слил информацию СМИ.

Он разочарованно скривился, выпрямился и откинулся на спинку стула, опасно скрипнувшего под этим натиском.

– Почему все считают, что Линду убил наш маньяк? – задала я вполне логичный вопрос. – Разве шериф не должен сказать жителям правду?

Люцифер недовольно поцокал, кривя губы в раздражении.

– Шериф тут совсем недалекий. Ему нет дела до Линдена и его жителей, – он неодобрительно передернул плечами. – Власти направили его сюда в приказном порядке, считай, он просиживает здесь штаны. И да, – всплеснул рукой, ладонью разрезав воздух, – он искренне считал, что смерть Линды на совести нашего маньяка, пока я не указал на явные нестыковки.

– Я поняла. Квадратно-гнездовой.

Люцифер не нашелся что ответить, только поднял брови в немом вопросе.

– Мыслит шаблонно, – пояснила свою фразу.

Он одобрительно хмыкнул, провел взглядом по кухне, стремительно меняя выражение лица с радостного на отчужденное – его снова захватили мысли о деле.

Мы молчали, раздумывая каждый о своем. Люцифер слегка покачивался, расфокусировано глядя в угол кухни и намереваясь, по-видимому, добить старую мебель окончательно. Спинка стула жалобно поскрипывала в тишине. Я разглядывала задумчивого Люцифера, но мои мысли были не о деле. Тревожное состояние и печальные раздумья вчерашней ночи вернулись снова, сметая более-менее положительное настроение этого утра.

Поиск убийцы Линды конечно удлинит его пребывание здесь, но ничего, в сущности, не изменит. Он уедет. Бросит меня одну, со всеми этими приятными воспоминаниями о своей заботе, ласке и умопомрачительном сексе.

Черт!

Меня словно током прошибло. Я быстро вскочила с места, больно напоровшись на угол стола боком и получив вдогонку головокружение, от которого я слегка пошатнулась. Люцифер успел схватить меня за локоть, не давая упасть, поднялся следом и обеспокоенно заглянул мне в лицо.

– Что с тобой?

Мы ведь не предохранялись, ни разу! Я мысленно начала загибать пальцы, подсчитывая количество раз, когда он в меня кончил. Получилось три. Или четыре? Да какая, к черту, разница! К чему эти подсчеты, если даже одного может хватить, а больше уж наверняка.

Еще не хватало залететь от него, тогда он точно свалит в свой гребаный Чикаго, только пятки сверкать будут, а я останусь тут одна с его ребенком. Такой расклад меня не устраивал.

– Кейт? – Люцифер взволнованно заглядывал в мое лицо, придерживая за плечи.

Я крепко зажмурилась, начиная быстро моргать, чтобы прийти в себя. Глаза заслезились и слегка пересохли, пока я ошалело не моргала во время своих незамысловатых подсчетов.

«Надеюсь, у него нет сифилиса. Как можно так безответственно относиться к контрацепции, Уилсон?»

Я рассмотрела озадаченное лицо Люцифера.

«Нос на месте, значит сифилиса нет».

Он округлил глаза на мое молчание и интерес к его внешнему виду, но продолжал ждать ответа.

Надо сходить в аптеку. Насколько я помню, таблетку можно выпить в ближайшие семьдесят два часа. Я снова начала упражняться в математике – пошли вторые сутки, еще успеваю.

– Я сейчас.

Выкрутившись из держащих меня рук, я помчалась в зал, где на диване лежали мои вещи. Стала натягивать джинсы, пару раз промахнувшись мимо штанины и чуть не свалилась на месте, надела худи прямо поверх футболки Люцифера, в которой я спала, и понеслась к выходу, где стояли ботинки и висела верхняя одежда.

Вышедший следом Люцифер находился в полном замешательстве, не решаясь подойти. Со стороны я выглядела так, будто у меня поехала крыша.

– Кейт, что происходит? – он следил взглядом за моими метаниями.

Когда он понял, что я собираюсь уйти, то в несколько шагов преодолел расстояние между нами, теперь стоя прямо надо мной.

Я не отвечала, трясущимися руками завязывая шнурки. Вышло недостаточно туго, но до аптеки дойду. Цепанув с вешалки парку, всунула руки, просторные рукава худи задрались, неудобным комом собираясь наверху. Поправлять было некогда. Я развернулась спиной к потерянному Люциферу, взялась за ручку двери, слегка приоткрыв ее, но тут из-за моего плеча появилась татуированная рука, уперлась в деревянное полотно и с силой захлопнула дверь.

– Объяснись, – раздался суровый голос прямо над ухом. – Я не понимаю, что происходит, а играть в угадайку не имею желания.

По спине побежал холодок от такой резкой перемены в его тоне, на лбу начала выступать испарина, а футболка слегка прилипла к влажной коже. Слишком много одежды, нервов и недосказанности.

– Люцифер, – я стояла спиной, боясь повернуться. – Мне нужно сходить кое-куда, – голос предательски дрожал, выдавая мое волнение. – Я вернусь через десять минут и все

объясню.

Он сделал глубокий вдох, убрал руку и отступил на пару шагов назад.

Пулей выскочив в коридор, я понеслась к лестнице, застучала массивной подошвой по скрипучим деревянным ступеням, спускаясь вниз, и едва не потеряла плохо завязанную обувь.

Подъездная дверь под моим напором отлетела с такой силой, что ударилась о стену ручкой. Холодный осенний воздух с примесью мелких капель дождя ворвался в распахнутую верхнюю одежду, остужая мокрое от пота тело. Меня пробил неприятный озноб. Дрожащими пальцами я стала пытаться поймать бегунок молнии и застегнуть парку, сумев только с третьего раза. Дорогу я переходила не глядя, все теребя замок, какого-то черта застрявший на середине пути. Меня едва не сбила машина, водитель которой проорал что-то нелюбезное в мой адрес.

Нерасчесанные волосы немного намokли под морозящим дождем, скатавшись в неаккуратные пряди. Ветер бил хлесткими, мокрыми ударами по лицу, налетая сильными порывами, будто пытался не дать мне осуществить задуманное.

Быстрыми шагами я приближалась к аптеке, к моему счастью находившейся рядом с домом. Светящаяся красная вывеска в виде креста служила мне ориентиром, выделяясь единственным ярким пятном в промозглой серой действительности.

Я толкнула дверь, колокольчик над входом противно зазвенел, оповещая о моем визите. Внутри было сыро и прохладно, пахло смесью лекарств и чистыми бинтами, нагоняя больше дрожи больничным запахом. Шанса на то, чтобы согреться, у меня не осталось.

– Дайте таблетки экстренной контрацепции, – попросила я, забыв о приветствии.

Фармацевт нахмурилась, осматривая меня с ног до головы.

– Вы меня слышите?! – я начинала нервничать, стукнув по прилавку между нами.

– Вам какие? – она тоже не стала здороваться, переходя к сути разговора.

– Любые, какие есть, – нырнув рукой в карман парки, я достала оттуда пластиковую карту, на которой по городской привычке хранила большую часть денег.

– Терминал не работает, – она не двигалась с места, продолжая буравить меня взглядом.

Уверена на сто процентов, она, как и все остальные жители, в курсе моих отношений с Люцифером. У меня нет ни времени, ни желания ехать в соседний город, замечая следы.

– Блять, – выругалась я без стеснения, расстегнула парку и сунула руку во внутренний карман одежды, нащупав несколько купюр.

Пересчитала, должно хватить.

– Таблетки все еще нужны? – фармацевт равнодушно взирала на мои действия.

– Да! – едва не крикнула ей прямо в лицо.

Она, не скрывая недовольства, отошла от прилавка к полке с лекарствами, взяла откуда небольшую розовую упаковку и вернулась обратно.

– Двадцать долларов, – холодно оповестила женщина.

– И презервативы, – опомнилась я, прикинув, что на них деньги тоже есть.

– Какие? – брови фармацевта поползли вверх после моей просьбы.

– Большие.

Повисла пауза.

– Большую упаковку? – начала уточнять она. – Или размер?

«Вот же сука».

– И то, и другое, – злобно прошипела я в ответ.

На лице женщины заиграла ехидная улыбочка.

«Да пошла ты нахуй».

Я разозлилась, подавив порыв высказать свою мысль вслух. Мне казалось, что время уходит, сочится, как песок сквозь пальцы, пока я стою здесь, препираясь с этой идиоткой, решившей влезть в мою жизнь таким необычным способом.

Рядом с таблетками на прилавке появилась большая упаковка презервативов. Фармацевт озвучила сумму и начала складывать покупки в белый бумажный пакет. Я отсчитала купюры и положила их на прилавок, вышло как раз под расчет. Пакет едва коснулся прилавка, как я схватила его, сминая в кулаке верхнюю часть, и ринулась к выходу.

Дорога назад показалась длиннее, хотя возвращалась я тем же маршрутом. Перед самым носом проезжую часть пересекла машина доставщика продуктов в бар, застопорив меня на лишнюю минуту. Я выругалась в сторону водителя себе под нос, нервно топая ногой пока стояла на тротуаре.

Наконец показался вход в подъезд, а затем заветная дверь в квартиру Люцифера. Я ураганом ворвалась внутрь, прерывисто дыша от почти что бега, которым добиралась назад. Сердце колотилось где-то в глотке, перекрывая доступ к кислороду еще больше. Нос и уши замерзли, теперь кожу на них неприятно покалывало.

Люцифер сидел на диване, рассматривая фотографии с мест преступлений скорее от скуки, чем в попытках поработать. Стоило мне появиться на пороге, он тут же вскочил, но остался стоять на месте. Его глаза пробежались по мне, замерев на покупках в моей руке.

Я наклонилась вниз, парой дерганных движений расшнуровала обувь, махнула ногами в нетерпении, раскидывая ее в разные стороны и, не снимая верхнюю одежду, побежала на кухню. Открыла дверцу шкафа с посудой, схватила первый попавшийся стакан, и набрала воды из-под крана. По шагам сзади стало понятно, что Люцифер пришел за мной и молчал, не зная, как реагировать.

Озябшими пальцами я разорвала аптечную наклейку поверх пакета и вытряхнула его содержимое на столешницу. Две картонные коробки глухо ударились о поверхность. Достав из пачки блистер с таблеткой, я выдавила ее на ладонь, чуть не уронив, закинула в рот так быстро, как могла и запила, не давая себе даже шанса на раздумья. Вода встала комом в горле, который я с большим трудом протолкнула вниз.

– Кейт, что происходит? – Люцифер говорил со смесью раздражения и непонимания в голосе.

Он подошел сбоку, заглядывая через мое плечо. Первым его взгляд упал на упаковку контрацептивов. Он взял ее в руки, задумчиво рассматривая.

– Твою же... я бы купил сам, это было необязательно, – осторожно начал он, меняя тон голоса на виноватый. – Но с размером ты угадала, – пошутковал он.

– Угу, – я продолжала стоять к нему спиной, сжимая в руке пустой стакан.

– А это что? – Люцифер взволнованно взял пачку из-под таблеток.

С минуту он крутил ее в руке, затем достал из упаковки инструкцию, по размеру напоминавшую древний свиток, не меньше. Пробежался глазами по тексту, чем дальше он читал, тем больше его лицо становилось испуганно-ошарашенным.

– Я все выпила, не переживай, – я махнула пустым блистером и поставила стакан на стол, отвечая максимально веселым тоном. – Никаких внезапных запросов на алименты, когда вернешься в Чикаго, тебе не придет.

– Ты... – он растерялся. – Что ты делаешь, Уилсон?

Мне показалось, что он разозлился. Шумно втянул воздух ноздрями, положил инструкцию на стол, и развернул меня к себе резким движением. Я замерла, как вкопанная, сбита с толку его реакцией. Я ведь все сделала правильно, почему он зол?

Люцифер взялся за ворот парка, начиная спускать ее с моих плеч, потянул рукава, и тяжелая верхняя одежда поползла вниз под своим весом и его действиями. Он кинул ее на спинку стула, подхватил меня под ягодицы и усадил прямо перед собой на столешницу.

Его брови съехались на переносице, обозначая глубокую вертикальную морщину, взгляд стал строгим, как у родителя, который сейчас будет отчитывать провинившегося ребенка.

– Кейт Уилсон, что ты творишь? – Люцифер скрестил руки на груди.

– В смысле? – не поняла я сути его претензии. – Решила наши возможные проблемы. Не благодари.

Он закатил глаза, прикрыл веки, сделав по паре глубоких вдохов и выдохов.

«Он что дыхательные практики делает?»

– Не спорю, – начал он более спокойно, – мы вчера увлеклись, поддались эмоциям и страстям. Вполне оправдано, кстати, – он мечтательно возвел глаза к потолку. – Но я уверен, что ты своим чудесным языком еще умеешь и разговаривать. Помимо всего прочего, – добавил он после паузы.

– Какой откровенный комплимент, – я приложила ладони к замерзшим щекам, стараясь согреть заледеневшую кожу.

– Тебе стоило обсудить этот момент со мной, – проигнорировал мои слова Люцифер.

– Обсудить с тобой? Серьезно?! – я вспыхнула.

После занятий в группах я научилась немного отстаивать свои личные границы, хотя иногда пропускала моменты, все еще позволяя решать за меня, но в весьма очевидных ситуациях начинала ерепениться. И сейчас была та самая ситуация.

– Да. В постели находятся двое, – он помахал указательным пальцем между нами. – Последствия должны разгребать тоже двое.

Я несказанно удивилась. С одной стороны, подход весьма ответственный, но с другой...

– И что бы ты сделал в случае беременности? – теперь и я скрестила руки на груди. – Тело мое, я сама буду им распоряжаться. Ты в любом случае уедешь в Чикаго, а я должна тут остаться в роли матери-одиночки?

Люцифер молчал, печально глядя на меня, отвел глаза в сторону, задумавшись на пару минут о чем-то своем.

– Значит, – тихо начал он, – ты считаешь, что в случае твоей беременности единственное, что меня волновало бы – это возможный суд по поводу алиментов? – Его лицо перекосилось досадой. – Я в твоих глазах настолько конченный?

Стало неловко от своих же слов, таблетка с водой срочно начали проситься наружу, подкатывая тошнотой к горлу.

Люцифер укоризненно покачал головой и, не расцепляя рук, встал сбоку, облокотившись на столешницу поясницей.

Гнетущая тишина резала похлеще любых, даже самых болезненных фраз.

– Ты специально такой хороший со мной? – в уголках глаз стали скапливаться слезы. – Вся эта забота, свидание... – я спрятала руки в рукава худи. Меня зазнобило так, будто я все еще была на улице под пронизывающим осенним ветром. – Нежность и типа тебе не все равно, окажись я беременной. Это какая-то хитрая игра? Я не выкупаю.

Я зашмыгала носом, чувствуя, как по щекам потекли слезы, которые я так и не сумела сдержать.

Люцифер встрепенулся, расцепил руки и вновь вставал напротив меня. Я прятала глаза, утирая слезы рукавом и пляясь в пол, лишь бы не встречаться взглядами.

– Птичка, – Люцифер нежно приподнял мой подбородок, смотря в заплаканные глаза. – Не все люди вокруг плохие, желающие тебе зла ублюдки.

– Я не заметила, – подбородок задрожал, как не пыталась сдержаться. – Меня только предавали, использовали и бросали одну, – слезы хлынули новым потоком. – Где эти хорошие люди? Их нет.

– В самом деле?

– Да, – обиженно вякнула я.

– А если посмотреть внимательно? – растягивая слова, неспешно произнес Люцифер, поглаживая мою щеку.

– Ты сказал, что любишь свою невесту, – выпалила прежде, чем поняла, что сказала.

Слова прозвучали как претензия. Он болезненно усмехнулся, скрывая эту боль за улыбкой, появившейся после.

– Я столько всего тебе сказал и сделал, а ты запомнила только то, что я люблю женщину, которой больше нет. Может это ты видишь вокруг только плохое и не желаешь видеть ничего хорошего?

– Так это я еще и виновата? – недовольно надув губы, я мотнула головой, освобождаясь от пальцев на моем лице. – Конечно, это не мир говно, это я не вижу цветов в этом говне. Давай, расскажи мне, что я там должна опять видеть и чувствовать! – от злости я дернула ногами, больно ударяясь пятками о дверцу кухонного шкафа вниз.

– Ох, Уилсон, – Люцифер устало прикрыл веки, утомленно вздыхая. – Да, я самоуверен. Да, я люблю командовать. Поэтому иногда может казаться, будто я стараюсь сдвинуть твои личные границы, за которые ты так переживаешь, но это вовсе не так. Не стоит ощетиливаться на любые безобидные действия или слова.

Я почувствовала себя маленьким бестолковым ребенком, которому талдычат о премудростях жизни, а он никак не хочет или может их понять.

– Как ты можешь быть таким идеальным?

– Идеальным?

– Да. Весь такой внимательный, заботливый и вот это вот все, – я обвела его рукой в воздухе.

– Я не идеальный, – Люцифер мотнул головой. – Это ты меня видишь таким.

– Теперь я совсем ничего не понимаю.

– Во-первых, – сказал он и поднял указательный палец в наставительном жесте, – ты меня больно идеализируешь. Во-вторых, ты много обо мне не знаешь. И, в-третьих, я бизнесмен. Ты хоть где-то видела честных бизнесменов?

Я чуть со стола не упала от неожиданности.

– Бизнесмен? – у меня даже слезы перестали течь от удивления. – Ты ведь детектив.

– Стал им после случившегося. У меня есть бизнес, которым я занимался раньше. – Люцифер протянул ко мне руку и бережно вытер мокрые щеки тыльной стороной пальцев.

– Ты все бросил ради дела? – я захлопала глазами, впадая в ступор от услышанного.

Информация была неожиданной, мягко говоря.

– Не бросил. У меня есть помощники, занимаюсь руководством дистанционно, – чем

больше он говорил, тем шире я открывала рот от удивления. – Жизнь не закончилась, она продолжается. Нельзя все бросать и опускать руки, нужно жить дальше, просто с небольшими коррективами.

Стыд за собственную слабость и бесхарактерность заставил почувствовать себя неловко. Люцифер не озлобился на мир, не сдался и не сломался, сближается с людьми без страха и не дает слабину. В отличие от меня. Я явственно ощутила себя маленьким, испуганным зверьком, затравленным злыми людьми вокруг, забившимся в угол, дрожащим от страха, но шипящим на всех и вся, кто пытается протянуть руку, помочь и погладить или ударить и обидеть, неважно. Все видится в черном цвете.

– Я понимаю, почему ты так недоверчива. И очень хочу это исправить, – он сделал паузу. – Если ты позволишь конечно.

– Зачем? – я потерла натянутыми на кисти рукавами лицо. – Ты уедешь, когда все закончится. Какое тебе дело до меня?

Черт, я ведь не хотела давать ему понять, что меня волнует происходящее между нами. Мы вообще без году неделя как сблизилась, а я начинаю строить воздушные замки. Для чего? Почему? Что в нем такого?

Надо расстаться. Оставим только работу над делом между нами. Так будет проще.

– Думаю, нам не стоит продолжать отношения, – дрогнувшим голосом начала я, слезы снова защипали глаза, а в горле противно запершило. – Я буду помогать тебе, как и обещала. Съездим сегодня в архив, – я спрыгнула со стола и стала суетиться, бросив беглый взгляд на часы на микроволновке. – Уже почти полдень. Надо ехать прямо сейчас, пол дня потратили впустую.

Подойдя к стулу, где лежала моя верхняя одежда, я потянулась к ней и хотела начать одеваться, как мою руку перехватил Люцифер, поворачивая к себе.

– Мы не поедem в архив, – отрезал он.

Взялся за края худи, начиная тянуть его вверх. Я подняла руки, не задавая вопросов и позволяя себя раздеть. Теперь я осталась в джинсах и его футболке на голое тело.

– Сейчас ты пойдешь и примешь горячий душ. Тебе нужно согреться и прийти в себя, – слова прервались громким урчанием моего желудка, вызвавшем у Люцифера улыбку. – Я приготовлю завтрак, – он пригладил мои растрепавшиеся от ветра и дождя волосы, больше походившие на воронье гнездо. – Мы позавтракаем и поедem в Ист Лэйк на два твоих выходных.

«Опять командует».

Подумала я, но вслух сказала совсем другое:

– А как же архив?

– Никуда он не денется. Топай давай, – Люцифер слегка подтолкнул меня к выходу из кухни.

Попытка задать еще вопрос была пресечена его игривым шлепком по заду.

Деловой какой. Я ведь не хотела, чтобы мной командовали, но опять беспрекословно слушаюсь. Люцифер загремел посудой, пока я в смятении шла в сторону душа. На глаза попался рюкзак с вещами, собранными для совместной жизни. Подхватив его за ручку, я продолжила свой путь на автомате.

Он проигнорировал мои слова про расставание. Почему? За каким хреном ему я? Что вообще между нами происходит?

Я дошла до ванной и теперь стояла возле полки сбоку от кабинки, куда расставляла свои

принадлежности. Да и про отъезд тоже не ответил. Вот и как его понимать? Что у него в голове?

Взгляд зацепился за отражение в зеркале сбоку от меня. Оттуда на меня смотрела уставшая и заплаканная Кейт Уилсон с покрасневшими глазами, торчащими в разные стороны волосами, одетая в футболку Люцифера. Минуты три назад я собиралась расстаться, но стоило ему сказать свое слово, и я уже притаранила свой шампунь к нему в ванную.

Я приложила ладонь ко лбу, чувствуя, как начинает болеть голова, а внутренности скручивает от волнения. По коже пробежал холодок, оставивший за собой колючие мурашки. Мне и правда стоило согреться и прийти в себя.

Раздевшись, я повесила джинсы с футболкой на крючок, включила воду и нырнула под горячие струи, от которых зеркало тут же запотело, а в помещении повис легкий туман. Согреться удалось не сразу. Стараясь занять себя хоть чем-то, начала мыть голову, еле прочесав пальцами с бальзамом спутанные пряди. Легче мне стало только через пятнадцать минут стояния под горячей, если не сказать, обжигающе-горячей водой.

Неохотно покинув кабинку, промокнула тело и волосы полотенцем, оделась, просушила волосы феном, оставив их едва влажными. Короткие волоски топорщились в разные стороны, так было всегда, и я не обращала на это ровным счетом никакого внимания, но почему-то именно сегодня они меня раздражали, и я завязала дежурный пучок на голове.

На кухне меня ждал Люцифер с необычным завтраком. Моя одежда покинула стул, заботливо убранный на свое место. Помимо кофе на столе стояли две тарелки с поджаристым квадратиком тостового хлеба. Необычным было то, что серединка тоста была вырезана, как окошко, под ней виднелась яичница, накрытая сверху отрезанным кусочком хлеба.

– Что это?

– Яичница по-бирмингемски.

Я начала крутить головой по сторонам.

– К нам на завтрак приехала сама английская королева?

Люцифер широко улыбнулся, сверкая глазами, и ловким движением притянул меня к себе за талию.

– Королева, – он чмокнул меня в лоб.

– Слушай, – я обвила его руками, делая контакт теснее. – Ты уверен, что стоит бросать все и ехать отдыхать?

– Кейт, – он заглянул мне в глаза. – Один день ничего не изменит.

Люцифер коротко поцеловал меня, прогоняя остатки моих сомнений.

– Надеюсь, – я втянула носом аппетитные ароматы, от которых желудок опять заурчал на всю кухню.

– Еда, – он отодвинул стул, приглашая меня сесть. – Не забудь собрать необходимые вещи на пару дней.

Люцифер сел рядом, берясь за столовые приборы. Я взяла верхний квадратик хлеба и макнула его в желток, тут же растекшийся в подготовленной для него рамке.

– Хорошо, – пробубнила я с набитым ртом. Несмотря на простоту, завтрак оказался очень вкусным. Никогда бы не подумала, что обычная яичница вызовет во мне такой восторг. – Как думаешь, кто убил Линду?

– Не-не-не, – он поднял вилку, останавливая мои попытки поговорить о деле. – Никаких разговоров на эту тему ближайšie два дня, – отрицательно покачал головой. – Только ты, я, секс и вкусная еда.

– А можно где-нибудь там вклинить сон? Между сексом и едой, к примеру? – поймав настроение, начала я заигрывать, болтая ногами под столом.

– Нужно, – согласился Люцифер, отпивая дымящийся кофе из кружки. – Чем быстрее мы покончим с завтраком, тем быстрее начнется все самое интересное.

Действительно, почему бы не дать себе поблажку? Наш убийца никуда не денется, а вот возможности провести время вдвоем, в спокойной обстановке, а не рядом с фотографиями трупов у нас, вероятно, больше не случится.

***

До Ист Лэйк мы добрались достаточно быстро. Я успел забронировать самый презентабельный номер в одной из местных гостиниц, пока Кейт принимала душ. Стоя у ресепшн, занимался оформлением документов, поглядывая одним глазом за Уилсон, с интересом изучающей обстановку. Просторный холл, залитый светом, с высокими потолками и неизменной позолотой в оформлении. Ничего оригинального.

Гостиница имела четыре звезды, самое большое количество, которое можно было найти в этом городе, что немало меня удивило. Я даже не рассчитывал на нечто стоящее по моим меркам, но сменить декорации с криминальных на обыденные было жизненно необходимо.

Получив ключ-карту, я взял Уилсон за руку и повел к лифту. Девчонка явно нервничала, бьюсь об заклад, никогда не бывая в подобных местах.

Самый верхний этаж, просторный номер с гостиной и спальней, видом на город через панорамные окна и без соседей. Видали и лучше, но тоже не плохо. А вот Кейт прильнула к огромному окну, чуть ли не тыкаясь в стекло носом.

– Как прикольно, – одобрила она. – Только погода мерзость. Давай никуда не пойдем.

Я подошел ближе, заглядывая вниз. Редкие прохожие, больше походившие на игрушечные фигурки с зонтиками, сновали туда-сюда, не задерживаясь на месте. Накрапывал дождь, рискующий перерасти в ливень всего за какие-то считанные минуты. Свинцовые тучи, разрезаемые вспышками молний, висели на небе, сгущаясь все больше. Погода мало походила на романтическую, навевая тоску и холод. Впрочем, со способами развеять их проблем не было.

– Хорошо, – согласился я, понимая, что самому выходить в эту серость совсем не хочется. – Закажу ужин в номер.

Пока я делал звонок Кейт распустила волосы и разделась, оставшись только в моей футболке (совсем не заметил, как она стала носить мои вещи) и трусах, с задором плюхнулась на идеально заправленную кровать, разлегшись звездой.

Я положил трубку, так и остался стоять в гостиной, откуда виднелась часть спальни.

Что у этой девчонки на уме?

Она так разволновалась утром. Наделала глупостей, побоявшись остаться одной.

Как бы я поступил, если бы она забеременела? Хм, хороший вопрос.

Уже второй раз мы оказываемся вдали от Линдена с его убийствами и уже второй раз при взгляде на Уилсон я думаю о том, как хочу бросить к чертям это расследование, поиск гребаного ублюдка, испортившего мою жизнь. Хочу купить огромный дом, завести семью, кота (Кейт, кажется, хотела собаку) и забыть обо всем происходящем, как о дурном сне. Мне тридцать пять лет, пять из которых я занимаюсь вообще не своей работой. Но я дал

обещание, стоя на ее могиле. А свое слово надо держать.

Я устал. Устал от этой бесконечной беготни за мезтью и справедливостью. Понял это только сейчас, когда, просыпаясь каждое утро рядом с Кейт и засыпая каждый вечер рядом с ней, чувствовал себя спокойно. Человеком, а не ебаной гончей, рыщущей по следу. Почему-то именно Уилсон я не боялся довериться и открыться, как и она мне. Ей я точно мог рассказать все о себе. Абсолютно все.

– Кейт, – я вошел в спальню, остановившись на пороге.

– М-м-м? – мечтательно промурлыкала она, глядя в потолок.

– Я рассказал о себе не все.

– В смысле? – она подскочила на кровати с глазами-блюдцами и растопыренными руками. – Ай! – схватилась за шею.

– Сейчас.

Я вышел обратно в гостиную, вернувшись к своей сумке. В маленьком кармане сбоку лежало то, что мне нужно – армейские жетоны на цепочке.

Уилсон сидела на кровати, растирая шею и крутя головой, в попытках убрать зажим.

– Возьми, – я протянул жетоны, сел рядом и начал разминать ей мышцы.

Она довольно вздохнула, рассматривая внимательнее принесенную вещь.

– Это же... это... ты служил? – Кейт развернулась и ошарашенно уставилась на меня, позабыв про больную шею.

– Я не горжусь этим периодом своей жизни, – скинув обувь, я улегся на кровать и заложил руки за голову. – Но тебе хочу о нем рассказать.

***

Государство, приказывающее умирать детворе

Всегда назовет себя родиной.

Дельфин – 744

Мне казалось, я изучил каждую складку на куполе палатки песочного цвета. Раскаленный воздух пропах потом и едой из полевой кухни. Мне никогда не забыть этот запах. Духота стоит невыносимая, вечерняя прохлада только начала опускаться на наш лагерь, врываясь в скромную обитель легкими потоками воздуха. Камуфляжные штаны и майка – незамысловатая одежда, но даже ее много в этой жаре. Хочется содрать с себя кожу, спасаясь от зноя.

Вокруг царит обычная вечерняя суэта. Парни готовятся к завтрашнему дню с таким спокойствием, словно мы офисные клерки, а не на военной базе. Голову даю на отсечение, половина так точно нервничает, но не покажет своего состояния. И к лучшему. Не к чему расклеиваться, мы не дома у мамки под юбкой.

Единственный, кто не скрывает своего беспокойства – это Ковальски. Он сидит на соседней с моей кровати и в очередной раз дырявит взглядом фотографию в руке.

– Люц, ты волнуешься? —выводит меня из своеобразной медитации его голос.

Парнишка девятнадцати лет, с ежиком на голове и тщедушным телом, на котором только армейская жизнь смогла начать задавать хоть какой-то рельеф. Что он вообще тут делает?

– Нет.

– Мне остался всего месяц до конца контракта, – он гладит фотографию. – Скорее бы вернуться домой.

– Вернешься, – утвердительно успокаиваю парня.

Точно знаю – волнуется, как и перед каждой спецоперацией. Его отправил сюда отец, решил, что так его сын из забитого мальчишки превратится в сурового мужика. Вот ведь наивный.

Я здесь тоже по воле отца, но у меня хотя бы был выбор.

Справа от нас слышен гогочущий смех, опять Майерс красуется перед сослуживцами. Ковальски поднимает взгляд на них, в очередной раз получая порцию презрения. Стушевавшись, коротко смотрит на меня, пока я все также гипнотизирую потолок. Слышны тяжелые шаги подходящего к нам Майерса.

– Ковальски, волнуешься, не ебет ли кто твою телочку? – парень сопровождает свои слова соответствующими телодвижениями.

Мой сосед отворачивается, пряча фото в тумбочке, и молчит.

– Майерс, ты уже приготовился к завтрашнему дню? А то смотри, – говорю я и сажусь на кровати, свесив босые ноги на пол и уперев локти в колени, – боеКейт выебут тебя.

Сослуживец кривится, едва не плюя мне под ноги, но не отвечает, знает – со мной шутки плохи. Он кидает последний, презрительный взгляд на нас обоих и уходит обратно.

– Он тебе завидует, – шепчет Ковальски.

– С чего взял?

– Тебе доверили быть старшим завтра, хотя ты младше его по возрасту. Его это бесит, – все так же шепотом продолжает он, осторожно поглядывая в сторону Майерса.

– Если бы возраст имел хоть какое-то значение здесь, – ухмыляюсь я.

Парень едва заметно улыбается на мое замечание. Он смотрит на тумбу, куда убрал фото девушки, но снова его не достает.

– Она меня ждет, я верю, – говорит, убеждая скорее самого себя.

– Ждет, Ковальски. Осталось совсем немного и вы увидите, – подбадриваю парня, зная, как он трусит перед завтрашним днем.

– А ты? – завязывает он беседу. – Тебя ждет девушка?

Несмотря на то, что мы соседи, о личном говорим мало. Некогда.

– Родители.

– И все? А как же... – начинает сослуживец.

– Мы расстались перед моим отъездом сюда, – спокойно отвечаю я.

Ковальски становится очень удивленным.

– Не захотела ждать?

– Я не захотел, чтобы она ждала. Два года – немалый срок, к чему так обременять молодую девушку, – слегка пожимаю плечами. – К тому же, здесь нужна трезвая голова и холодный ум, – я прислоняю указательный палец к виску. – Подобные мысли только отвлекают.

– Разве ты не думаешь о родителях хотя бы?

– Думаю, – киваю соглашаясь. – Но родители любят тебя безусловно и всегда будут ждать. Зато любовь к парню, которого ты не видишь два года, ушедшему по собственной воле

в армию, субстанция эфемерная, – кручу в воздухе ладонью, иллюстрируя слова.

– Не веришь в настоящую любовь? – мой сосед улыбается самой наивной улыбкой.

– Верю, но не на расстоянии.

– Ты пессимист, – подкалывает он меня. Не выдержав, снова достает фото любимой, сразу просияв при виде ее лица.

– Я реалист.

Дежурный оповещает об отбое, свет с громким щелчком гаснет, погружая огромную палатку, служащую временным домом, во тьму.

– Надо отдыхать, – говорю я в темноту, укладываясь обратно.

– Угу, – отвечает сосед.

Слышится хлопок дверцы тумбы и скрип пружин продавленной кровати.

Когда глаза привыкают к темноте, смотрю на своего соседа. Он не спит, почти не моргая глядя в потолок. Как и всегда перед подобными днями.

Ему точно здесь не место.

Утро для нас начинается в четыре часа, с едва забрезжившим рассветом, красящим пески в розовый оттенок. Нас высаживают за пять километров до цели – дома, где засела банда боевиков. Пробраться сквозь развалины города необходимо с большой осторожностью, не выдав свое присутствие ни лишним шорохом, ни случайным звуком.

Когда наша команда достигает точки сбора, мы делимся на две группы.

– Первая группа, южный вход, – отдаю короткий приказ.

Парни кивают, молча отделяясь от основной массы.

– Вторая, северный.

– Северный?! – встречает Майерс, делая ко мне шаг. – Полковник говорил на брифинге о восточном входе.

За темными защитными очками не видно толком глаз, чтобы понять его эмоции, но точно знаю – он готов сдать меня с потрохами, как только мы вернемся.

– Ты видишь здесь полковника? – задаю вопрос с очевидным намеком. Сослуживец молчит в ответ. – Не видишь, – отвечаю за него. – Потому что он остался греть жопу в штабе, а не подставлять ее под пули. Я не собираюсь рисковать людьми и ломиться как баран туда, где наверняка взрывчатки, как у тебя уверенности в собственной исключительности, – Майерс дергает губой, судя по всему, не понимая. – Дохуя, – поясню я. – А теперь хорош языками трепать.

– Так точно, – вяло отвечает он, отходя в сторону.

– Ковальски, – зову своего соседа, парень делает шаг вперед, крепче сжимая винтовку в трясущихся руках. – Держись остальных.

Он кивает, тяжело сглатывая.

Бесшумно крадемся, пробираемся к низкому обшарпанному дому грязно-белого цвета, обходим, прячась за стенами, покрытыми сколами от взрывов. Кручу двумя пальцами в воздухе, давая группе сигнал. Один из наших с грохотом выносит дверь с петель, мы залетаем следом пользуясь эффектом неожиданности. Начинается стрельба, всюду слышны крики раненых и суета противника.

Окружающий мир словно приглушили, оставив только винтовку в моих руках и сконцентрированное на цели зрение. Я нажимаю на курок, не считая количество убитых.

Передвигаюсь по комнатам, зачищая здание, на деле прошло минуты три, по ощущениям все тридцать. В воздухе висит тяжелый запах пороха и железа, отодвинувший на второй план

мерзкие запахи затхлых тряпок и минималистичного быта боевиков. В одной из комнат натыкаюсь на противника, рядом с которым на полу лежит один из наших. Камуфляжная форма залита кровью, как и пол вокруг, с разметанными по нему выстрелом брызгами крови и осколками защитных очков.

Боевик странно выглядит со спины, тощий и рост не очень большой. Секунду мешкаю, не стреляя, этого хватает, чтобы он услышал меня и обернулся, направив в мою сторону обрез.

Парень. Подросток. Лет четырнадцать, не больше. Одетый в жуткие лохмотья и стоптанную обувь, он держит уверенной рукой свое оружие. Он уже убивал. Это не первый и даже не второй раз. Выстрел четко в лицо моего бойца. Такой меткости стоит позавидовать.

Замечаю мимолетное движение, парень собирается нажать курок.

Моя жизнь или его?

Разве выбор не очевиден?

Я опережаю его, реагируя быстрее. Гремит выстрел, оглушая до звона в ушах. Противник с гулким ударом о пол падает замертво, роняя свое оружие, раскинув руки по сторонам.

Попадание точно в цель. Теперь по истертым временем деревянным доскам течет новая струйка крови, впитываясь в грязный пол, проникая в каждую, даже самую малозаметную щель, навсегда оставляя следы смерти здесь.

Подхожу ближе, присаживаясь над своим сослуживцем.

Ковальски.

«Твою же мать... Говорил тебе держаться остальных».

У парня нет пол-лица, но узнать его несложно, ведь я видел его каждый гребаный день.

Лицо похоже на бурое месиво из крови и мяса, куски плоти торчат рваными краями, а вокруг растекается огромная красная лужа, в которой виднеются розоватые ошметки мозга и костей. Один уцелевший глаз смотрит в потолок, но даже там вижу испуг – последнюю эмоцию, отпечатавшуюся в сознании Ковальски.

Позади слышен топот. Вскрываю с винтовкой наперевес. В дверях появляется Майерс. Он бегло осматривает помещение.

– Теперь телочку Ковальски точно кто-нибудь выебет? – сально ухмыляется он, глядя на тело товарища.

– Завали ебальник, Майерс, – злобно одергиваю его.

Сослуживец ничего не отвечает, только искривляет губы в мерзкой улыбке и уходит прочь.

Я наклоняюсь обратно к Ковальски, снимаю защитную перчатку и закрываю ему веко на единственном уцелевшем глазу, проведя онемевшими от стрельбы пальцами вниз.

Все, что получит его девушка и родители – цинковый гроб, который даже нельзя будет вскрыть, чтобы попрощаться.

– Люц! – зовет меня кто-то из коридора. – Погляди.

Иду на голос, попутно оглядываясь вокруг. Дом завален заготовками под взрывчатку: провода, бруски тротила, оружие – боеКейт точно не чай тут пили.

В коридоре останавливаюсь посередине прохода, присвистнув зрелищу. Весь главный вход буквально нашпигован взрывчаткой. Действуй мы по плану полковника – остались бы фаршем на стенах, так и не приступив к операции.

Моя самоуверенность вновь сыграла мне на руку.

Я делаю паузу в рассказе, пока женщина в возрасте с седыми волосами, собранными в аккуратную прическу, и крупных очках, сидящая напротив меня, делает себе пометки в записях. В тишине слышен только стук метронома, стоящего на ее рабочем столе. Ужасно раздражающая вещь. Зачем ее только используют?

– Когда операция была закончена, мы взяли языка. Он рассказал о том, что их группировка готовила серию терактов, – продолжаю после паузы, женщина поднимает глаза от записей ко мне. – В частности этот парень должен был исполнять роль смертника. Его собирались перебросить в крупный город, где он собрал бы взрывчатку так, как его научили, и привел ее в действие. Знаете где? – выжидательно молчу. Лицо женщины ничего не выражает. – В торговом центре, в игровой зоне для детей.

Ее бровь едва заметно дергается.

– Значит вы спасли граждан своей страны? – спокойно спрашивает она.

– Точно. Возможно ваших детей, – киваю в ответ.

– Мои дети уже взрослые, – абсолютно ровным тоном отвечает психолог.

– Значит внуков, – губы женщины едва заметно дрогнули на мой ответ. Задел за живое. – Люди такие эгоисты. Воюют за равноправие, свободу и жизнь для всех и каждого. Но стоит встать вопросу ребром – моя жизнь или моих близких против чужой, – говорю я и указываю сначала на себя, а затем на мою собеседницу, – и выбор становится очевиден, – скалюсь в злорадной улыбке. Никто не любит подобные темы. – Чужая жизнь резко теряет позиции своей ценности, падая на самое дно нашей морали.

Беру со столика рядом с креслом стакан воды и делаю глоток. В горле совсем пересохло после моего длительного рассказа. Кабинет обставлен дорожкой мебелью на заказ из редких пород дерева. Все расставлено четко по своим местам, словно по линейке, как в армии. Любовь к порядку похвальна. В воздухе висит сладковатый запах духов доктора, пропитавший собой каждый предмет в этой комнате.

– Насколько гибка человеческая мораль, – прерываю воцарившуюся между нами тишину. – Убивающий за свою страну – герой, достойный награды. Убивающий просто так – конченный урод. Где грань между ними? Когда убийство становится оправданным? – посещают меня философские вопросы.

– Вас терзает чувство вины? – более заинтересовано вопрошает женщина.

– Нет. Я выполнял приказ, – не лгу, действительно так считая.

– Вам приказали убивать детей?

«Вот сучка».

– Мне приказали зачистить территорию врага, – снова отпиваю из стакана и ставлю его на столик, стекло цокает о дерево. – Не моя вина, что один из них оказался подростком.

– Окончательное решение принимали вы, – продолжает настаивать на своей линии моя собеседница. – Возможно все же, в глубине души, вы вините себя? Думаете, что могло быть иначе.

«У нее там список провокационных вопросов на листочке?»

– Как иначе? – немного зло и нервно спрашиваю в ответ. – Моя жизнь против его, – указываю на себя, а затем в сторону, обозначая воображаемого врага. – На размышления доля секунды. Любой человек в здравом уме выберет свою задницу, она ближе к телу, –

ухмыляюсь мимолетной реакцией на ругательное слово. – Я сделал выбор. К тому же у него было оружие, из которого он собирался выстрелить. Мы были на равных.

– Тогда почему вы об этом рассказываете, если не терзаетесь виной?

– Вы точно психолог? – скалюсь, запрокидывая голову назад, на подголовник мягкого кожаного кресла, стискивая пальцами обивку, скрипящую в тишине.

– Мы обсуждаем истоки вашей любви к агрессии. Военный опыт – один из них, – она делает себе пометки с отстраненным лицом.

«Интересно, ей правда похрен? Или это такая психологическая фишка?»

– Может я всегда таким был? – пожимаю плечами, отводя глаза от лица женщины под потолок. – Армия только вывернула наружу мое истинное нутро?

– Не исключено, – легким кивком сопровождает свои слова психолог. – Именно поэтому вы здесь, – она отводит руку с ручкой в сторону, обозначая свой кабинет.

– Я здесь потому, что моя девушка считает любовь к агрессивному сексу патологией.

Я выпрямляю голову резко, до простреливающей боли в шее.

На лице женщины не дрогнул ни один мускул.

– Если такая практика устраивает обоих и не нарушает рамки закона – это нормально, – произносит она успокаивающим тоном.

– Она так не считает, как видите, – слегка раздражаюсь, ловя себя на ощущении какой-то ненормальности.

– Вы рассказывали ей о войне? – ведет беседу в нужное русло моя собеседница. – Подробности. О своей награде, за что вам ее дали.

– Нет, конечно, – кривлюсь на вопрос с очевидным ответом.

– Между вами нет доверия? – спрашивает женщина, опять делая свои гребаные пометочки.

– Есть, – утвердительно отвечаю я, хотя внутри что-то екает, намекая на обратное. – Просто у каждого человека существуют скелеты в шкафу, которые лучше не показывать близким, – замолкаю, фокусируясь на жутко раздражающем метрономе на столе. – Она не поймет меня.

«Зачем ставить такие предметы в кабинете психолога?»

Не задумываясь ни на секунду, поднимаюсь с кресла, в пару шагов преодолевая расстояние до стола. Коротким жестом останавливаю щелкающую стрелку, погружая нас в блаженную тишину. Доктор опять что-то помечает у себя.

– Бойтесь, что она уйдет от вас, когда узнает? – со спокойствием удава на лице вопрошает психолог.

– В том числе, – честно признаюсь я.

На столе у доктора также идеальный порядок, почти что нездоровый. Разворачиваюсь, возвращаясь на свое место, кресло скрипит кожаной обивкой под моим весом, пока я принимаю максимально удобную позу.

– Вас не посещала мысль о том, что вы несколько расходитесь во мнениях о жизни?

– Посещала.

– Думали что-то с этим делать?

– Нет. Зачем?

Я в самом деле искренне не понимаю, почему я должен переживать по поводу разности мнений.

– Вы планируете сделать предложение вашей возлюбленной? – продолжается

бомбардировка вопросами.

– Да. Именно поэтому я здесь, – развожу руками, обозначая пространство вокруг. – Будь мне все равно, я бы ни за что в жизни не пришел.

– Семья – серьезный этап отношений. Можете сказать, что между вами есть полное, – выделяет она интонацией слово, – доверие?

Она не отвечает толком ни на один мой вопрос, зато своих задает дохрена и больше. Еще и выводы какие-то делает из моих ответов.

– Пойдите. Вы намекаете, что мы друг другу не подходим? – брови ползут вверх от удивления и неожиданной догадки.

– Я спросила лишь о доверии, – женщина поправляет очки, коротко касаясь дужек элегантным жестом.

– Я понял. Это такой хитрый психологический прием, – усмехаюсь, помахав указательным пальцем в воздухе. – Вы хотите сказать, раз она не поймет всей правды обо мне, и в постели мы несколько не сошлись, – говорю и качаю ладонью, иллюстрируя слова, – то мне стоит поискать кого-то другого?

– Это ваша мысль, не моя, – указывает кончиком ручки на меня доктор.

– Вас этому в университете научили? Всем этим странным приемчикам.

– Я только задаю вопросы, – тут же открещивается она.

«До чего же хитрожолая, стерва».

– Давайте так, – я подтягиваюсь вперед, придавая телу более ровное положение и хлопаю раскрытыми ладонями по широким подлокотникам. – Идеально подходящих друг другу людей не существует. Окей? – в голосе уже слышно нескрываемое недовольство. – Я не буду рассказывать всю правду и несколько поумерю свой пыл. Она смирится с этим, и мы оба будем счастливы.

Жду ответа на свою тираду или хотя бы очередного вопроса в ее стиле, но доктор только делает записи, скрипя ручкой по белоснежному листу.

– Не обязательно ломать себя ради кого-то, – словно невзначай бросает моя собеседница, постучав стержнем о бумагу.

– Я себя не ломаю! Что за вздор? – плечи нервно дергаются синхронно со словами.

– Не хотите поговорить о вашей самоуверенности и любви к командованию? – спрашивает доктор, никак не отвечая на мою реплику.

«У нее там точно список вопросов».

– Нет, – откидываюсь назад на спинку и скрещиваю руки.

– Вас все устраивает?

Женщина задает вопросы как робот, совсем не окрашивая их ни в какие личные эмоции. Либо хорошо скрывает их, либо ей в самом деле все равно. Деньги заплачены, можно слушать любой бред за такую сумму.

– Считаю их своими достоинствами. Благодаря которым, кстати, я могу позволить себе ваш прием, – ответ выходит слегка надменным.

– Вы злитесь на отца?

– На отца? За что? – искренне удивляюсь я.

– За его методы воспитания.

– А нужно? Благодаря им я смог добиться всего.

– Уверены? – наконец-то вижу хоть маленькую вовлеченность в разговор, женщина демонстрирует интерес. – Может это только ваша заслуга?

Не спешу с ответом, наслаждаясь неожиданно возникшей тишиной в паузе.

«Может уйти отсюда прямо сейчас? Но я ведь обещал посещать сеансы».

– Не поставь он мне условие, я бы не стал тем, кем являюсь, – нервно притопываю ногой синхронно с ответом.

– Уверены? – вторит доктор.

– Вы другие слова знаете? – беседа становится агрессивной. – Ваша фамилия не Менгеле? Разговор с вами настоящая пытка.

Внезапно доктор совершенно искренне улыбается на мою шутку.

– Вы могли стать успешным бизнесменом и без участия в военных действиях, – проговаривает она уже более мягко.

«Она меня провоцирует что ли?»

– Послушайте, – кидаю короткий взгляд на наручные часы. Сеанс почти закончен. – Таковы были условия доступа к моему счету. Они с мамой всю жизнь пахали, как проклятые, собирая эти деньги. Он должен был удостовериться, что я не спущу их на ветер и в состоянии быть ответственным, – сдержанно выдаю факты своей биографии, поправляя манжеты пиджака.

– Вам было двадцать лет, когда вы отправились на службу по контракту. Совсем юны, – мне показалось, в ее тоне появилось немного жалости.

– Вполне себе взрослый, – отмахиваюсь, с нетерпением ожидая конца нашего дурацкого разговора.

– Скучаете по Ираку? Возможности выплеснуть агрессию?

«Ха. Я и не заметил, как она подвела разговор к этой теме».

– Считаете, мне это надо?

– Можно найти альтернативу.

– Альтернативу?

«Какую в жопу альтернативу?»

– Спорт. Бокс, например, – придумывает женщина ответ, рассматривая стены за моей спиной.

– Я все еще не понимаю, за что заплатил такие деньги, – раздражаюсь в очередной раз.

– Думаю, на сегодня наш сеанс окончен, – вдруг обрубает доктор. – До следующей встречи.

Следующая встреча. Да будь моя воля, я бы сюда ни за что в жизни не вернулся.

***

Я снова оказался в этом кабинете. Как это вышло? После тех сеансов я дал себе слово ни ногой сюда. К чему мне эти бестолковые беседы за такие баснословные деньги? Зато меня, вроде как, слушают. В отличие от остальных людей, но им я и не плачу. Какое им дело до моих проблем?

Я рассказал доктору о произошедшем во всех подробностях, не щадя ее психику и чувства, если они у нее есть конечно. Выслушав мою историю, она встает с места, идет к рабочему столу и останавливает стрелку метронома, даря так любимую мной тишину.

– Вас есть кому поддержать? – сочувственно спрашивает женщина, опускаясь обратно в свое кресло.

– Родители, – делаю паузу раздумывая, – друзья. Но эта поддержка, – я обреченно хмыкаю. – Дежурные фразы. «Все будет хорошо», «Держись», «Ты справишься». Такое дерьмо.

– Поэтому вы здесь? – она наклоняется, подталкивая мне коробку с салфетками.

– Я не поплакать пришел. Мне нужны свободные уши, – честно признаюсь, выливая неприглядную правду.

Что я поделаю, если меня никто не слушает, а проговорить свое состояние мне смертельно необходимо, иначе лопну от перенапряжения.

– Расскажите о своей невесте. Какая она? Почему именно она вас привлекла? – Либо мне кажется, либо ей и правда интересно.

О таком меня еще никто не спрашивал.

«Мадам невозмутимость мне сочувствует?»

– Она не клеилась ко мне, как все девушки вокруг, – захожу с неожиданной даже для себя стороны. – Мы познакомились в общей компании. Знаете, как бывает, – слегка улыбаюсь, вспоминая нашу встречу. – Кто-то позвал кого-то, друзья, подруги. Нас представили, а я даже внимания никакого по началу не обратил, – положил голову на подголовник и уставился в идеально белый потолок. Так словно было проще говорить. – Подумал, наверное очередная девушка, которая сразу после знакомства весь вечер будет не отлипать от меня. Не люблю навязчивость в людях. А она возьми, да начни меня игнорировать. Совсем. Сидела с подругами, щебетала о своем, даже не смотрела в мою сторону. Вот это был вызов, я-то к такому не привык, – я сделал паузу, помолчав. – Она отказалась дать свой номер. Представляете? Вредина, – тяжелый ком подступил к горлу. – Я практически помешался на ней. Взял номер у ее друзей. Писал ей как маньяк постоянно, – запнулся от своей собственной формулировки. – Обхаживал, – продолжил после короткого вдоха, беря состояние под контроль, – постоянно напоминая о себе. В какой-то момент она сдалась, согласилась на свидание. Назвала меня самоуверенным засранцем, – улыбка сама собой расплзлась на лице. – Мне снятся кошмары, точнее один. Каждый день, – прервал я свою ностальгию. – Это я виноват. Не нужно было хранить ежедневник на столе на виду, – я прикрыл глаза на минуту. – Иногда мне кажется, что все это не со мной. Не взаправду.

Тьма, поглощавшая меня долгие месяцы и изгоняемая всеми силами из недр души, возвращается обратно после моих слов. Тянет в бездну, опять рождая дурные, опасные мысли. Невыносимо жить на этом свете, допуская хотя бы крошечную мысль о чувствах к кому-либо другому.

– Вы верите в бога? Может, стоит обратиться к вере? Она часто помогает, – предлагает доктор, вырывая меня из траурного молчания.

– Бога нет, – горько констатирую факт.

– Никогда не верили?

– Верил, раньше верил. Мы ходили в церковь по воскресеньям, – закрываю глаза вспоминая. – Забавно, учитывая то, как меня зовут. Может это наказание за мое имя?

– Не думаю, – утешает женщина.

Мне либо кажется, либо она серьезно жалеет меня, и наша беседа более уютная, нежели в прошлый раз. Пока что.

– Ваш военный опыт, – заходит доктор издалека. – Имеет какие-то особенности?

– О чем вы? – открыв глаза, я уставляюсь на собеседницу.

– Вы пытали людей? Или, может быть, пытали вас? – спрашивает она в лоб.

– К чему вам эта информация? – бровь изгибается от удивления.

– Попытки в участке не произвели на вас никакого впечатления, – осторожно поясняет женщина.

– Война – не детский утренник, доктор, – отвечаю без намека на агрессию. – Эти кретины ограничились двумя заходами, – насмехаюсь над полицейскими. – Даже самый трусливый боевик не раскололся бы, а я так и подавно.

– После войны у вас не было психологического расстройства или травмы, – доктор сжимает губы, делая жалостливое лицо. – А сейчас у вас все предпосылки к, как минимум, начинающейся депрессии.

– Вы когда-нибудь любили, доктор?

– Да.

– Тогда я не понимаю, почему вас это удивляет. Я не бездушная и бессердечная машина для убийств, если вам так кажется.

– Это ваши слова.

– Вы точно психолог? – снова раздражаюсь. – Хотя, я уже спрашивал. На войне ты каждый день ждешь смерти. Любой из твоих товарищей может завтра быть убит. Ты не хочешь этого, но морально готов, – пытаюсь пояснить доктору, как маленькой. – Но ты никогда не готов морально принять тот факт, что смерть может настичь твоего любимого человека у тебя дома. Что какой-то псих способен пробраться в твоё жилище и превратить твою жизнь в ад. Отобрать у тебя все.

Взгляд женщины становится печальным. На прошлых сеансах такого не наблюдалось, чем я немало удивлен.

– Татуировка, – она бегло осматривает виднеющиеся из-под ворота и рукавов рисунки. – Почему сделали?

– В тот день она высказала мысль о тату, – я вытянул руки, рассматривая обновку на своём теле. – Память.

– Можете сказать, что таким образом пытались прожить свою боль? Через тело? – доктор обвела мою фигуру обратной стороной ручки.

Я молча пожал плечами. Не думал об этом, честное слово.

– Вы не наносили себе других увечий?

– Других?

– Татуировка, своего рода, осознанное самоповреждение.

Тягостное молчание, возникшее в кабинете, ответило за меня лучше любых слов. Я заерзал в кресле, положение резко стало неудобным, а пейзаж за окном очень интересным. Оказывается, сегодня на улице стояла солнечная погода. Я даже не заметил.

– Послушайте, Люцифер, – ошарашивает меня своим обращением женщина. Она кладет записи на стол, снимает очки плавным жестом, накрывая ими заметки. – Сейчас я скажу нечто кощунственное для вас. Говорить буду не как ваш врач, а как человек, – она подается вперед, чуть склоняя голову на бок и облачаясь рукой о подлокотник. – Время лечит. Сейчас вам кажется, будто жизнь кончена и не имеет смысла. Но, – она останавливается, рассматривая меня и давая секунды на осмысление, – вы обязательно встретите ту, которую сможете полюбить вновь.

Голова словно сама собой качается, отрицая ее слова. В самом деле кощунство.

– Я больше не смогу полюбить никого на этом свете. Никогда, – без раздумий утверждаю, боясь допустить подобные мысли в свою голову.

– Не будьте так категоричны, – аккуратно останавливает меня доктор. – Не стоит наказывать себя жизнью в одиночестве.

– Никакого наказания, что вы, – хмурюсь в отрицании ее предположения моих мотивов. – Само собой, я встречу девушку, с которой будет хорошо, о которой я буду заботиться. Стану замечательным мужем и отцом, но вряд ли она сможет вызвать во мне хоть малейшую долю этих чувств. Если она не будет требовать от меня любви, то мы взаимовыгодно сойдемся.

– Вы разобьете ей сердце, – в собеседнице говорит женская солидарность.

– У меня достаточно денег, чтобы его склеить, – цинично замечаю в ответ.

Звучу, как самый конченный на свете мудака. Так проще.

– Очень надеюсь на перемены в ваших взглядах, – доктор поднимается с места. – До следующего сеанса, Люцифер.

– Я больше не приду, – остаюсь сидеть на месте, наперекор намекам женщины.

– Почему? – она несказанно удивляется.

– Получил лицензию частного детектива, – встаю, сопровождаемый озадаченным взором, дохожу до двери, распахивая ее на ходу. – Буду искать убийцу. Всего хорошего, доктор, – дежурно улыбнувшись, не жду ответа, исчезая в коридоре.

***

К тому времени, когда Люцифер закончил рассказ, я лежала рядом с ним, не сводя глаз с его лица и потирая жетоны пальцами, ощупывая каждую выбитую на них букву его имени, группы крови и вероисповедания. Будто могла кончиками пальцев дотронуться до этой темной главы его истории.

– Здесь написано, что ты католик, – указала кивком на вещицу в моей руке.

– Я потерял веру – это осталось как напоминание.

Взгляд Люцифера печальный, полный сожаления и воспоминаний, которые, увы, не стереть ничем.

Я провожу свободной рукой по его руке, нежно сплетаю наши пальцы, получаю такую же взаимную нежность в ответ.

– Почему ты рассказал мне об этом?

– О таком неприглядном факте моей жизни знают только мои сослуживцы и психолог, к которому я ходил. Даже отцу не говорил, – он привстал, в итоге сев на край кровати спиной ко мне. – Ни к чему ему эти знания. А ты, – он повернул голову в бок, – точно меня поймешь и не отвернешься. Уверен.

Он вновь выпрямился, рассматривая пейзаж за окном.

– Пойму, – быстро, стараясь не сделать лишней паузы, согласилась я, обняла его одной рукой, прижалась щекой к спине, почувствовав тепло тела даже через одежду. – Тебя нельзя осуждать за твои действия. На войне не приходится выбирать.

– Послушай, – Люцифер сел боком ко мне. – Оставь их себе, – он показал глазами на жетоны. – Пусть будут напоминанием о том, что не всегда наши решения правильны с точки зрения морали. Главное, чтобы решение отзывалось внутри тебя, – он дотронулся до моей груди. – И находило место в твоей системе мира.

– Ох, – я вздохнула удивленная таким подарком. – Хорошо.

Люцифер встал, на ходу начиная раздеваться.

– Схожу в душ. Надо прийти в себя.

Он скинул одежду на кресло в углу комнаты, через пару минут послышался шум воды.

Я послушно ждала его, предварительно спрятав столь ценный подарок в рюкзак, который притащила в спальню. В котором так кстати обнаружались презервативы (надо предохраняться, Уилсон!), тут же водруженные на тумбочку.

Настроение «обнять и пожалеть» быстро овладело мной, стоило Люциферу вернуться в комнату, и расположиться рядом со мной.

На нем были пижамные штаны неизменного черного цвета. Взъерошенные влажные волосы, делали образ милым и домашним, в глазах появился огонек, без намека на печаль и сожаление. Воистину, смыть негатив можно физически.

По-хозяйски закинув ногу на его бедро, я обняла Люцифера и устроилась поудобнее на широкой груди. Сразу начиная обводить контуры чернильных узоров подушечками пальцев. Он крепко прижал меня к себе, мягко поцеловав в макушку.

– Мы живем в таком уродливом и жестоком мире, – грустно выдохнула я, обойдя череп и рога Бафомета по контуру.

Люцифер поймал мою ладонь, ласково сжимая пальцы и останавливая мои действия.

– Не согласен, – он поцеловал тыльную сторону руки, плавно перекатил меня на спину и навис сверху.

Я обняла его за шею свободной рукой, слегка пощекотав пальцами кожу у линии роста волос. Он провел кончиком языка по своим губам – знаю, ему нравится, когда так делаю.

– Почему? – искренне удивилась я. Вот уж от кого, а от Люцифера точно не ожидала таких слов.

– В мире есть хорошее, но его нужно уметь увидеть, – его глаза искрились нежностью, уголки губ тронула легкая улыбка.

Я протянула руку, поправляя влажные выбившиеся пряди черных волос. Он воспользовался моим жестом, отрывисто продвигаясь поцелуями по внутренней стороне руки, от запястья и почти до самого локтя. Кожа немедленно покрылась крупными мурашками под каждым касанием губ. Внутри все замерло, взбудораженное этой нежностью.

– В мире есть вера, – продолжал свою речь Люцифер.

– Вера? – я удивилась, позабыв про трепетный момент.

– Не в бога, – отмахнулся он. – В себя, в свои силы.

– Допустим, – согласилась после коротких раздумий.

– Надежда. На лучшее, на счастье, – Люцифер погладил меня по разбросанным по подушке волосам. – Любовь, – добил он, заставляя сердце замереть на миг.

– Они не вписываются в наш уродливый мир, – печально заметила я в ответ.

– Я впишу, – бескомпромиссно заверил Люцифер, наклонился ближе и поймал мои губы в плен жаркого, властного поцелуя.

И я точно поняла – он впишет, прогнет этот чертов мир, но заставит его дать ему шанс на счастье.

Он скользил ладонью вверх по моему бедру от колена до талии, оглаживая каждый изгиб, задирая свою собственную футболку выше, и я осознала, что не надела бюстгальтер, оставшись под ней без всего. Такое упущение сыграло на руку Люциферу. Наше взаимодействие меняло настроение подобно флюгеру в переменчивую погоду.

Хлопковая ткань стала раздражающей преградой, которую я сняла, слегка

приподнявшись на локтях.

– Иди ко мне, – позвала, протягивая руки к его лицу.

Взгляд Люцифера подернут дымкой желанья, повисшего в воздухе немного терпким мускусным ароматом, смешавшимся с его парфюмом. Я тонула в этих запахах, ввевшихся в мою кожу до самого нутра. Не смогу его забыть, вырвать из памяти, даже если очень захочу. Он навсегда останется там, со своей заботой и закрытым наглухо сердцем.

Люцифер вновь приник к моим губам, влажно и напористо целуя, вжимая в свое разгоряченное тело, сминая кожу спины, пылающую под его пальцами. Наша близость пьянила, бросая в самый центр эмоционального торнадо, взметнувшего во мне все то, что я так настойчиво прятала последние годы.

Влюбленность.

Он казался мне самым лучшим, идеальным, потрясающим. Таким, что невозможно желать большего, ведь его не существует.

Сердце болезненно сжалось, едва не лопаюсь в тисках, которыми я старалась его сдержать, уберечь от опасной ошибки – отдать этому мужчине.

Люцифер обрушил ласковые покусывания на мою шею, зализывая каждый чуть краснеющий след. Провел по затвердевшему соску немного огрубевшими от наступивших холодов подушечками пальцев. Я очертила каждую напряженную мышцу на смуглом теле, от шеи, по груди и ниже, к прессу, устремив свое внимание на мешающую одежду, требующую немедленно отбросить ее. Потянула пижамные штаны вместе с боксерами вниз, освобождая сразу же взметнувшийся вверх член. Люцифер уже распален чувственным взаимодействием. И он не мешкал, заканчивая начатое мной, снимая следом мое белье.

Взяв инициативу на себя, мягко толкнула его в грудь. Он не противился, лег на спину и дал мне возможность оказаться сверху. Я погладила ладонями вздымающуюся от частого дыхания грудь. Пробралась поцелуями от солнечного сплетения к татуированной шее, на которой, не удержавшись, оставила укус, чуть царапая кожу зубами, одновременно оттянув пальцами смоляные волосы на затылке. Ответом мне послужил хриловатый дрожащий стон, непривычный из его уст, означающий попадание в цель. Немного вспыхнувшую страсть сменили нежные прикосновениями губ к щеке с колючей щетиной.

Люцифер поглаживал мои бедра, проминая их крепкой хваткой, повинуюсь которой я устремилась вперед, держась за широкие плечи и нарочито опустившись достаточно низко. Трепетность, томящая своей плавностью, разбавилась откровенным жестом, в котором я проехала промежностью по твердой горячей плоти, размазав свою смазку по всей длине. Я замерла, улавливая в глазах Люцифера восторженное ожидание дальнейшего. Короткий рывок, и член оказался у самого входа, осталось только принять его в себя. Низ живота приятно потяжелел, призывая продолжить начатое. Клитор пульсировал от прилива крови, став чувствительным средоточием возбуждения. Я повела бедрами по кругу, чуть наклоняясь, давая столь желанное прикосновение нам обоим. Трение самой чувствительной точкой о налитую, крупную головку члена сбило мое дыхание и ритм сердца дурманящей жаждой большего. Мы вновь утонули в ненасытном поцелуе, во время которого я не прекращала своих действий.

Опомнившись от гипнотической похоти, бросающей тело в жар, Люцифер потянулся к тумбочке, где лежали контрацептивы. Дурацкая заминка, всегда раздражающая меня. Он надорвал серебристую упаковку, которую я тут же нагло отобрала, превращая промедление в элемент игры. Достала презерватив, небрежно бросив фольгу в сторону. Раскатала его

плавно, неторопливо по всей длине, чуть сжимая член, от чего Люцифер двинул навстречу бедрами в нетерпении, дернул меня вперед за ягодицы, стиснутые до боли, электрическими импульсами пронзившей тело.

Я привстала над ним, разводя ноги шире, и чуть откинулась корпусом назад, так, чтобы он увидел все происходящее. Люцифер направил член, возвращая руку на мой зад, и скользящим, медленным движением насадил меня на него, позволяя нам обоим прочувствовать момент. Я не закрывала глаза, показывая свою реакцию без стеснения. Как заводит меня ощущать воссоединение, приятную наполненность, раздвигающую влажные стенки, чувствовать каждую вену, каждый миллиметр. Опустившись до конца, вызвала рваный вздох у нас обоих, побуждающий начать движение. Я завела руки за спину, упирая их в бедра Люцифера, и начала двигаться, неотрывно следя за его эмоциями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4wu>

---

notes

исп. завтра

Твой единственный недостаток
В том, что ты слишком мила.
Подойди, разве ты не видишь?
Я хочу тебя, всю в татуировках,
Я хочу тебя очень сильно,
Совершенствуй меня, изводи меня,
Я хочу, чтобы ты была плохой.
Если бы ты только могла читать мысли,
Ты бы знала, что я ждал
Так долго
Такую же, как ты